

ISSN 2312-3400

ИЗВЕСТИЯ ОБЩЕСТВА

АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

П Р И К А З А Н С К О М У Н И В Е Р С И Т Е Т Е

2017
Том 37, № 2

**ИЗВЕСТИЯ
ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ
ПРИ КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

Том 37, № 2

Главный редактор

Напольских Владимир Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры культурологии Удмуртского государственного университета (Ижевск), член-корреспондент РАН.

Состав редакционного совета:

Председатель – Хайрутдинов Рамиль Равилович, кандидат исторических наук, доцент, директор Института международных отношений, истории и востоковедения КФУ, председатель Совета отделения Российского исторического общества в Казани.

Члены редакционного совета:

Арутюнов Сергей Александрович, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, заведующий сектором Кавказа Института этнологии и этнической антропологии (Москва).

Головнёв Андрей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Этнографического Бюро, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (Санкт-Петербург).

Измайлов Искандер Лерунович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии АП РТ (Казань);

Казанский Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор, академик РАН (Санкт-Петербург).

Михай Хоппал, Dr. hab., профессор, президент International Society for Shamanistic Research (Будапешт).

Наумкин Виталий Вячеславович, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, директор Института востоковедения РАН (Москва);

Пиотровский Михаил Борисович, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, генеральный директор Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург);

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор Казанского государственного института культуры и искусств (Казань);

Ситдииков Айрат Габитович, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент АН РТ, директор Института археологии АП РТ (Казань).

Эберхард Винклер, Dr. hab., профессор, заведующий кафедрой финно-угроведения Гёттингенского университета (Гёттинген).

Юха Янхунен, Dr. hab., профессор, заведующий кафедрой восточноазиатских исследований Хельсинкского университета (Хельсинки).

Печатается по решению Ученого совета Института международных отношений, истории и востоковедения КФУ и Совета отделения Российского исторического общества в Казани.

Журнал выходит с 2017 года 4 раза в год (возобновленное издание 1878-1929 гг.)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-72116. Зарегистрировано Роскомнадзором 29.12.2017.

Адрес редакции: 420008, Республика Татарстан, г. Казань, ул. М. Межлаука, д. 3, каб. 117.

PROCEEDINGS
OF THE SOCIETY FOR HISTORY, ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY
AT THE KAZAN UNIVERSITY

Volume 37, issue 2.

Editor-in-chief

Vladimir V. Napol'skikh, Doctor of history, Professor of the Udmurt state University, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk – Kazan).

Editorial board:

Chairman – Ramil R. Khayrutdinov, Phd, Ass. Prof., Director of the Institute for international relations, history and oriental studies of the Kazan University, Chairman of the Dept. Council of the Russian Historical Society in Kazan (Kazan).

Members of the editorial board:

Sergey A. Arutyunov, Doctor of history, Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Dept. of Caucasus of the Institute for Ethnology and Ethnic Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

Andrey V. Golovnyov, Doctor of history, Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Museum of anthropology and ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (St.-Petersburg).

Iskander L. Izmaylov, Doctor of history, Head researcher of the Institute for Archaeology of the Academy of Sciences of Tatarstan.

Nikolay N. Kazanskiy, Doctor of Philology, Professor, Full member of the Russian Academy of Sciences (St.-Petersburg).

Mihály Hoppál, Dr. hab., Professor, President of the International Society for Shamanistic Research (Budapest).

Vitaliy V. Naumkin, Doctor of History, Professor, Full member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

Mikhail B. Piotrovskiy, Doctor of History, Professor, Full member of the Russian Academy of Sciences, Director of the State Hermitage (St.-Petersburg).

Konstantin A. Rudenko, Doctor of History, Professor (Kazan).

Ayrat G. Sitdikov, Doctor of History, Professor, Corresponding member of the Academy of Sciences of Tatarstan, Director of the Institute for Archaeology of the Academy of Sciences of Tatarstan (Kazan).

Eberhard Winkler, Dr. hab., Professor, Head of the Institute of Finno-Ugric Studies of the University of Göttingen (Göttingen).

Juha Janhunen, Dr. hab., Professor, Head of the Dept. of East Asiatic Studies of the University of Helsinki (Helsinki).

Published after the decision of the scientific council of the Institute for international relations, history and oriental studies of the Kazan University and the Dept. Council of the Russian Historical Society in Kazan.

Published since 2014 (resumed edition after 1878-1929) 4 times a year.

Address of the redaction: Russia, 420008, Kazan, Mezhlauka, 3, r. 117

От редакции

Во втором и третьем выпусках 37-го тома «Известий Общества истории, археологии и этнографии» мы публикуем монографию И. А. Косаревой, посвящённую выделению этнографических групп удмуртов. До сих пор членение удмуртского народа в этнографической литературе основывалось скорее на общих историко-географических соображениях (выделялись северные, южные, срединные удмурты, периферийные закамские и завятские группы и т. п.) или на давно известных фактах самоидентификации отдельных групп (бесермяне, удмурты-ватка), при этом границы этих групп оставались расплывчатыми (за исключением разве что бесермян, чётко сохраняющих особое самосознание и самоназвание), а критерии их выделения чаще всего – неопределёнными. Намеченный в работах В. Н. Белицер, С. Н. Виноградова и – в особенности – С. Х. Лебедевой подход, при котором главным критерием выделения этнографических групп стали особенности хорошо сохранявшегося вплоть до второй половины XX в. женского традиционного костюма, дополненные данными по орнаменту, ткачеству, традиционным украшениям и некоторым специфическим формам традиционных ремёсел, оказался вполне оправдан и нашёл завершение в трудах И. А. Косаревой. Данная монография является итогом многолетней полевой и аналитической работы, в ней впервые обосновывается выделение основных этнографических групп удмуртского народа. Сделано это на огромном, преимущественно собранном самим автором в ходе экспедиций практически ко всем группам удмуртов, материале. Границы выделяемых групп проводятся с точностью до отдельных деревень и на основании определённых и обоснованных критериев. Эти границы в основном согласуются с границами удмуртских диалектов и говоров, также ставшими ясными в последние десятилетия прежде всего благодаря работам Р. Ш. Насибуллина, чем ещё раз подтверждаются их исторически обусловленные истоки и ценность для понимания истории удмуртского народа и Камско-Вятского региона в целом.

В силу значимости публикуемой монографии и большого объёма иллюстративного материала, который имеет принципиальное значение для понимания аргументации и выводов автора и представляет собой самостоятельную ценность, редакция сочла возможным опубликовать монографию И. А. Косаревой в двух выпусках. Второй выпуск 37-го тома содержит полный текст монографии, а третий – альбом карт и фотографий.

**Косарева
Ирина Алексеевна**

**Этнографические группы
удмуртского народа
(опыт выделения).
Часть 1. Текст**

Ответственный редактор
чл.-корр. РАН **В. В. Напольских**

Предисловие

Я призван к жизни кровью всех рождений
И всех смертей, я жил во времена,
Когда народа безымянный гений
Немую плоть предметов и явлений
Одушевлял, даруя имена.
Арсений Тарковский

Представленная вниманию читателя книга является логическим продолжением моей работы «Традиционная женская одежда периферийных групп удмуртов» (издание УИИЯЛ УРО РАН, Ижевск, 2000), где на материале исторически сложившихся костюмных комплексов выявлены проживающие за пределами Удмуртии этнографические подразделения шошминских, кукморских, слободских, косинских и закамских удмуртов и определены их ареалы (Карта 1). После вычленения подразделений народа, проживающих на окраинах его этнической территории, следующим шагом стало исследование территории Удмуртии и выделение здесь аналогичных групп и территорий их проживания.

Предлагая читателю эту книгу, свою особую признательность и благодарность хочу выразить учителям: †Клавдии Ивановне Козловой, †Льву Павловичу Лашуку, †Рудольфу Фердинандовичу Итсу, Ирине Яковлевне Богуславской.

Я благодарна всем моим коллегам в Удмуртии, так или иначе причастным к разработке вставших передо мной вопросов. Это этнографы Владимир Емельянович Владыкин, †Галина Аркадьевна Никитина, Люция Аполлосовна Волкова, Елена Васильевна Попова, археологи Римма Дмитриевна Голдина, Маргарита Григорьевна Иванова, Надежда Ивановна Шутова, Леонид Дмитриевич Макаров, историки †Аркадий Андреевич Тронин, †Татьяна Николаевна Ефремова, Нэлли Павловна Ли-

генко, Марина Борисовна Рупосова, диалектологи Риф Шакрисламович Насибуллин, Сергей Анатольевич Максимов, языковед Михаил Гаврилович Атаманов, собиратель удмуртских коллекций Национального Музея УР Серафима Христофоровна Лебедева.

За многолетнюю помощь в решении организационных и финансовых вопросов, связанных с проведением полевых исследований, хочу поблагодарить ректора УдГУ †Виталия Анатольевича Журавлёва и заведующего кафедрой, где я преподавала двадцать лет, †Алексея Геннадьевича Красильникова. За поддержку моих исследований 2005 г. хочу выразить признательность министру национальной политики УР †Владимиру Николаевичу Завалину, сотрудникам министерства этнографам †Юрию Владимировичу Александрову и Павлу Анатольевичу Орлову.

Я благодарна Российскому Гуманитарному Научному Фонду, поддержавшему мой исследовательский проект 2006 года (РГНФ № 06-01-18129-е). Без этой очень существенной поддержки мои исследования и данная книга состояться не могли.

Особую признательность и благодарность за внимательное прочтение и проникновение в текст, за высказанные замечания и советы, за поддержку моего стремления опубликовать полученные результаты хочу выразить Владимиру Владимировичу Напольских.

Не могу не сказать слов благодарности Владимиру Валентиновичу Овчинникову за решение важных для меня организационных вопросов и обеспечение моих исследований цифровой и компьютерной техникой. Я признательна Владимиру Вениаминовичу Ковычеву за помощь в оформлении иллюстраций и карт, размещённых в этой книге. Самые тёплые слова хочется сказать водителю УдГУ Тахиру Фоатовичу Такиуллину и поблагодарить его за надёжность, долготерпение и нелёгкий труд.

Введение

Этнографические исследования приводят к выявлению различных подразделений того или иного этноса. Это актуально и для этнографического изучения удмуртов. Выявление исторически сложившихся структурных подразделений удмуртского народа давно занимает умы исследователей (Миллер, 1791, с. 27-28; Худяков, 1920; Владыкин, 1970б, с. 37-47). Однако эта существенная научная задача так и не была исчерпывающе решена. До сих пор структура удмуртского народа и процессы, приведшие к её формированию, не были выявлены до конца. Не были задействованы источники, способные пролить свет на данную непростую проблему. Оставалось очень много неясного.

Значительный вклад в решение этого вопроса был внесён коллективом диалектологов под руководством Р. Ш. Насибуллина. Результаты исследований показали интересную картину диалектной структуры удмуртского языка (Диалектологический атлас, I–IV, 2009, 2010, 2013, 2014). Данные диалектологии в дальнейшем мы будем сопоставлять с материалами этнографического районирования.

Интересны результаты изысканий в области удмуртского музыкального фольклора, проводимых на протяжении многих лет Р.А. Чураковой. Для нашего исследования показательны и значимы выявленные ею ареалы специфических явлений музыкальных обрядовых традиций (Чуракова, 1986; Чуракова, 1999). К сожалению, многие существенные наработки этого исследователя остались неопубликованными при жизни автора.

В этнографической литературе принято деление удмуртов на северных и южных. Первые рано оказались в контакте с русскими и вошли в 1489 г. вместе с Вятской землёй в состав Московского государства. Вторые издавна находились в более тесных контактах с тюркской этнокультурной средой. Их земли входили в состав владений сменявших друг друга Булгарского государства, Золотой Орды и Казанского ханства. Естественным рубежом между северной и южной частями этноса в пределах Удмуртской Республики была лесистая и заболоченная полоса земель,

проходящая в широтном направлении по водоразделу р. Чепцы, её левых притоков с одной стороны и рек Кильмезь (левый приток р. Вятки), Иж и Сива (правые притоки р. Камы) – с другой (Шутова, 1992, с. 100). По этой естественной границе проходил рубеж, разделявший владения Вятской земли, а потом Великого княжества Московского и Казанского ханства, получивший в документах XVI-XVII вв. название «казанского рубежа». (Луппов, 1931, с. 116; Гришкина, 1976, с. 102).

К северным удмуртам относят население бассейна р. Чепцы (левый приток р. Вятки), протекающей по северу Удмуртии и ряду районов Кировской области). Жители этих земель до сих пор наряду с эндоэтнонимом *удмурт* сохраняют самоназвание *ватка*. В бассейне р. Чепцы на территории Удмуртии были выявлены их территориальные подразделения: *вылланыс* `верхние` (они населяют верхнее течение р. Чепцы) и *улланыс* – `нижние` (их деревни расположены ниже по р. Чепце, в её среднем течении) (Владыкин, 1970б, с. 42).

В низовьях р. Чепцы (на территории Кировской области) сохранились два территориальных подразделения *ватка*: косинские и слободские удмурты. Оба эти подразделения проживают изолированно друг от друга на разных берегах р. Чепцы и имеют свои удалённые один от другого ареалы. Это разные человеческие популяции (Карта 2). В обозримом прошлом (до середины XX в.) и для косинских, и для слободских удмуртов был характерен высокий уровень эндогамии. Документированный случай переезда двух семей слободских удмуртов в косинские земли не менял ситуации (Удмурты 1958, с. 248). Диалектологическими исследованиями у нижнечепецких удмуртов были обнаружены две группы говоров: косинская и слободская (Тепляшина, 1970, с. 156-196).

В книге 1974 г., (содержащей очень краткую, фрагментарную информацию об удмуртской одежде, но написанной на основании личных полевых материалов автора) художник С. Н. Виноградов выделил среди прочих, как отдельные, слободской и косинский костюмные комплексы (у С. Н. Виноградова последний обозначен как унинский) (Виноградов, 1974, с. 8, 9, 12, 13).

В последствии на этнографическом материале объективное существование косинских и слободских удмуртов как двух обособленных подразделений северных удмуртов установлено в результате полевых исследований автора данной работы (Косарева, 2000, с. 23-101). В частности,

стало ясно, что С. Н. Виноградов был прав в том, что традиционные костюмные комплексы косинской и слободской женской одежды обнаруживают, наряду с большим сходством, существенные различия, которым не придавали должного значения (Рис. 2-6). А научная литература отражала путаницу, существовавшую в представлениях об этих подразделениях удмуртского народа. Так, в статье 1987 г., посвящённой удмуртским костюмным комплексам авторы С. Х. Лебедева и М. Г. Атаманов обозначают нижнечепецких *ватка*, то как зуевских (в Зуевском районе наряду с Фалёнским, Унинским и Богородским районами Кировской области проживают косинские *ватка*), то как унинско-слободских удмуртов, объединяя два подразделения (косинских и слободских удмуртов) в одно (Лебедева, Атаманов, 1987, с. 130, 134). И в более поздней своей работе М. Г. Атаманов придерживался этой же точки зрения (Атаманов, 2010, с. 255). Почему-то этот исследователь моё несогласие с ним по научному вопросу, выраженное в академической форме в моей первой книге, воспринял как проявление неуважения (Атаманов 2010, с. 233). Введённое в научный оборот автором данной книги понятие *косинские удмурты* (Косарева, 1991, с. 153) было принято впоследствии С. Х. Лебедевой (Лебедева, 2008, с. 24-61).

Информация о существовании среди удмуртов двух этнотерриториальных групп – *ватка* и *калмез* впервые появляется в этнографической литературе XIX в. (Гаврилов, 1880, с. 148). Само понятие *калмез* было зафиксировано гораздо раньше – в 1726 г. Д. Г. Мессершмидтом, однако материалы этого автора были опубликованы совсем недавно (Напольских, 2001, с. 85). Столетие спустя, после выхода работы Б. Гаврилова в итоговой монографии, обобщающей результаты этнографических исследований XX в. по этому вопросу, написано буквально следующее: «в недавнем, исторически обозримом прошлом удмурты делились на две эндогамные группы – *ватка* и *калмез*» (Атаманов, Владыкин, 1993, с. 28). То есть, по мнению этих авторов, все удмурты – это либо *ватка*, либо *калмезы*.

Год спустя в этнографической литературе об удмуртах была высказана отражающая объективную реальность мысль о том, что в состав *ватка* и *калмез* не входят удмурты южных, восточных и центральных районов Удмуртии, и они, может быть, входили в состав других этнографических подразделений (Владыкин, 1994, с. 256). Какие это подразделения? Можно ли их обнаружить? Данное исследование – попытка ответить на эти вопросы.

В своей работе В. Е. Владыкин перечислил известные ему локальные группы удмуртов: слободские и унинские удмурты Кировской области, карлыганские Республики Марий Эл, кукморские, балтасинские, и бавлинские Республики Татарстан, янаульские и татышлинские Республики Башкортостан, куединские Пермской области, красноуфимские Свердловской области, тигинские Томской области, бирилюосские Красноярского края (Владыкин, 1994, с. 257). В данном перечне части этноса привязаны к субъектам РФ. Однако административные границы не учитывают ареалы этнографических подразделений. В границах одного административного образования могут проживать разные этнографические группы. В то же время, территории, населённые одним этнографическим подразделением, могут быть разделены административными границами. Поэтому перечень, приведённый вышеупомянутым автором, требует существенных уточнений.

Невозможно заниматься вычленением подразделений этноса, не коснувшись проблемы их статуса. Разрабатывая проблему типологизации этнических общностей, Ю. В. Бромлей предложил использовать термин «этнографическая группа» для обозначения общностей, не имеющих чёткого самосознания. Такие группы можно выявить лишь путём специального этнографического исследования (Бромлей, 1972, с. 62). При этом общности, обладающие самосознанием, отражённым в самоназвании, он предложил обозначать понятием «субэтнос» (Бромлей, 1983, с. 84-85).

Р. Г. Кузеев предложил учитывать при этом ещё такой существенный признак, как территория формирования и функционирования группы. По его предложению, под «этнографической группой» следует понимать внутренние части этноса, отличающиеся от основного массива определёнными особенностями в языке, материальной и духовной культуре, однако функционирующие в территориальных рамках материнского этноса и участвующие в процессах внутриэтнической консолидации. В то же время, термином «этническая группа» следует обозначать группы, расселившиеся и функционирующие в известном отрыве от материнского этноса, вне основной этнической территории, в большем или меньшем отдалении от неё в иной лингвокультурной среде. Оказавшиеся в изоляции, этнические группы не участвуют с момента отрыва в консолидационных процессах (Кузеев, Бабенко, 1992, с. 18-19).

Поскольку невозможно чётко определить, на какое расстояние должна быть удалена группа, чтобы считаться этнической, В. В. Напольских предлагает (личное сообщение) давно принятое в этнографической науке чёткое и ясное разграничение: этнографическая группа – это группа, не осознающая свою обособленность, выделяемая учёными на базе анализа этнографического материала. Этническая группа – это группа, сами члены которой осознают свою культурную обособленность, что отражается в наличии эндоэтнонима. Именно эти понятия приняты как основополагающие в данной работе.

Категории «субэтнос», «этническая группа» и «этнографическая группа» применимы к различным подразделениям удмуртского народа. К категории «субэтнуса», несомненно, надо отнести *бесермян*, в формировании которых участвовали удмуртский и тюркский (булгаро-чувашский) компоненты. В результате этого взаимодействия сформировалась общность, сочетающая такие черты культуры, как удмуртский язык и отличающиеся от удмуртских, близкие чувашским формы традиционной одежды (Рис. 7-9). Обособленность от удмуртского этноса, осознание себя отдельной общностью отразилось в самоназвании *бесермян* (Косарева, 1997, с. 66-67; Косарева, 2000, с. 185-187).

К категории этнических групп необходимо отнести удмуртов *ватка*, употребляющих наряду с самоназванием *удмурт* эндоэтноним *ватка*.

Красноуфимские удмурты Свердловской области испытали со стороны восточных мариЙцев влияние столь значительное, что перешли на мариЙские формы традиционной одежды. Диалектологические исследования, проведённые в 1970-х гг. Р. Ш. Насибуллинм (личное сообщение), показали, что изначально их диалект обладал чертами, характерными для шошминских удмуртов.

Среди тигинских удмуртов, мигрировавших в Чаинский район Томской области, преобладали выходцы с территории, которая по современному административному делению относится к Шарканскому району Удмуртии, то есть представители верхнеижско-шарканской группы. Бирилюссские удмурты, обосновавшиеся в Бирилюссском районе Красноярского края, являются, преимущественно, выходцами из Игринского района Удмуртии, населённого *ватка* (Атаманов, 2005, с. 187).

Если руководствоваться критерием Р. Г. Кузеева, красноуфимских, тигинских и бирилюссских удмуртов необходимо отнести к категории

этнических групп, как расселившихся в отдалении от основной части этноса. Если же, напротив, взять за основу критерий, предложенный В. В. Напольских, термин *этнографическая группа* можно применять к красноуфимским и тигинским удмуртам, а также и по отношению к бирлюсским удмуртам, если последние не сохранили представление о некоторой своей обособленности и эндоэтноним *ватка*, характерный для их предков. Поскольку вопрос о дефинициях в данном случае остаётся открытым, точная классификация данных этнографических подразделений является делом будущего.

Все прочие удмуртские локальные группы, упомянутые В. Е. Владыкиным, являются этнографическими группами, компактно проживающими в землях, граничащих с Удмуртской республикой. Бавлинских или верхнеикских удмуртов, мигрировавших далеко на юг, в верховья р. Ик (левый приток р. Камы), в земли, относящиеся теперь к Бавлинскому району Татарстана и Ермекеевскому району Башкортостана, граничащие с Оренбургскими степями, необходимо, по-видимому, отнести к этой же категории. Хотя их ареал находится на значительном удалении от Удмуртии, связь с исторической родиной в прошлом они поддерживали, сплаваясь на лодках летом и пешим ходом или лыжным бегом по льду замерзшей реки зимой (Атаманов, 2005, с. 104).

Недостаточная изученность структуры этноса отразилась и в том, какие локальные группы выделил в своей работе В. Е. Владыкин. Удмурты, которых этот автор обозначил как унинских, проживают в Унинском районе Кировской области. Они, как и жители сопредельных (Зуевского, Фалёнского, Богородского) районов населяют бассейн р. Косы, (левый приток р. Чепцы). Это – косинские *ватка*, о которых уже сказано выше. Кроме *ватка*, в Унинском районе проживает другая этнографическая группа удмуртов (унинские *калмезы*), отличающаяся от *ватка* традициями и диалектом. Об унинских *калмезах* подробнее будет сказано ниже.

Удмурты, названные карлыганскими, (по названию д. Карлыган Мари-Турекского района республики Марий Эл) и балтасинские удмурты из Балтасинского района Татарстана (вместе с удмуртами правобережных привятских земель Малмыжского района Кировской области) составляют единое подразделение удмуртского народа, с давних пор проживающее в бассейне р. Шошмы. Ареал этого подразделения (шошминской подгруппы завятских удмуртов) разделён современными административ-

ными границами и отнесён к трём субъектам РФ. Вместе с упомянутыми В. Е. Владыкиным кукморскими удмуртами (это другая подгруппа завятских удмуртов), проживающими в Кукморском и Мамадышском районах Татарстана, шошминские удмурты составляют этнографическую группу завятских или арских удмуртов. На диалектологическом материале членение завятских удмуртов на шошминских и кукморских впервые выявлено в конце XIX в. Исследователи Т. Г. Аминофф и Б. Мункачи выделили т.н. казанский диалект, соответствующий кукморскому диалекту, а Ю. Вихман выявил малмыжско-уржумский диалект, совпадающий с шошминским диалектом. (Кельмаков, 1987, с. 38-39) В 1960-1970-х гг. исследователями Т. И. Тепляшиной и В. К. Кельмаковым были вычленены шошминский и кукморский диалекты периферийно-южного наречия удмуртского языка. (Тепляшина, 1961, с. 125-139; Кельмаков, 1970).

С. Н. Виноградов в работе 1974 г. определил как разные костюмные комплексы – карлыганский (по названию села Карлыган, входящего в шошминский ареал – И. К.) и кукморско-бемыжский (в данном случае речь идёт о костюме кукморских удмуртов – И. К.) (Виноградов 1974:24, 25, 30, 31). Хотя данное автором описание одежды очень краткое и фрагментарное, внимательный взгляд художника подметил существенные различия.

Выявить два специфических подразделения шошминских и кукморских удмуртов на этнографическом материале и чётко определить их ареалы позволили полевые исследования автора этой работы (Косарева, 2000, с. 103-196) (Карта 3). Традиционные костюмные комплексы, женские украшения, девичьи головные уборы шошминских и кукморских удмуртов обладают своей спецификой (Рис. 10-16). Оба эти подразделения имеют свои ареалы. Внутри они скреплены брачными связями.

Обозначенные в работе В. Е. Владыкина как отдельные подразделения янаульские и татышлинские удмурты Башкортостана, а также куединские удмурты Пермской области – это единая закамская этнографическая группа удмуртов, с общей историей формирования, единым костюмным комплексом, головными уборами, специфическими женскими украшениями (Косарева, 2000, с. 162-193) (Рис. 17-18). Они населяют, кроме Янаульского и Татышлинского районов Башкортостана и сопредельного с Янаульским Куединского района Пермской области, ещё Калтасинский, Бураевский, Илишевский и Кушнаренковский районы Башкортостана.

Диалектолог Р. Ш. Насибуллини объединяет их под названием закамских удмуртов, выявляя у них пять говоров, обладающих как особенными, так и общими чертами (Насибуллин, 1976) (Карта 4).

Помимо всех этих названных выше этнографических групп удмуртов в этнографической литературе выделяют ещё группу, которую обозначают как шарканско-якшур-бодьинскую (Атаманов, 2005, с. 159; Лебедева, 2008, с. 156-166). Она также обладает яркими специфическими чертами культуры. Однако поскольку западная часть Якшур-Бодьинского района относится к бассейну р. Кильмезь и населена калмезами, а интересующая нас группа, составляющая единое целое с удмуртами Шарканского района, в Якшур-Бодьинском районе проживает в верховьях р. Иж, правильнее обозначить её как верхнеижско-шарканскую. Замечательная культурная специфика этой группы, проявляемая в традиционном костюме, головных уборах и народном искусстве не была ранее подвергнута никакому анализу. Не зафиксированными и не отраженными в литературе оставались яркие явления духовной жизни, свойственные этой группе.

И верхнеижско-шарканские удмурты, и калмезы проживают южнее водораздела Чепцы с одной стороны и р. Иж, р. Кильмезь и р. Сива с другой. По этому водоразделу проходил упомянутый выше «казанский рубеж». (Луппов, 1931, с. 116; Гришкина, 1976, с. 102).

С точки зрения социально-политической истории они должны быть отнесены к южным удмуртам, так как их земли находились в сфере влияния Золотой Орды и Казанского ханства. Однако их ареалы расположены в срединной части Удмуртии и отделены как от северных удмуртов (*ватка*), так и от собственно-южных удмуртов крупными лесными массивами, пересекающими Удмуртию в широтном направлении. В диалектологии их давно классифицируют как носителей срединных говоров (Кельмаков, 1987, с. 34, 38-39). И мы тоже будем называть их срединными удмуртами.

Ещё одно, вероятно, самое крупное подразделение удмуртского народа в литературе обозначено как «собственно южные удмурты» (Лебедева, Атаманов, 1987, с. 115). Это понятие отличает население южной Удмуртии от завятских, закамских, и бавлинских (тоже южных) удмуртов. Мы будем использовать при его написании дефис. Внутри собственно-южных удмуртов объективно существовали подразделения, до сих пор никак не выявленные на этнографическом материале. В ходе полевых исследований автора было обнаружено шесть этнографических подгрупп

собственно-южных удмуртов (Карта 5). Данные об особенностях их материальной и духовной культуры, народного искусства, эндогамии, об их ареалах давно требовали полевых исследований, тем более, что уходят поколения информаторов, способных пролить свет на эту непростую проблему, а сами явления культуры и память о них исчезают.

Вопрос о выявлении подразделений собственно-южных удмуртов затруднялся тем, что существуют сложности в различении удмуртских диалектов и говоров. Большое значение в этой ситуации имело издание Диалектологического атласа удмуртского языка, подготовленного авторским коллективом под руководством Р. Ш. Насибуллина (Диалектологический атлас, Вып. I–IV, 2009, 2010, 2013, 2014), а также личные беседы автора с Р. Ш. Насибуллиным и С. А. Максимовым, проводившим в последние десятилетия активное полевое изучение удмуртских диалектов.

Как следует из сказанного выше, представления о структуре удмуртского народа, его исторически сложившихся подразделениях и их расселении оставались до последнего времени весьма неполными. Цель исследования, положенного в основу данной работы, состояла в выявлении на новом полевом этнографическом материале не обнаруженных ранее этнографических подразделений удмуртского народа, уточнении локализации давно известных науке подразделений, этногеографическом районировании этноса. Кроме того, цель данного исследования была в том, чтобы там, где это возможно, проследить особенности этнической истории этих подразделений, их миграции внутри удмуртского ареала, взаимодействие с другими этносами.

Традиционная культура этнографических подразделений удмуртов, такие её проявления, как женская одежда, головные уборы и причёски, наборы украшений и их терминология, народное декоративно-прикладное искусство освещены в литературе недостаточно полно. В задачи данного исследования входит описание существенных особенностей удмуртского костюма различных этнографических подразделений, определение технической и художественной специфики традиционной вышивки, узорного ткачества и резьбы по дереву у разных подразделений удмуртов.

Другим интересным материалом, помогающим обнаружить этнографические подразделения удмуртов, являются данные о характерных для этих подразделений специфических явлениях духовной культуры – некоторых языческих культах, молениях, традиционных праздниках.

Кроме того, в ходе полевых исследований в ряде случаев удалось зафиксировать информацию о брачных связях внутри подразделений и запретах этих связей с соседними подразделениями. Эта информация тоже способствовала обнаружению искомым этнографическим групп и подгрупп народа. Её введение в научный оборот – одна из задач данной работы.

Формирование этнографических подразделений удмуртов, интересующих нас в данном исследовании, уходит корнями в прошлое. Однако информация, позволяющая выявить эти сообщества, относится преимущественно к периоду конца XIX – первой половины XX вв. Большая часть предметов одежды, украшений, народного искусства, выявленных автором в ходе полевых исследований или хранящихся в фондах различных музеев, принадлежит к этому же хронологическому отрезку.

Кроме того, данные этнографической литературы XVIII – нач. XIX вв., отдельные вещи, сохранившиеся у населения или имеющиеся в музейных собраниях, относящиеся к более раннему периоду, а также связанная с одеждой лексика, традиция вышивки, включающая разновременные напластования, археологические материалы по костюму – всё это в комплексе отодвигает нижнюю хронологическую границу в глубь времени и создаёт базу для применения ретроспективного метода. С другой стороны, в данном исследовании в качестве источников использован целый ряд предметов народного искусства, образцов удмуртского узорного ткачества, созданных в середине и во второй половине XX в., но выполненных в традициях более раннего времени. Это несколько раздвигает временные рамки. Но всё же большая часть информации, положенная в основу данного исследования, относится к обозначенному периоду конца XIX – первой половины XX в.

Итак, подразделения удмуртского народа, о которых пойдёт речь в данном исследовании, преимущественно не обладают чётким самосознанием, отражённым в самоназвании. Их можно обнаружить лишь путём специальных исследований. Большинство этих подразделения проживают в пределах основной этнической территории и участвуют в процессах внутриэтнической консолидации. Поэтому все они принадлежат к категории **этнографических групп**. Критериями, позволяющими выявить этнографические группы и их подразделения, являются:

1) **культурная специфика** (наличие ярко выраженного своеобразия явлений традиционной материальной и духовной культуры);

2) высокий уровень **эндогамии**, способствующий сохранению этой культурной специфики, обуславливающий через брачные и родственные связи определённую направленность и ограниченность информационных потоков, влияющих на выработку и сохранение традиций этнографического подразделения;

3) наличие несколько изолированных естественными границами: лесами, реками и болотами, а также установками на эндогамию **ареалов** искомым этнографических подразделений;

4) **языковые особенности**, выявляемые диалектологами.

Главная сложность проведения данного исследования была обусловлена тем, что уходят из жизни поколения информаторов, память которых хранит сведения о многих специфических явлениях традиционной культуры. Исчезают разрушаемые временем артефакты. Жизнь удмуртской деревни за последние сто лет изменилась существенно. Традиционная культура конца XIX – первой половины XX в. сегодня в значительной степени утрачена. Однако различия в культуре отдельных территориальных групп населения, хотя и с трудом, но пока ещё возможно отследить.

Подобное исследование в недавнем прошлом затрудняла недоступность подробной карты, наглядно демонстрирующей расселение удмуртов по берегам рек и их притоков, изолированность групп деревень друг от друга болотами и крупными лесными массивами. Издание подробной карты в масштабе 1:200000 (Удмуртская Республика. Общегеографическая карта, М., 1994) создало одно из важных условий, позволяющих приблизиться к решению непростой задачи, и способствовало выявлению ареалов этнографических подразделений.

Другим важным фактором, поднявшим на качественно новый уровень полевое изучение традиционной культуры удмуртов, стало появление цифровой техники, позволившей в неограниченном количестве запечатлевать явления материальной культуры и предметы народного искусства в цвете. Третьим и определяющим обстоятельством стала финансовая поддержка Министерством национальной политики УР (2005) и РГНФ (2006, исследовательский проект № 06-01-18129-е) масштабных полевых исследований, позволивших пролить свет на данный круг проблем. Многолетняя (с 1981 года) полевая исследовательская работа в разных местах проживания удмуртов автора этих строк позволила сформулировать вопросы, ответом на которые служит эта книга.

Часть 1.
Срединные удмурты

Глава 1.1. Этнографическая группа Калмез

Первое упоминание об этнографической группе *калмез* содержится в опубликованном недавно дневнике Д. Г. Мессершмидта за 1726 г. (Напольских, 2001, с. 85). Этот исследователь XVIII в. почерпнул сведения об удмуртах *калмезах* из общения с чепецкими удмуртами из с. Балезино на правом берегу р. Чепцы (этот населённый пункт в то время являлся деревней, состоящей из 15 или более курных изб). Информаторы Д. Г. Мессершмидта, скорее всего, являлись удмуртами *ватка* (Напольских, 2001, с. 131). Позднее, в XIX в., Б. Г. Гаврилов отмечал, что удмурты Глазовского уезда, имеющие самоназвание *ватка*, называют своих южных соседей *калмезами* (Гаврилов, 1880 с. 148).

В наши дни этноним *калмез* хорошо помнят косинские удмурты Унинского района Кировской области, принадлежащие к *ватка*. Они проживают рядом с водоразделом р. Чепцы и р. Кильмези и сохранили этноним *калмез* для обозначения отличающихся от них диалектом, одеждой и другими явлениями традиционной культуры жителей соседних деревень, расположенных на притоках р. Кильмезь.

Как показали полевые изыскания, проведённые автором данного исследования в деревнях, расположенных по всему бассейну р. Кильмезь, **нигде *калмезы* себя *калмезами* не называют**. Это же явление обнаружили изучавший в 1970-е годы расселение воршудных групп М. Г. Атаманов и собиравшая в 1960-1990-е годы этнографические коллекции для Национального музея УР С. Х. Лебедева (личные сообщения).

Поэтому с полной уверенностью можно утверждать, что название *калмез* не являлось эндэтнонимом, по крайней мере, в позднюю эпоху. Оно бытовало у удмуртов *ватка*, которые данным термином называли «других» удмуртов, проживающих южнее, отличающихся культурными традициями и диалектными особенностями языка.

Данная глава посвящена выявленной в ходе полевых исследований этнографической группе, проживающей в бассейне р. Кильмезь. Вслед за В. В. Напольских, который справедливо полагает, что микроэтноним *калмез* безусловно связан с названием реки (Напольских, 2001, с. 131), я предлагаю использовать этот этноним для обозначения этнографической группы, проживающей в бассейне р. Кильмезь. Таким образом, термин *калмезы* ниже обозначает не некое «племенное» или территориальное объединение удмуртов с особым самоназванием (такое не фиксируется никакими материалами), а этнографическую группу удмуртов, для которой характерны выделяемые здесь особенности культуры, и которая была расселена преимущественно в бассейне р. Кильмезь.

Разные исследователи высказывали различные мнения о месте исходного проживания предков удмуртского населения бассейна р. Кильмезь. Б. Г. Гаврилов полагал, что *калмезы* изначально жили в бассейне р. Чепцы и были вытеснены оттуда мигрировавшими с запада удмуртами *ватка* (Гаврилов, 1880, с. 148). А. А. Спицын, основываясь на данных топонимики и археологии, утверждал, что *калмезы* жили на правом берегу р. Вятки по её притоку р. Пижме. Оттуда их вытеснили марийцы. *Калмезы* были вынуждены переселиться на левый берег р. Вятки в бассейн р. Кильмезь (Спицын, 1893, с. 96-98).

Р. Д. Голдина, опираясь на результаты археологических исследований последних десятилетий, подтверждает точку зрения А. А. Спицына. По её мнению, *калмезы* являлись потомками носителей кочергинской археологической культуры X-XIII вв. и обитали в бассейне р. Пижмы. Под давлением марийских племён, вторгшихся в их пределы на рубеже I и II тыс., *калмезы* мигрировали в бассейн р. Кильмезь (Голдина, 2004 с. 321-322, 392).

Б. Г. Гаврилов, говоря о былом расселении *калмезов* в бассейне р. Чепцы, принимал во внимание названия некоторых рек, сохранившие языковые особенности, характерные для речи *калмезов* (Гаврилов, 1880, с. 148-150). По данным диалектолога С. А. Максимова (личное сообщение), языковые особенности, характерные для речи *калмезов*, сохраняет население некоторых деревень, расположенных в бассейне р. Чепцы, вблизи водораздела с р. Кильмезью. Это деревни Сектыр и Бачкеево на

р. Утемке в Игринском районе (р. Утемка – левый приток р. Лозы; р. Лоза впадает слева в р. Иту; Ита – крупный левый приток р. Чепцы.); а также деревни Малягурт и Тараканово в верховьях р. Убыть (левый приток р. Чепцы) в Красногорском районе.

Несмотря на то, что о *калмезах* как о подразделении удмуртского народа известно давно (Гаврилов, 1880 с. 148; Напольских, 2001 с. 85; Худяков, 1920, с. 344-345), их настоящий ареал никогда не был очерчен. У исследователей XIX в. не было чётких представлений о границах расселения *калмезов*. Так, И. Н. Смирнов правильно отнёс к *калмезам* удмуртов Малмыжского уезда. Однако он предпринимал попытки обнаружить традиционный калмезский женский головной убор *айшон* в с. Якшур-Бодья (Смирнов, 1890, с. 97), население которого относится совсем к другой – верхнеижско-шарканской – этнографической группе, не знавшей в обозримом прошлом головных уборов на берестяной основе.

В 1920 г. М. Г. Худяков писал о миграциях *калмезов* в южном и юго-восточном направлениях. Он отнёс к ним население д. Ляльшур Шарканского района, села Бураново Малопургинского района и д. Ныши-Какси Можгинского района (Худяков, 1920, с. 345). Жители первой из перечисленных деревень принадлежат к верхнеижско-шарканской этнографической группе, а двух последних – к разным подразделениям собственно-южных удмуртов.

Калмезы живут вдоль течения р. Кильмезь от её низовий в Кильмезском районе Кировской области до самых верховий. Причём большинство их деревень расположено на левом берегу реки, где они образуют сплошной массив с небольшими вкраплениями лесов. Низменный правый берег остаётся малонаселённым, и группы деревень с прилегающими освоенными землями образуют там островки на небольших возвышенностях среди леса. Что касается бассейна р. Валы (это крупный левый приток р. Кильмези), там *калмезами* занята лишь узкая полоса земель вдоль правого берега р. Увы (правый приток р. Валы) (Карта 6). Эти деревени относятся к Увинскому и Вавожскому районам. Больше в бассейне р. Валы *калмезских* деревень нет. Можно сказать, что основная часть *калмезского* населения проживает в междуречье р. Кильмези и р. Увы. Обе реки текут в направлении с северо-востока на юго-запад к слиянию с р. Валой. Предположение о том, что к *калмезам* принадле-

жат удмурты Можгинского, Завьяловского и Малопургинского районов (Атаманов, 2005, с. 141) полевыми исследованиями опровергнуто.

Одна из главных причин того, что ранее ареал *калмезов* не был определён, кроется в том, что население р. Кильмезь, обладающее явным единством черт традиционной культуры, распространённом на обширной территории, само этого единства не осознаёт. Оно не отражено ни в самосознании, ни в самоназвании этнографической группы. Данное единство выявляется только в результате полевых исследований.

Обобщая сказанное выше, констатируем, что *калмезы* – этнографическая группа, проживающая в пределах Удмуртской республики и в пограничном Кильмезском районе Кировской области, не обладающая самосознанием и самоназванием, это самосознание отражающим. Однако яркие проявления материальной и духовной культуры, о которых будет сказано ниже, языковые особенности, выявленные диалектологами, позволяют чётко выделить это подразделение удмуртского народа.

Очень важным критерием при выявлении этнографических групп в составе этноса является традиционный женский костюм. В частности: 1) головной убор (комплекс предметов, надеваемых на голову, их конструкция, декор и названия); 2) украшения (набор предметов, материал, из которого они изготовлены, их форма и наименования); 3) нательная одежда (в первую очередь – рубаха, её материал, покрой, декор).

Одежда *калмезов* была уже в XIX в. модернизирована и приближена к городскому костюму, утратив при этом исторически сложившиеся специфические особенности покроя и декора. Поэтому важное значение для выявления ареала группы могли бы иметь традиционные головные уборы. Из этнографической литературы XIX в. известно, что женским головным убором *калмезов* был берестяной *айшон* цилиндрической формы (отличающийся от конусовидных *айшинов* других этнографических групп удмуртов), который к концу XIX в. полностью вышел из употребления. Этот предмет известен только по краткому упоминанию в работе И. Н. Смирнова. (Смирнов, 1890, с. 97) В ходе полевых исследований выяснилось, что девичьи праздничные головные уборы *пöртмаськон изьы* (*пöртмаськон* – осенний праздник калмезов, *изьы* ‘шапка’) были характерны для всех деревень *калмезов*, от самых низовий до верховий реки. В советский период их использовали в качестве традиционных го-

ловных уборов женщины-участницы коллективов художественной самодеятельности.

Все удмуртские деревни бассейна р. Кильмезь объединяет, видимо, очень давняя традиция проведения осенью замечательного праздника *пóртмаськон* (от удмуртского *пóртмаськыны* 'наряжаться').

У всех остальных групп удмуртов так называли проводимые во время святок с 7 по 19 января празднества, участники которых надевали вывернутые мехом наружу овчинные тулупы, мазали лицо сажей, натягивали на голову чулок с прорезями для глаз и т. п. Словом, меняли облик до неузнаваемости. Во время праздника колотили по печным заслонкам, стараясь произвести как можно больше шума и распугать нечистую силу. Подобное явление традиционной культуры было и у *калмезов*, но оно фигурировало под другими названиями. Например, в д. Туканово Сюмсинского района зимний праздник называли *шуш кариськон* 'некрасивое ряжение' и считали, что он был необходим для того, чтобы хорошо плодилась скотина.

Осенний *пóртмаськон калмезов* – праздник иного рода. Его проводили в дни близкие к Покрову, в середине октября, а в советский период старались приурочить к 7 ноября. В празднике было задействовано всё население деревни, но главными действующими лицами были юные девушки и молодые люди. Девушкам к этому празднику шили нарядные платья. На голову участницы (не все, а несколько человек) надевали упомянутые выше головные уборы *пóртмаськон изьы*, основу которых традиционно изготавливали из бересты или плели из ржаной соломы. (Интересно, что берестяные головные уборы, которые удалось обнаружить, имели, как и *калмезские* айшоны, цилиндрическую форму). В XX в. могли использовать и фетровые шляпы. Головной убор украшали бумажными цветами, перьями из петушиных хвостов, разноцветными шёлковыми, а позднее – капроновыми или атласными лентами (Рис. 19-30).

Празднично одетая группа молодёжи должна была с песнями и плясками обойти всю деревню, войти в каждый дом, где хозяева поджидали их с праздничным угощением и усаживали за стол. Девушки пели песни, в том числе и с эротическим смыслом, а один из молодых людей шуточно похлёстывал их небольшим кнутиком. Гуляние начиналось вечером и могло длиться до утра. В некоторых, очень больших, деревнях

гуляли две группы молодёжи в разных частях деревни, или обход мог длиться двое суток (как правило, всё мероприятие занимало не более суток). Традиция требовала, чтобы молодёжь посетила каждый дом. Этот праздник очень любили. Кое-где соседствующие деревни договаривались между собой, чтобы проводить праздник в разные дни. При этом жители каждой деревни приходили в соседнюю во время проведения там праздника и присутствовали в качестве зрителей. Таким образом, события любимого праздника переживали дважды.

Портмаськон жителей бассейна р. Кильмезь, с одной стороны, обладает ярким своеобразием, с другой стороны, обнаруживает устойчивое единство черт на всей огромной территории от низовий до самых верховий реки. Осенний праздник, знаменующий конец сезона сельскохозяйственных работ, связанных с обработкой земли, проводимый в преддверии зимы, по всей видимости, имеет очень давнее происхождение и помогает чётко очертить ареал этой этнографической группы.

О *портмаськоне* есть краткая информация в работе В. Е. Владыкина, хотя этот автор не связал данный праздник с *калмезами*, о которых здесь же высказался как о древнем, сложном, структурном образовании (Владыкин, 1994, с. 246-247; 255-256). Музыкальной специфике песен *портмаськона*, записанных на юге ареала *калмезов*, в Увинском районе, посвящена статья М. Г. Хрущёвой (Хрущёва, 1980, с. 231-246).

Перечислим сохранившиеся до наших дней деревни, в которых в 2005, 2006 годах автором этих строк были проведены полевые исследования, и было установлено, что информаторы помнят об осеннем празднике *портмаськон*, присущих ему головных уборам, специфике проведения и песнях. На западе, в низовьях р. Кильмезь в **Кильмезском** районе Кировской области деревни: Паска, Большой Газек. В **Сюмсинском** районе Удмуртии: Выселок, Удмуртская Бобья, Туканово, Гуртлуд, Правые Гайны, Малые Сюмси, Пумси, Бадзимлуд, Зон, Балма, Сюрек, Муки-Какси, Удмуртские Вишорки, Блажюсь. В **Селтинском** районе-Удмуртии: Халды, Толошур, Прой-Балма, Бигеней, Виняшур-Бия, Уть-Сюмси, Ботино, Кучёр, Мадьярово, Лудзи-Жикья, Кейлуд-Зюнья, Юмга-Омга, Эшметьгурт, Гобгурт, Мугло, Большая Нырья, Новая Жикья, Кельмовыр-Жикья, Малый Жайгил, Квашур, Пожгурт, Уметьгурт, Лыстем, Бабашур. В **Якшур-Бодьинском** районе Удмуртии: Кочиш, Лынвай,

Каравай, Варавай. В **Игринском** районе Удмуртии: Мучи, Мочешур, Шушангурт. На юге ареала калмезов, в **Увинском** районе Удмуртии: Узей-Тукля, Старая Тукля, Возёншур, Поршур-Тукля, Тёмкино, Чабишур, Пытцам, Пислег, Удмуртский Тыловой, Пужмес-Тукля, Ува-Тукля, Тимошур-Чунча, Старая Чунча, Ольховка. В **Вавожском** районе Удмуртии: Какмож-Итчи, Большая Можга, Жуё-Можга, Уё-Докья, Яголуд.

В некоторых деревнях, не вошедших в этот список, непосредственно исследования не проводились, но они расположены рядом с обследованными деревнями и в них, по данным информаторов, также существовала традиция осеннего *пóртмаськона*. Многие деревни, располагавшиеся вблизи перечисленных выше населённых пунктов, не сохранились до нашего времени, но, по данным опросов, и в них отмечали осенний *пóртмаськон*.

Интересно, что у одной из подгрупп собственно-южных удмуртов – севернокизнерской – исследователи обнаружили информацию о явлении, подобном *пóртмаськону калмезов*. Время проведения праздника, его содержательная сторона и название имели общие черты с *калмезскими*. В то же время в севернокизнерском празднике была своя специфика: нарочитое использование в застолье овощей вытянутой формы и придание им фаллического смысла (д. Дым-Дым Омга Вятско-Полянского района Кировской области, личное сообщение В. В. Напольских).

По данным Р. А. Чураковой, изучавшей удмуртский музыкальный фольклор в деревнях, которые мы относим к ареалу севернокизнерских удмуртов, во время праздника *пóртмаськон* имела место обрядовая смена пола. Здесь соломенные шляпы с нашитыми на них красными лентами надевали не девушки, а парни (Чуракова, 1999, с. 14). Вероятно, подобное празднование – явление очень давнее, связанное с языческим миропониманием. Оно имело в отдалённом прошлом у удмуртов широкое распространение и уцелело в разных формах у *калмезов* и севернокизнерских удмуртов.

Как уже было отмечено выше, основная часть *калмезов* живёт на левом берегу р. Кильмезь. На правом берегу деревень немного. Они сконцентрированы вокруг села Копки, села Зон, большой деревни Уть-Сюмси, деревни Паска (последняя – в Кильмезском районе Кировской области). В ходе полевых исследований было установлено, что жители

правобережных деревень, расположенных вокруг села Гура Сюмсинского района и деревень так называемых *калмезов* Унинского района Кировской области не знали осеннего *пдртмаськона* и присущих ему головных уборов.

Унинские и гуринские деревни расположены в бассейне р. Лумпунь, протекающей с севера на юг и впадающей в Кильмезь справа (Карты 2 и 6). В говорах унинских и гуринских удмуртов диалектологи обнаружили черты сходства, в том числе, например – отсутствие «избыточных» аффрикат, являющихся характерной чертой срединных говоров вообще и говоров бассейна р. Кильмезь в частности (личное сообщение С. А. Максимова). Очевидно, заселяя бассейн р. Лумпунь, группа удмуртского населения освоила среди лесов небольшую территорию, пригодную для земледелия на левом берегу этой реки (гуринские удмурты) и, продвинувшись выше по течению в её верховья, обосновалась там (унинские удмурты – «*калмезы*»). Гуринские и унинские удмурты в данное время не представляют собой единой группы, поддерживающей брачные связи. Они не обладают единством черт культуры. Об их исторической связи можно догадываться благодаря выявленным С. А. Максимовым диалектным особенностям языка. Для нашего исследования существенно, что удмурты бассейна р. Лумпунь не являются представителями этнографической группы, заселившей основную часть бассейна р. Кильмезь.

Косинские *ватка*, перебравшиеся на берега р. Косы (левого притока р. Чепцы) в XVII в., основав новые деревни на территории современного Унинского района Кировской области, повстречались с иными традициями и диалектом своих соседей, проживавших на берегах р. Лумпунь и её притоков и в верховьях протекающей поблизости р. Керзи, также относящейся к бассейну р. Кильмезь. Вероятно, поскольку деревни этих соседей были расположены в бассейне р. Кильмезь, косинские *ватка* окрестили их *калмезами*, вкладывая в это понятие чисто территориальный смысл. Перечислим названия калмезских деревень Унинского района Кировской области, существующих поныне, или существовавшие в недавнее время: Удмуртский Сурвай, Парон, Кочиш, Гожни, Гожни Починка (Пислеги), Маги, Ключи, Удмуртский Порез, Малый Полом, Удмуртские Тимши (Сенка), Зематы, Мурызы,

Максёнки, Пазял, Юберька, Малые Уни (Уни Починка) и село Уни. Информация об унинских калмезах была собрана автором в д. Удмуртский Сурвай и в д. Ключи (Карта 2).

В других местностях бассейна р. Кильмези проживает иная этнографическая группа, ярким культурным явлением которой является осенний *портмаськон*. Диалектные особенности языка отличают её и от *ватка* и от удмуртского населения бассейна р. Лумпунь. Чтобы избежать путаницы, можно обозначить жителей удмуртских деревень, расположенных в окрестностях с. Уни, *унинскими калмезами*, сохранив термин *калмезы* для населения основной части бассейна р. Кильмезь.

Интересно, что жители калмезских деревень Унинского района используют слово *калмез*, которым их до сих пор обозначают соседствующие с ними *ватка*, в значении 'кулёма, неловкий, забавный, смешной человек'. Так в шутку они иногда называют маленьких детей. Кроме того, эти информаторы отмечают, что жители бассейна р. Кильмезь, проживающие на территории Удмуртии, существенно отличаются от них говором. Информаторы полагают, что это и есть настоящие *калмезы*.

В коллекции краеведческого музея с. Уни хранится матерчатый женский головной убор, достоверной информации о котором в музейных документах нет (Рис. 31-32). Н. И. Шутовой, обратившей внимание на этот предмет информаторы по словесному описанию сообщили его предположительное название, обозначив эту вещь как *йыришет*, бытовавший в начале XX в. у унинских калмезов (Шутова, 2011, с. 67). Он шит из двух видов ткани. Из белого холста, стянутого сборкой, смоделирована полусферическая часть, отороченная по краю полосками красной и разноцветной ткани. Эта часть пришита к прямоугольному лоскуту клетчатой домотканины. С противоположной стороны к углам этого лоскута пришиты завязки, скрученные из суровых ниток. При надевании вещи полусферическую часть располагали надо лбом (Рис. 33). Лоскут помещали над теменем и макушкой. Тесёмки, возможно, пропускали за ушными раковинами и завязывали под подбородком или прикрепляли к голове как-либо иначе. Точно не известно, совместно с какими ещё предметами носили эту вещь. Возможно, поверх него надевали платок или покрывало. Понятно только, что полусферическая декорированная часть была хорошо видна, а всё остальное скрыто под платком или покрывалом.

Данный предмет конструктивно близок *ашъяну*, к одной из разновидностей этого женского головного убора завятских удмуртов, имеющего берестяную основу. О трёх разновидностях *ашъяна* я уже подробно писала (Косарева, 2000, с. 133-143). *Ашъян*, который женщина начинала носить после первого года замужества и использовала в качестве повседневного головного убора до конца детородного периода, имел берестяной каркас высотой всего несколько сантиметров. К нему крепилось покрывало, заложенное в глубокие складки и лопастью свисающее вдоль спины. Для удобства покрывало перехватывали на уровне талии поясом и завязками передника. Берестяная основа такого головного убора обтянута тканью. При надевании она располагалась надо лбом. Чтобы зафиксировать эту конструкцию на голове, к ней пришивали прямоугольный лоскут из жесткой домотканины, покрывающий темя и макушку. К свободным углам этого лоскута были пришиты матерчатые тесёмки, которые при надевании вещи располагали за ушными раковинами и застёгивали на крючок или пуговицу под подбородком (Рис. 34-36).

Головной убор из краеведческого музея в с. Уни конструктивно напоминает основу *ашъяна*, из которой вынут берестяной каркас. Возможно, некогда налобная часть предметов этого типа имела берестяную вставку, утраченную позднее. Мы не знаем точно, где бытовал этот предмет. В сельские музеи вещи часто привозили издалека и не документировали это. Мои информаторы, сообщали, что *йыришет* – это полоска, сшитая из домотканины и украшенная бусинами. Её завязывали на затылке и носили под платком. Вопрос о головном уборе из унинского музея, ареале его бытования и связи с той или иной группой населения требует дополнительного изучения.

В ходе полевых исследований удалось установить особенности покроя и декоративного оформления рубах как унинских *калмезов* Кировской области, так и *калмезов* – носителей традиции осеннего *пёртмаськона* – основного, преобладающего населения бассейна р. Кильмезь.

Унинские *калмезы* сохраняли прямой туникообразный покрой со сдвинутым вправо нагрудным разрезом (Рис. 37). Его применяли при изготовлении белых холщёвых рубах, декорированных плотной счётной вышивкой с преобладанием красного цвета. Вышивкой украшали узкую

планку вдоль нагрудного разреза, верхнюю часть рукавов и подол (Рис. 38-39). Этот покрой был сохранён и в более поздних вещах начала XX в., выполненных целиком из пестряди или из пестряди с ситцевой отделкой (Рис. 40-41).

Калмезы – носители традиции осеннего *пёртмаськона* – судя по сохранившимся фрагментам, выкраивали свои белые холщёвые рубахи с центральным продольным нагрудным разрезом. Слева и справа от последнего красным шёлком вышивали вертикальные симметричные полосы с разноцветными вставками «счётной глади». Узор дополняли мельчайшей чёрной сеткой шва «роспись» (Рис. 42).

Носители любой этнической традиции проявляли большой консерватизм в сохранении покроя нательной одежды. В ходе полевых исследований автора данной работы массовым и доступным материалом были сшитые из разноцветной пестряди или фабричной ткани поздние модернизированные рубахи, покрой которых приближен к городскому женскому платью. Поэтому большой удачей было обнаружение образцов более ранних рубах и их фрагментов, выполненных из белого холста, декорированных вышивкой по счёту нитей холста, имеющей давнее происхождение.

Выявленное различие в покрое и декоре нательной одежды – рубах – одно из свидетельств того, что в основной части бассейна р. Кильмезь и в Унинском районе Кировской области проживали две различные этнографические группы.

Покрой калмезских штанов совершенно идентичен покрою, традиционному для *ватка* и относится к типу штанов с узким шагом. Представление об этом покрое можно составить по приведённому ниже чертежу покроя штанов среднеижских левобережных удмуртов (Рис. 114), очень близком покрою *ватка* и *калмезов*.

У удмуртов бассейна р. Кильмезь не сложилось единого набора шейно-нагрудных украшений. На юге ареала *калмезов*, в западной части Увинского района и в северной части Вавожского, на правом берегу р. Увы, бытовал набор украшений, включавший перевязь *бутьмар*. Данное название очевидно заимствовано из татарского языка: *путемар* – перевязь с сумочкой для хранения амулета или футляра с миниатюрным Кораном или текстом молитвы (Ахметьянов, 2001, с. 164).

Вторым предметом, входившим в этот набор украшений, являлось нагрудное украшение *чигвесь*. Вторая часть слова образована от удм. *весь* 'бусы, ожерелье'. Однако удовлетворительную этимологию всего этого названия привести пока затруднительно. В полевых условиях удалось обнаружить два варианта *чигвесь*. В первом случае *чигвесь* – разъёмное украшение, включающее два предмета: 1) две полосы ткани, вертикально располагаемые по центру груди, пришитые к месяцевидной части, прилегающей при надевании к шее; 2) полоса ткани, полуовалом обрамляющая вертикальные детали (Рис. 43-44). Во втором – *чигвесь* представляет собой единое украшение, состоящее из единой вертикальной части и её полуовального обрамления (Рис. 45).

Отнесёмся с вниманием к тому, что подобное украшение было зафиксировано и в с. Тыловыл-Пельга Вавожского района, расположенном на территории, входящей в ареал севернокизнерской подгруппы собственно-южных удмуртов, имевших другое традиционное женское украшение. Я имею ввиду фотографию 1983 года, опубликованную в книге С. Х. Лебедевой (Лебедева, 2008, с. 170) (Рис. 46). Сравнительно небольшой по площади Вавожский район – один из самых сложных и интересных в этнографическом отношении. На его территории кроме земель *калмезов* располагаются ареалы ещё трёх этнографических подразделений удмуртов: водзимоньинской, севернокизнерской и можгинско-малопургинской подгрупп собственно-южных удмуртов, которым также будет уделено внимание на страницах этой книги. Тыловыл-Пелга не деревня, а село, славившееся в прошлом торговлей, ярмаркой, привлекательное для многих. Видимо, и семьи *калмезов* также переезжали сюда из северной части района.

В верховьях р. Кильмезь, в сопредельных территориях Селтинского, Игринского и Якшур-Бодьинского районов бытовало украшение *галэс*. В полевых условиях данный предмет обнаружить не удалось. Единственный образец этого украшения хранится в фондах НМУР (3498-УРМ/1441-1467сп). Он привезён из д. Даниловцы Якшур-Бодьинского района и представляет собой нашитое на узкую месяцевидную основу украшение, располагаемое в верхней части груди, около шеи. Верхний край украшения обшит бисером и стеклянными бусами. Ниже располагаются два ряда крупных серебряных монет. По бокам справа и

слева крепятся двойные низки бисера, отягощённые мелкими монетами (Рис. 47). Однако информаторы сообщали, что *галэс* был массивным украшением, закрывавшим грудь и верх живота. У нас нет возможности перепроверить и точно представить, как выглядел этот традиционный предмет. Этимология этого термина также остаётся загадкой.

Галэс, как и *чигвесь*, носили с перевязью, название которой *сюмыс бырттон* (*сюмыс* ‘сыромятная кожа’; *бырттон* от глагола *бырттыны* ‘продевать’) было зафиксировано В. Н. Белицер (Белицер, 1951, с. 77). Наличие перевязи в наборах украшений *калмезов*, само татарское название этого предмета (*буьмар*), характерное для части *калмезов*, свидетельствуют о контактах и культурном влиянии носителей ислама – казанских татар, более интенсивном в низовьях Кильмези, и менее ощутимом – в верховьях реки (Белицер, 1951, с. 78; Суслова, 1980, с. 45-48). Наборы украшений помогают выявить территориальные подгруппы *калмезов* и наметить их ареалы.

У унинских *калмезов* бытовало украшение *гадьвесь* (*гадь* ‘грудь’, *весь* ‘бусы’), которое плели ажурно из бисера и дополняли монетами. Об этих украшениях можно судить только по словесным описаниям информаторов. Ни одного предмета в полевых условиях выявить не удалось. Вообще ажурное бисероплетение не было характерно для удмуртов. Только завятские удмурты активно использовали чёрный и белый бисер для отделки праздничной женской одежды (накладного воротника, головных уборов), соединяли серьги простыми низками бисера, располагаемыми под подбородком. И в комплект девичьих украшений шошминских удмуртов входило ажурно сплетённое из коралловых бусин, дополненное мелкими монетами нагрудное украшение *гадигы* (Косарева, 2000, с. 149).

Перевязь в набор украшений унинских *калмезов* не входила. Этот факт свидетельствует об отсутствии заметных этнокультурных контактов с татарами у данной части удмуртского этноса. В то же время наличие перевязи и её татарское по происхождению название заставляет предполагать наличие подобных контактов у носителей традиции осеннего *портмаськона*, населяющих основную часть бассейна р. Кильмезь.

Традиции народного искусства, как известно, демонстрируют наличие информационных синхронных и диахронных связей. Навыки вышивки счётными швами были утрачены *калмезами* давно, и судить о её

наличии в прошлом мы можем только по отдельным сохранившимся фрагментам. Узорное ткачество женщины этой этнографической группы удмуртов использовали преимущественно для создания скатертей, по большей части многоремизных. Эти сложные в исполнении изделия не обладают ярко выраженной местной спецификой. Безворсовое ковроделие, которым так богат юг Удмуртии, у *калмезов* распространения не получило. А вот резьба по дереву, а именно – прялки – предметы, в прошлом ежедневно используемые каждой крестьянской женщиной с раннего детства и до глубокой старости – демонстрируют специфические местные особенности, сложившиеся на позднем этапе.

Традиционная удмуртская прялка *кубо* состоит из донца, четырёхгранного столбца и четырёхгранного же навершия с длинным гладким коническим концом, к которому привязывали кудель. Её украшали трёхгранно-выемчатой, ногтевидно-выемчатой резьбой и геометрическими орнаментами, состоящими из гладких и заштрихованных мелкими параллельными нарезками участков. Такие прялки бытовали по всему удмуртскому ареалу. На рубеже XIX и XX вв. им на смену повсеместно пришли прялки с выточенными на токарном станке столбцом и навершием. Для прялок *калмезов* характерно сохранение в нижней части точёного на станке округлого в сечении столбца значительного по высоте четырёхгранного или многогранного участка. Эта особенность, характерная исключительно для *калмезов*, зафиксированная во множестве образцов в разных частях их ареала, свидетельствует об информационных связях, обусловленных отношениями родства и свойства, скрепляющих этнографическую группу (Рис. 48-51).

Данные ландратской переписи 1716 г. свидетельствуют о том, что деревни ареала *калмезов* входили в состав двух административных единиц – сотни Бегашки Ямеева и сотни Тохтарки Иванова. Названия многих деревень узнаваемы. Эти населённые пункты существуют и в наше время. Однако ряд деревень идентифицировать затруднительно. Возможно, они прекратили своё существование или сохранились под другими названиями.

Сотня Бегашки Ямеева включала территорию бассейна р. Кильмезь от населённых пунктов относящихся теперь к Кильмезскому району Кировской области на западе ареала до д. Мучи Игринского района

в самых верховьях реки, на востоке земель *калмезов*. К территории этой сотни относились и земли унинских *калмезов*. В д. Лумпунь в 1716 г. было 8 дворов и проживало 48 человек. В новопоселённой д. Новый Порез по р. Керзя в 1716 г. было 4 двора и проживало 23 человека. Керзя – левый приток р. Лобань, которая впадает в р. Кильмезь справа. Верховья р. Керзи расположены рядом с верховьями р. Лумпунь в Унинском районе Кировской области и также населены унинскими *калмезами*. В частности, там есть в наши дни д. Удмуртский Порез. Возможно, это современное название деревни, которая в документе 1716 г. фигурирует как Новый Порез. Документ петровской эпохи называет также д. Лумпунь по речке Чумашур, в которой было в наличии в 1716 г. 6 дворов и проживало 26 человек. Исчерпывающе точно определить круг деревень унинских удмуртов начала XVIII в. и выявить численность населения этого времени затруднительно (ЦГАДА, ф.350, д. 1061, л. 769-773).

Фигурирующие в документе петровского времени в сотне Бегашки Ямеева и существующие в наши дни деревни *калмезов*, носителей традиции осеннего *пóртмаськона*:

д. Гозек-Шудья (6 дв., 33 чел.) – д. Большой Гозек Кильмезского района Кировской обл.;

д. Старая Поска (15 дв., 59 чел.) – д. Паска Кильмезского района Кировской области;

д. Кунжик-Какся (5 дв., 26 чел.) – д. Кунжек Кильмезского района Кировской области;

поч. по речке От, словёт Усть Сюмси (11 дв., 45 чел.) – д. Уть-Сюмси Сюмсинского района;

д. Копки (27 дв., 119 чел.) – с. Копки Селтинского района;

д. Кильмезь-Бия (25 дв., 114 чел.) – д. Большая Кильмезь-Бия Селтинского района;

д. Зон-Шудья (24 дв., 110 чел.) – д. Зон Сюмсинского района;

д. Анлед-Юмья, а Омга тож (11 дв., 47 чел.) – д. Юмга-Омга Селтинского района;

д. Луджи-Жикья (2 дв., 13 чел.) – д. Лудзи-Жикья Селтинского района;

д. Пунсе Юберово тож (4 дв., 35 чел.) – д. Пумси Сюмсинского района;

д. Юберово Пунса тож (25 дв., 99 чел.) – д. Юбери Сюмсинского района;

д. Прой-Балма (17 дв., 69 чел.) – д. Прой-Балма Сюмсинского района;

д. Верхний Юсь (16 дв., 105 чел.) – д. Верхний Юсь Сюмсинского района;

д. Сюмчи-Можги (30 дв., 126 чел.) – с. Сюмси Сюмсинского района;

д. Бобья (9 дв., 49 чел.) – д. Удмуртская Бобья Сюмсинского района;

д. Муче-Каксе (20 дв., 89 чел.) – д. Муки-Какси Сюмсинского района;

д. Вожектем-Какси (12 дв., 63 чел.) – д. Вожектем (нежилая) около д. Муки-Какси Сюмсинского района;

д. Балма словёт Володин (30 дв., 145 чел.) – д. Балма Сюмсинского района;

д. Калмез-Селте (53 дв., 278 чел.) – с. Селты Селтинского района;

д. Пеки-Жикья (6 дв., 28 чел.) – д. Пеки-Жикья Увинского района;

поч. Пужмес-Тукля (6 дв., 26 чел.) – д. Пужмес-Тукля Увинского района;

д. Малтан-Тюкли (20 дв., 81 чел.) – д. Новый Мултан Увинского района;

д. Муча (20 дв., 56 чел.) – д. Мучи Игринского района. (ЦГАДА, ф. 350, д. 1061, л. 778-942)

В сотне Тохтарки Иванова:

две деревни под названием Уё-Докья (в одной – 6 дв., 26 чел.; в другой – 19 дв., 60 чел.); одна из них – д. Уё-Докья Вавожского района;

поч. Жуё-Можга (5 дв., 27 чел.) – д. Жуё-Можга Вавожского района;

д. Себе усадом по речке Чемашур (4 дв., 14 чел.) – д. Тимошур-Чунча Увинского района;

д. Чунчи-Можга (19 дв., 81 чел.) – д. Старая Чунча Увинского района;

д. Ва-Тукля (2 дв., 14 чел.) – д. Ува-Тукля Увинского района;

поч. по речке Узой Токле (8 дв., 41 чел.) – д. Узей-Тукля Увинского района;

д. Большой Тюкле (19 дв., 88 чел.) – д. Старая Тукля Увинского района (ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 1061, л. 669-700).

Маршрут ландрата Данилы Варыиаева, проводившего перепись, сгруппированность деревень в списке при заверении подлинности сведений понятыми из местных жителей позволяют провести такое сопоставление населённых пунктов XVIII и XXI вв. Общая численность *калмезов*, носителей традиции осеннего *пöртмаськона* только по этому неполному списку составляет 2166 человек обоего пола. Цифра немалая для начала XVIII в.

Результаты полевых исследований убеждают в том, что административно-территориальное деление, сложившееся у удмуртов, подвластных в прошлом Казанскому ханству, не было увязано с существовавшими этнографическими подразделениями народа. Осторожное предположение о том, что при образовании сотен на этой территории могли быть учтены определённые общности, возможно представлявшие собой пережитки родовых союзов (Гришкина, 1976, с. 105), последними исследованиями не подтверждено. Очевидно, казанские власти, также как и московские, унаследовавшие старое территориальное деление, интересовали исключительно контроль за податным населением и сбор ясака, а не этнографические подразделения подвластных народов.

Подводя итоги, констатируем, что новые полевые материалы свидетельствуют о наличии этнографической группы, обладающей самобытными явлениями духовной и материальной культуры, народного искусства, и позволяют очертить её ареал. На западе граница ареала *калмезов* совпадает с границей этнической территории удмуртского народа. Северными соседями *калмезов* являются удмурты *ватка*, браки с которыми, как правило, не заключали. Ареал *ватка* отделён от земель *калмезов* мощными лесными массивами и болотами. От верхнеижско-шарканской этнографической группы ареал *калмезов* был отделён проходящим по водоразделу р. Ижа и р. Кильмези лесным массивом, остатки которого сохраняются и в наши дни. Населённые пункты со смешанным населением (калмезским, верхнеижско-шарканским и русским; подробнее об этом будет сказано ниже) появились внутри этого лесного массива в советский период. Ещё более мощный лесной массив отгораживает с юга ареал *калмезов* от ареала собственно-южных удмуртов. Таким образом, леса изолировали *калмезов* от соседей, способствуя сохранению эндогамии этнографической группы. Только продвинутые на юг вдоль правого

берега р. Увы *калмезские* деревни были непосредственно приближены к деревням собственно-южных удмуртов.

У каждой деревни *калмезов* сложился свой брачный ареал. Невест привозили из соседних или не очень отдалённых деревень или находили в своей деревне. Но в целом брачные ареалы деревень не выходили за пределы ареала группы. Общность традиций на всей обширной территории была обусловлена охватывающими весь ареал отношениями родства и свойства. Брачные, родственные и дружеские связи сопровождались связями информационными, отразившимися в единстве традиций материальной и духовной культуры, народного искусства.

Результаты диалектологических исследований последнего времени, показывают, что для бассейна р. Кильмезь характерны специфические среднезападные прикильмезские говоры: сюмсинский, копкинский, селгинский, увинский, зятцинский, кульминский, которые исследователи объединяют в средне-западный диалект (Диалектологический атлас, 2009, с. 43-44). Языковая специфика подтверждает выявленное на этнографическом материале объективное существование этнографической группы *калмез*, проживающей в основной части бассейна р. Кильмезь.

Унинские *калмезы* являются носителями сурвайско-поломского говора, также отнесённого к средне-западному диалекту (Диалектологический атлас, Вып. I, 2009, с. 44). Эта группа является особым этнографическим подразделением удмуртского народа, отличным в культурном отношении от населения основной части бассейна р. Кильмезь. На притоках р. Лумпунь, относящейся к бассейну р. Кильмези, в окрестностях с. Гура Сюмсинского района проживает удмуртское население близкое унинским *калмезам*. Его представители – носители гуринаского говора средне-западного диалекта. Они также отличаются культурными традициями от основного населения бассейна р. Кильмезь.

Глава 1.2. Верхнеижско-шарканские удмурты

Этнографическая группа верхнеижско-шарканских удмуртов, в отличие от групп *ватка* и *калмез*, не имеет особого этнонима. Археолог В. Ф. Генинг, выделяя районы формирования удмуртского населения, предполагал существование особого ижевско-шарканского района (Генинг, 1967, с. 278). В статье 1987 г. М. Г. Атаманов и С. Х. Лебедева упомянули о существовании шарканско-якшур-бодьинского костюмного комплекса, не дав его описания (Лебедева, Атаманов, 1987, с. 113, 149). Позднее М. Г. Атаманов, обобщая данные по расселению воршудных объединений (о воршудах см. в разделе, посвящённом алнашско-киясовской подгруппе), выделил шарканско-якшур-бодьинскую группу удмуртов (Атаманов 2005:159-168), а С.Х.Лебедева поместила описание шарканско-якшур-бодьинского костюмного комплекса в альбом 2008 г. (Лебедева, 2008, с. 158-165).

Полевые исследования автора, проведённые в последние годы, позволяют вычлениить, опираясь на данные по традиционной одежде, головным уборам, украшениям и самобытным явлениям народного искусства, эту этнографическую группу и уточнить её локализацию. Деревни данной группы расположены в верховьях р. Иж, на территории Якшур-Бодьинского района и на правых притоках р. Сивы – реках Шаркан, Вотка, Кивара в соседнем Шарканском районе Удмуртии. Поскольку западная часть Якшур-Бодьинского района относится к бассейну р. Кильмезь и населена *калмезами*, а интересующая нас в данном случае этнографическая группа в Якшур-Бодьинском районе проживает в верхнем течении р. Иж и на её притоках, правильнее обозначит её как верхнеижско-шарканскую.

Полевые исследования последних лет, позволившие установить сам факт существования этнографической группы, были проведены в ряде деревень верхнеижско-шарканских удмуртов. Перечислим их: в

Якшур-Бодьинском районе – Кенервай, Кечшур, Мукши, Чекерово, Иж-Забегалово, Бегеш, Большие Ошворцы, Нижний Пислеглуд, Выжоил, Порва, Суровай, Пислеглуд; в **Шарканском районе** – Кыква, Малый Билиб, Нижние Кивары, Верхние Кивары, Козино, Гондырвай, Карсашур, Порозово, Чужегово, Пашур-Вишур, Старые Быги, Нижний Казес, Старый Пашур, Малый Казес; в **Воткинском районе** – деревня Чёрный Ключ.

Бассейн р. Сивы, судя по письменным документам начала XVIII в., до притока сюда русского населения был населён удмуртами. По данным ландратской переписи 1716 – 1717 гг. здесь к этому времени возникли русские деревни и починки, как новорасчистные, так и «на вотяцкой селидьбе» (ЦГАДА, ф. 350, оп.3, д. 1061, л. 192 об., 200 л.). Многолюдная русская крестьянская колонизация, а затем строительство в 1759 году Воткинского завода способствовали оттоку удмуртского населения. Логично предположить, что жившие в бассейне р. Сивы удмурты уходили вверх по течению её правых притоков на территорию Шарканского района и в верховья р. Иж в соседнем Якшур-Бодьинском районе. Земли здесь (включающие участки с дерново-карбонатными почвами) не менее плодородны, чем в местах их исходного жительства (Удмуртская Энциклопедия, 2004, с. 28-30). Очевидно, эти территории были освоены группой задолго до русской колонизации, которая лишь сократила верхнеижско-шарканский ареал.

От западных соседей – *калмезов* – этнографическую группу верхнеижско-шарканских удмуртов отделяет упомянутый выше, в разделе, посвящённом *калмезам*, лесной массив, расположенный на территории Якшур-Бодьинского района. Населённые пункты внутри него (деревни Лумпово, Алгазы) со смешанным удмуртским и русским населением появились в советский период. Ранее этот лесной массив длительное время способствовал взаимной изоляции и обоюдному сохранению эндогамии. По воршудному составу верхнеижско-шарканские удмурты отличаются от своих ближайших соседей *калмезов* (Атаманов, 2005, с. 165).

На севере ареал группы приближен к бассейну р. Чепцы, её верхнему левому притоку р. Ите, населённому удмуртами *ватка*. Особенно близко ареалы обоих этнографических подразделений удмуртского народа расположены на территории Шарканского района, северная часть

которого носит название *ваткапал* `сторона *ватка*` . О жёстких запретах браков между представителями двух соседствующих этнографических подразделений народа в период конца XIX – нач. XX вв. ныне здравствующие информаторы не сообщают. Однако они обращают внимание на языковые и культурные различия (в частности – различия песенного фольклора) своей группы и соседней, что было обусловлено сохранением значительной доли браков, совершаемых внутри ареала своей этнографической группы.

На востоке граница ареала верхнеижско-шарканских удмуртов совпадает с границей этнической территории удмуртского народа. На юге верхнеижско-шарканский ареал упирается в мощный лесной массив, почвы которого наименее плодородны (дерново-средне- и сильноподзолистые, болотно-подзолистые и болотные) (Удмуртская энциклопедия, 2004, с. 28-30). Поэтому немногочисленные населённые пункты (такие как посёлок Канифольный, посёлок Сельчка), жители которых не были связаны с сельским хозяйством, появились внутри него лишь в советский период. Этот огромный лес, существующий и в наши дни, отделял территорию верхнеижско-шарканских удмуртов и *калмезов* от земель собственно-южных удмуртов. К верхнеижско-шарканским удмуртам принадлежат также жители деревни Чёрный Ключ Воткинского района и связанных с этой деревней починка Филиппово и выселка Красный Север. В то же время деревня Катыши Воткинского района принадлежит к одной из подгрупп собственно-южных удмуртов, о которой речь впереди (Карта 7).

Интересно, что среди традиционных женских головных уборов верхнеижско-шарканских удмуртов отсутствует *айшон*. Женщины этого этнографического подразделения носили холщёвый чепец *подурга* с разомкнутым верхом и завязками на затылке (Белицер, 1951, с. 65) (Рис. 52а,б). Подобные головные уборы характерны для бесермян (бесермянский женский головной убор *кашту*) (Рис. 53) и для закамских удмуртов (закамский женский головной убор *манлай*) (Рис. 54). В этногенезе бесермян наряду с южными удмуртами принимали участие тюрки. Закамские удмурты несколько столетий проживают в северо-западной Башкирии и тоже испытали существенное влияние тюркских традиций (Косарева, 2000, с. 174-188).

В известных музейных образцах на затылочной части *подурги* между разомкнутыми концами основного полотна, обхватывающего голову, вшит лоскут, свешивающийся на шею (Рис. 52) (Фонды национального музея УР №1103-УРМ; 1104-УРМ). Но по данным Г. Е. Верещагина, хорошо знавшего этнографический материал, *подурга* спереди достигала лба, а сзади спускалась ниже поясницы (Верещагин, 1995, с. 26). То есть *подурга* имела лопасть и была подобна старинным головным уборам татар, башкир и чуваш. Возможно, известные нам музейные образцы *подурги*, – поздний упрощённый вариант этого головного убора, утративший лопасть. В любом случае, отсутствие *айшона*, наличие *подурги*, её покроя (с лопастью или без) указывают на влияние тюркских традиций.

По данным И. К. Зеленова, жившего в начале XX века в с. Шаркан и собиравшего коллекции для этнографического отдела Русского музея, поверх *подурги* надевали украшенные аппликацией из фабричных тканей платки. В будни – *дэра кышет* (*дэра* ‘холст’; *кышет* ‘платок’), в праздники – *куиньсэрго* (букв. ‘треугольный’, от *куинь* ‘три’, *сэрег* ‘угол’). Праздничный платок украшали помимо аппликации, игравшей важную декоративную роль, ещё и традиционной вышивкой позументной нитью «вприкреп» (Рис. 55). Концы такого платка (повседневного *дэра кышет* или праздничного *куиньсэрго*) завязывали под подбородком, а поверх него надевали ещё небольшую треугольную косынку *йыркотыр* (*йыр* ‘голова’, *котыр* ‘вокруг’) с длинными концами из кумача и ситца, которые завязывали на затылке. (Вещи, собранные И. К. Зеленовым находятся в РЭМ: *подурга* 593-1; 593-32; *дэра кышет* 593-2; *куиньсэрго* 593-33; 593-34; *йыркотыр* 593-3.)

С. Х. Лебедева упоминает о головном полотенце *кучкышет*, которе использовали вместо косынки *йыркотыр* (Лебедева, 2008, с. 161) (Рис. 56, 57). Его надевали поверх большого платка *куиньсэрго*, завязанного под подбородком. Концы *кучкышета* завязывали в узел на затылке. Подобное ношение и завязывание платков (когда небольшой головной убор надевают поверх массивного) характерно для традиций тюркских народов Урало-Поволжского региона (Сулова, Мухамедова, 2000, с. 149). На территории Удмуртии его можно наблюдать, в частности, у чепецких татар.

Таким образом, головные уборы верхнеижско-шарканской этнографической группы (*подурга*, платки, завязываемые на татарский манер) свидетельствуют о влиянии тюркских традиций.

Верхняя часть рубах *дэрем* верхнеижско-шарканских удмуртов в сохранившихся до нашего времени образцах выполнена из цветной фабричной ткани (ситца), а нижняя – из белого льняного холста. Рукава таких рубах по старинке имеют ластовицы, а на груди и спине могут быть пышные кокетки – результат модернизации покроя (Рис. 58, 59).

У женской распашной праздничной верхней одежды *шортдэрем* верхнеижско-шарканские удмурты сшивали внизу полы, и эту вещь потом всегда надевали через голову (Рис. 60, 61). Из смешанной полушерстяной белой или серой дмотканины они изготавливали одежду *сукман* (Рис. 62). Из более плотной чисто шерстяной ткани шили *дукес*. Из клетчатой ткани – *кечат дйсь*. Вся эта верхняя одежда имела модернизированный покрой: передняя часть – прямая цельнокроеная, задняя – отрезная по талии, ниже пояса расклешённая, сшитая в густую сборку. Этот покрой получил название *кильымо* ‘сборчатый’ (от удм. *кильым* ‘сборка на одежде’). Он был характерен для разных видов распашной одежды верхнеижско-шарканских удмуртов (Рис. 63).

Предметы праздничной одежды, входившие в костюмный комплекс этой группы, в середине XIX в. украшали особой, своеобразной вышивкой. Её узоры состояли из геометрических фигур, вышитых позументной нитью «вприкреп». Позументную нить располагали на поверхности холста, прикрепляя её к ткани регулярно проложенными стежками дополнительной тонкой цветной нити, покрывая таким способом большие орнаментированные поверхности. Сочетанием металлической нити и стежков цветной нити, положенных с различной плотностью, в разном ритме, вышивальщицы добивались различных декоративных эффектов. Вышивку позументом сочетали с фрагментами, плотно вышитыми косой стёжкой шёлковой или шерстяной нитью. Сложно установить, когда возникла такая вышивка, но она была распространена по всему ареалу верхнеижско-шарканских удмуртов и не имела аналогов у других этнографических групп, которые шитьё позументной нитью выполняли совершенно иначе (Рис. 64-65).

В конце XIX – нач. XX вв. в селе Сосновка Шарканского района действовали кустарные ткацкие мастерские (Ложкина, 2005, с. 19-20).

Тканые изделия этих мастерских познакомили верхнеижско-шарканских удмуртов с новой орнаментикой, в значительной степени отразившей процветавший в эти годы в русском искусстве стиль модерн, с его пластичными растительными орнаментами, а также с орнаментальными мотивами, основанными на государственной символике России. Новые узоры, привнесённые в традицию узорного ткачества, распространились по всему ареалу верхнеижско-шарканской группы. Их выполняли в технике «браная в рубчик». Такими узорами наделяли концы декоративных полотенец, служивших для украшения интерьера (в первую очередь – красного угла) (Рис. 66-70), узорные полосы, используемые для отделки подолов праздничной женской одежды (вытеснившие традиционную вышивку) (Рис. 71-74), скатерти и покрывала с геометрическими и растительными орнаментами (Рис. 75-78). Их приобретали на рынке готовыми, а также создавали сами, повторяя узоры изделий кустарных мастерских. О повторениях изделий кустарных мастерских ткачихами-крестьянками свидетельствуют нашивки *чук* в виде кисточек из ниток и лоскутов ткани. Такие нашивки обязательны в удмуртском узорном ткачестве. Это своеобразные материальные свидетельства авторского права и благопожелания создателю скопированной вещи. Это было характерно для всех, даже самых отдалённых от центра деревень верхнеижско-шарканского ареала. Кроме того, женщины этой группы повсеместно ткали полосатые покрывала на постель *валес шобрет* (Рис. 79-83) и такие же полосатые приспособления для переноски детей за спиной *нытьет* (Рис. 84-86).

Все эти упомянутые выше особенности традиционной одежды и специфические явления народного искусства имели распространение внутри всего ареала верхнеижско-шарканских удмуртов, что, несомненно, свидетельствует о действенности информационных связей, обусловленных связями брачными и родственными, выявляющими наличие этнографической группы.

В то же время этнографические данные, сведения об особенностях религиозной жизни, материалы по народному искусству свидетельствуют о некоторых культурных различиях, присущих западной и восточной частям верхнеижско-шарканского ареала.

На западе ареала этой этнографической группы были собраны сведения об обязательном осеннем молении, проводимом перед Покровом.

В те самые дни, когда *калмезы* праздновали *пóртмаськон*, жители западной части верхнеижско-шарканского ареала устраивали особое моление *сйзиськон* ‘обещание, завет’. Молились в определённом месте (у каждой деревни было своё такое потаённое место), обязательно в лесу под большой священной елью. Приносили в жертву гуся, иногда утку или овцу. Кости, перья и несъедобные внутренности сжигали на костре. Тушку варили, на бульоне готовили кашу. Мясо съедали во время моления, кашу уносили в деревню и раздавали тем, кто не был на молении. На сучьях священной ели укрепляли полочку из веток, срубленных с другого дерева. На неё ставили берестяной туесок или кубической формы сосуд, изготовленный тут же в лесу из шести квадратных кусков бересты, врезанных друг в друга внутренним слоем наружу и держащихся за счёт упругости и естественного изгиба этого природного материала. В сосуд наливали имевший сакральное значение алкогольный напиток *кумышку*. Рядом клали ножку сваренного гуся, правую или левую – информаторы уже не помнят – перед началом варки её обвязывали ниткой, чтобы не перепутать.

По данным информаторов, моление посвящали *тэль утись* ‘хранителю леса’ (Агеева Ульяна Александровна 1917 г.р. д. Нижний Пислеглуд Якшур-Бодьинского района), *лесному* (Вахрушева Руфина Ивановна 1928 г.р. д. Иж-Забегалово, уроженка д. Бегеш), *лесным хозяевам* Зосиме, Савватею и Лаврею (Широбокова Елена Афанасьевна 1935 г.р. д. Кенервай). Эти русские святые, основатели Соловецкой обители, память которых церковь празднует 2 октября (по новому стилю) в сознании части носителей традиции переняли свойства языческого удмуртского хозяина леса *тэль утись*, которому молились за детей, скотину и пчёл. Особенно важно было это моление для родителей, чей сын уходил в армию. Об этом молении помнят информаторы из Якшур-Бодьинского района, из деревень Кенервай, Суровай, Мукши, Нижний Пислеглуд, Бегеш, Иж-Забегалово, Кечшур, Большие Ошворцы, Пислеглуд, Выжойл, Якшур.

В Шарканском районе о былой традиции подобного моления знают только в д. Старые Быги. Быгинское моление имело некоторые отличия: было не таким потаённым, как моления в западной части ареала этнографической группы. Священная ель находилась на открытом месте – в

поле. Здесь после моления молодые водили хороводы, пели, плясали. Гуляли и по улице деревни. Взрослые ходили друг к другу в гости (Кузьмина Маргарита Ивановна 1926 г.р. д. Старые Быги). В других местах восточной части ареала верхнеижско-шарканских удмуртов, на территории Шарканского района осеннее моление под священной елью неизвестно.

Ещё одно культурное явление, которое свидетельствует о некоторых различиях традиций в западной и восточной частях верхнеижско-шарканского ареала, относится к материальной культуре – это традиция изготовления покрывал *валес шобрет* с узорами в закладной технике. Полосатые покрывала, как уже было сказано выше, были распространены по всему ареалу. Повсеместное распространение обрела и переборная (*корам* букв. ‘рубленая’) техника, получившая свое название благодаря рубчикам, образованным нитями основы, поднятыми через равные промежутки в дополнительном зеве. А вот покрывала в закладной технике ткали только на территории Шарканского района, то есть в восточной части ареала этнографической группы. Здесь изготавливали покрывала для постели, обычно сшитые из трёх узких (такую ширину позволял придавать ткани традиционный станок) полос. Боковую полосу, драпировавшую постель сбоку, украшали закладным узором, состоящим чаще всего из пучка разноцветных контрастных полос, образующих зигзаг, изломанный под прямым, реже острым или тупым углом (Рис. 87, 88). Иногда вместо зигзага вытканы ромбы. Наиболее опытные мастерицы создавали покрывала с закладным узором по всему полю, а не только в боковой полосе (Рис. 89-91). При этом те из них, кто обладал художественным даром, добивались интересных декоративных эффектов. Покрывала с закладным узором имели на Шарканской земле повсеместное распространение. Их бытование зафиксировано в деревнях Нижние Кивары, Малый Билиб, Козино, Гондырвай, Порозово, Чужегово, Пашур-Вишур, Старый Пашур, сёлах Шаркан и Сосновка. По данным информаторов, и в других деревнях Шарканского района, а также в д. Чёрный Ключ Воткинского района, расположенной неподалёку от границы с Шарканским районом, связанной родственными и брачными отношениями с д. Заречный Вишур Шарканского района, бытовали созданные местными мастерицами покрывала *валес шобрет* с закладным узором.

В то же время сама закладная техника тканья была распространена по всему ареалу верхнеижско-шарканских удмуртов. Её применяли для создания тканых узорных рукавов женских праздничных рубаш (Рис. 92), праздничных фартуков (Рис. 93), головных полотенец *кучкышет* (Рис. 94). Эти вещи имеют скромные красно-белые закладные узоры, состоящие из мелких геометрических фигур с характерными для закладной техники ступенчатыми краями. И хотя яркие красочные покрывала с закладным узором ткали только на территории Шарканского района, сама закладная техника, в которой создающая узор цветная уточная нить одновременно является и тканеобразующей нитью, были известны на всей территории проживания этнографической группы.

Закладная техника тканья с древнейших времён была знакома народам Средней Азии, которые её применяли главным образом в ковроткачестве. По-видимому, в Восточную Европу она была занесена кочевниками вместе с безворсовыми коврами. Неслучайно закладное тканье распространено среди тех народов, которые в той или иной мере соприкасались с кочевниками в I – нач. II тыс. н.э. В начале XX в. закладное тканье было хорошо знакомо казанским татарам, южным великороссам, и украинцам. В меньшей степени оно было известно финским народам Поволжья и северным группам великороссов. Оно получило широкое распространение у разных территориальных групп башкир (Авижанская, Бикбулатов, Кузеев, 1964, с. 44-45).

Закладную технику ткачества у удмуртов исследователи связывают с влиянием традиций тюркских народов (Белицер, 1951, с. 111-113). Было бы очень интересно узнать, от кого, когда и где верхнеижско-шарканские удмурты переняли этот вид узорного ткачества и традицию создания покрывал с закладным узором. Представляется, что заимствование этой техники было неоднократным. Изначально её усвоили и стали применять для украшения традиционной одежды. Вполне вероятно, это произошло одновременно с заменой традиционного для удмуртов головного убора на берестяном каркасе, имеющего, видимо, очень давнее происхождение (Косарева, 2000, с. 133-142) на матерчатый чепец с разомкнутым верхом. Это заимствование охватило весь ареал группы.

Позднее верхнеижско-шарканские удмурты усвоили и сделали частью своей традиционной материальной культуры создание покрывал

с ярким крупным многоцветным закладным узором. Но это коснулось только восточной части группы, проживающей на территории Шарканского района.

Объясню, почему я так думаю. Для языческих народов одежда, головной убор связывали тело человека с космосом и были насыщены языческой символикой. Поэтому межэтническое взаимодействие, способное привести к существенному изменению традиционной одежды, должно быть гораздо более интенсивным (включая смешанные браки, ассимиляцию носителей новой традиции) и продолжительным, нежели иноэтническое влияние, ведущее к заимствованию в декоре интерьера. И матерчатый чепец с открытым верхом и закладная техника ткачества характерны для костюмов тюркских народов. Поэтому есть все основания полагать, что внедрение того и другого в костюмный комплекс верхнеижско-шарканских удмуртов произошло в результате одного и того же удмуртско-тюркского взаимодействия, вероятно – одновременно. Изначально усвоенное всей этнографической группой, небольшой по численности и территории расселения, оно позднее, по прошествии столетий, по мере естественного прироста населения и увеличения ареала группы стало достоянием значительной по численности общности людей, расселённой на обширной территории. Одной из зацепок, которая позволит конкретизировать, с каким именно тюркским этносом взаимодействовали предки верхнеижско-шарканских удмуртов, является выявление этимологии слова *подурга*.

Традиция изготовления покрывал в закладной технике, создаваемых исключительно для декорирования интерьера крупными броскими узорами прижилась только в восточной части подгруппы в результате более поздних и другого качественного характера контактов. Изделия шарканских ткачих имеют аналоги в башкирском ковроделии, в закладном ткачестве, которое в конце XIX – нач. XX вв. было известно всей Башкирии (за исключением её юго-восточной части). Простейшим элементом орнамента здесь были массивные уступчатые линии (Авижанская, Бикбулатов, Кузеев, 1964, с. 44), что очень характерно и для шарканских закладных изделий. Другим источником заимствования закладной техники могло быть ткачество казанских татар, для традиций которых эта техника также очень характерна (Валеев, 1984, с. 8-12).

Как мы знаем, очень специфическая орнаментация шарканских покрывал *валес шобрет* рассчитана на декорирование боковой вертикальной плоскости постели. При сопоставлении башкирских и удмуртских традиций в данном случае интересно, что нары в качестве элемента внутреннего обустройства башкирского жилища появились в бревенчатой избе, однако небольшой помост устраивали иногда и в юрте. Интересно, что у ногайцев, с которыми у южных башкир длительное время существовали культурные, экономические (возможно, и этнические) связи, термином *урындык* называли деревянные низкие кровати в юрте, но чаще – широкие и низкие диванчики, застланные кошмами и коврами, на которые усаживали гостей (Шитова, 2001, с. 52-53). По всей видимости, такой тип изделий, в котором наиболее декорированной частью являлась боковая полоса, украшающая вертикальную плоскость постели, мог возникнуть в башкирской кочевой среде и позднее быть заимствованным удмуртами.

Интересно, что у шарканских удмуртов существовал обычай усаживать девушку во время сватовства (*кен куран*) на состриженную овечью шерсть (Семёнова Лидия Ивановна 1934 г.р. д. Пашур-Вишур) или на подушку из овечьей шерсти (Кузьмина Маргарита Ивановна 1926 г. р. д. Старые Быги). Это должно было принести в жизнь молодых удачу и материальное благополучие. Обычно у других групп удмуртов невесту во время свадьбы усаживали на подушку из пуха и пера домашней птицы, и подушку эту женщина потом должна была всю жизнь беречь и хранить в доме, как залог благополучия. У тюркских народов Средней Азии и Казахстана, занимавшихся кочевым и полукочевым скотоводством, во время свадебных обрядов невесту сажали на шкуру барана или овчинный тулуп. На свидание с женихом её несли на войлоке (Лобачёва, 1995, с. 58). В обычае шарканских удмуртов усаживать девушку во время сватовства на овечью шерсть также просматривается влияние традиций тюркских кочевых народов.

Усаживание на овечью шерсть, покроем *подурги* и отсутствие *айшо-на*, способы ношения головных платков, художественные особенности вытканых в закладной технике покрывал и сама закладная техника свидетельствуют о влиянии тюркских традиций на верхнеижско-шарканских удмуртов, о непосредственном взаимодействии с тюрками. Однако

конкретно определить, где, когда и с кем это взаимодействие происходило, затруднительно. Можно только высказать предположения.

Известно, что башкиры, одним из древних районов расселения которых являлась Бугульминско-Белебеевская возвышенность, в XIV в. впервые достигли р. Чулымана (р. Камы), а затем, постепенно их кочевые группы продвинулись в левобережье Средней Камы (Кузеев, 1968, с. 242; Кузеев, 1968а, с. 279). По мнению татарских исследователей, в 1480-е годы на территории преимущественно юга современной Пермской области и севера Башкирии возникло «Мангытское княжество», подчинённое Казанскому ханству. В XVII в. его территория вошла в состав Осинской и Казанской дорог Уфимского уезда и Сылвенско-Иренского междуречья Кунгурского уезда. В XVI – XVII вв. там проживало население, обозначаемое в источниках как остяки, татары, ногайцы и башкиры (Татары, 2001, с. 112-113). Изучение родоплеменного состава тюркского населения северо-западного Приуралья в XVI – XVII вв. привело исследователей к выводу, что все локализованные там племена делятся на две группы: 1) кыпчакские или кыпчакизированные монгольские племена, представленные в родоплеменной номенклатуре Ногайской Орды; 2) племена, имеющие в основном смешанные тюрко-угорские (в том числе – болгаро-угорские) истоки (Татары, 2001, с. 114).

Полноводная, широкая и глубокая, с сильным течением, р. Кама была серьёзным естественным рубежом, препятствовавшим массовому продвижению кочевого населения на её правый берег. Однако до 1981 года, ввода в строй Нижнекамского водохранилища и существенного повышения уровня воды, на перекатах было достаточно мелко. Там нерестились осетровые рыбы: белуга, русский осётр, стерлядь, для развития икринок и мальков которых требовалась хорошая аэрация. А в межень в этих местах р. Каму можно было перейти вброд. Вода была по грудь человеку среднего роста (устное сообщение сотрудников УдГУ биолога А. Г. Меньшикова и географа д.г.н. И. И. Рысина). Группы кочевников могли перебираться со стадами на правый берег р. Камы. Равным образом могли и предки верхнеижско-шарканских удмуртов переселяться на левый берег р. Камы.

По преданию, сохранившемуся у проживающих в бассейне р. Тулвы (левый приток р. Камы) башкир *гайна*, их земли ранее были на-

селены удмуртами, ушедшими после прихода башкир на правый берег р. Камы. А расположенное здесь башкирское село Елпачиха Бардымского района Пермского края имеет ещё одно неофициальное название Удик, которое, возможно, происходит от удмуртского числительного *одиг* 'один'.

Проживавшие на восточной окраине удмуртского ареала предки верхнеижско-шарканских удмуртов могли контактировать с тюркским населением левобережья средней Камы, что и отразилось в традициях народной одежды и народного искусства, элементах свадебной обрядности. Результаты более раннего этапа этих контактов сказались на культуре всей группы. Результаты более позднего коснулись её восточной части, территории Шарканского района.

Традиционное женское нагрудное украшение верхнеижско-шарканских удмуртов представляет собой узкую полоску чёрной ткани с нашитыми в один ряд налегающими друг на друга монетами. Его называли *чыртывесь* или *коньдоновесь* (*чырты* 'шея', *коньдон* 'деньги'; *весь* 'бусы'). Возможно, у этой группы населения встречались и более богатые украшения с этими же названиями. Это можно предположить, принимая во внимание материалы коллекции РЭМ, собранные И. К. Зеленовым [РЭМ № 593-50; 593-51]. Однако массовое распространение имели вещи, о которых помнит и знает население: это узкие полоски, как правило, чёрной ткани, с монетами, прикрепленными в один или два ряда (Рис. 95).

В лингвистическом отношении границы верхнеижско-шарканской группы совпадают с границами средневосточного диалекта удмуртского языка (Диалектологический атлас, Вып. I, с. 39, 43, 44), при этом диалектолог С. К. Бушмакин, изучавший язык удмуртов Якшур-Бодьинского и Шарканского районов, выявил у них якшур-бодьинский и шарканский говоры, распространённые соответственно в западной и восточной частях ареала. (Бушмакин, 1971) Это соответствует ареалам различий в традиционной культуре, о которых сказано выше.

В то же время, воршудный состав верхнеижско-шарканских удмуртов в Шарканском и Якшур-Бодьинском районах обнаруживает большое сходство (Атаманов, 2005, с. 165), что свидетельствует об общем происхождении населения группы.

По данным ландратской переписи 1716 года, территория верхнеижско-шарканских удмуртов относилась к сотне Пронки Янмурзина. К этой сотне принадлежали, кроме того, деревни двух подгрупп собственно южных удмуртов. Не всегда можно точно определить, о каком населённом пункте идёт речь в каждом конкретном случае. Одни деревни давно прекратили своё существование, другие известны под иным названием. Точно можно утверждать, что к ареалу этой этнографической группы относились четыре больших и многолюдных деревни: Якшур-Бодья (12 дворов, 69 человек), Едигрон (12 дворов, 100 человек), Бектемир-Порга (25 дворов, 132 человека), Лонлес-Докья (23 двора, 113 человек). (ЦГАДА, ф.350, д. 1061, лл. 258-273.) В них проживало всего 414 человек обоих полов. Якшур-Бодья и Лонлес-Докья (ныне с. Шаркан) в наше время являются административными центрами районов.) Деревня Бектемир-Порга ныне известна под названием Старый Пашур. Многолюдный Едигрон не сохранился до нашего времени.

Перепись показала, что в период между 1711 и 1716 годами были заброшены деревни: Кварса-Докья по речке Кварсе (в ней было семь дворов; три двора переехали в д. Яган-Докью, четыре – бежали); Яги-Докья (жители перешли в Лонлес-Докью); Большая Кивар-Докья (где было четыре двора, жители двух дворов перешли в д. Лонлес-Докью и одного – в д. Бектемир-Поргу); починок Малая Кивар (жители трёх дворов перешли в другие деревни, одного – бежали).

По данным на 1716 год в бассейне р. Сивы существовали русские деревни, указывающие на бывшее проживание на этой территории удмуртов: д. Тойкино «на пустоши на вотяцкой селидьбе», д. Плоская «на вотяцкой селидьбе», д. Закасево на полянке Малой Жикье, «деревня вверх по Сиве реке Кварсинская Гарь тож» (ЦГАДА, ф.350, д. 1061, лл. 193, 200, 221, 229).

Обращает на себя внимание многолюдность фигурирующих в переписи верхнеижско-шарканских деревень. Возможно – это следствие переселений из других населённых пунктов, оказавшихся заброшенными и из мест активной русской колонизации. Перепись показывает большую подвижность населения во всех сотнях. Многие бежали в башкирские земли в Закамье. Но очевидно, далеко не все. Часть беглецов уходила вглубь хорошо им известных лесов и выживала там, укрываясь от

сборщиков ясака, занимаясь земледелием, охотой, рыболовством. Они являлись носителями местных традиций материальной и духовной культуры и оставались представителями своей этнографической группы.

Материалы по традиционной одежде, головным уборам, узорному ткачеству, информация о брачных связях позволяют выделить особую этнографическую группу верхнеижско-шарканских удмуртов и проливают свет на некоторые особенности её исторического пути.

Часть 2.
Собственно-южные удмурты

Удмуртское население, проживающее на обширной территории к югу от *калмезов* и верхнеижско-шарканской этнографической группы, обозначено в литературе этим несколько громоздким понятием (Лебедева, Атаманов, 1987, с. 115). Археологи полагают, что была преемственность между этой частью удмуртского этноса и создателями чегандинской (II в. до н.э. – V в. н.э.), верхнеутчанской (VI – IX вв.) и чумойтлинской (X – XIV вв.) археологических культур (Голдина, 2004, с. 296).

Представляется существенным факт несовпадения этнографического и лингвистического районирования: одна часть собственно-южных удмуртов говорит на южном наречии, для которого характерно более сильное тюркское влияние. В то же время, другая их часть, проживающая севернее с. Малая Пурга, представлена носителями срединных говоров, в которых тюркское влияние не столь заметно (Диалектологический атлас, Вып. I, 2009, с. 44-45)

Для традиционного женского костюма собственно-южных удмуртов конца XIX – нач. XX вв. характерны рубаха из пестряди, высокий конусообразный головной убор на берестяной основе (*айшон*) (Рис. 96) с вышитым по счёту нитей холщёвым покрывалом (*сюлык*) (Рис. 97). Под айшон надевали полотенчатый головной убор (*чалма*), затканые узорами концы которого размещали ниже спины на области таза, фиксируя их на теле завязками передника и поясом (Рис. 98). Поверх чалмы голову обхватывали женской налобной повязкой *йыркерттэт* (Рис. 99). Традиционная причёска *чузис* или *чузырет* представляла собой спиралевидно закрученные у висков пучки волос (Рис. 96). У всех собственно-южных удмуртов бытовали богатые наборы нагрудных украшений из серебряных монет XVIII – нач. XX вв.

Внутри этой этнографической группы исторически сложились отдельные сообщества со своими особенностями традиционной культуры и преобладанием браков внутри своей подгруппы. Рассмотрим последовательно этнографические подгруппы собственно-южных удмуртов.

Глава 2.1. Среднеижская левобережная подгруппа

Южнее верхнеижско-шарканских удмуртов на левом берегу р. Иж в её среднем течении проживают **среднеижские левобережные удмурты** – одна из шести этнографических подгрупп собственно-южных удмуртов. Полевые исследования, позволившие выявить эту подгруппу, были проведены в следующих деревнях: Старая Казмаска, Новая Казмаска, Якшур, Ягул, Старый Игерман, Сизёво, Каменное, Старые Кены, а также в с. Бабино, с. Завьялово **Завьяловского района**; в деревнях Аксакшур, Байситово, Среднее Кечёво и в с. Бураново **Малопургинского района**; в деревне Катыши **Воткинского района**. Ареал среднеижских левобережных удмуртов занимает левобережные территории Завьяловского и Малопургинского районов и окраину Воткинского района.

Северными соседями среднеижских левобережных удмуртов являются верхнеижско-шарканские удмурты. Оба подразделения этноса изолирует друг от друга крупный лесной массив. На территории Воткинского района деревни верхнеижско-шарканских и среднеижских левобережных удмуртов максимально приближены друг к другу, однако население прекрасно помнит о запрете браков между жителями деревень Катыши (среднеижские левобережные), с одной стороны, и д. Чёрный Ключ (Сьодзи), выселок Красный Север и починок Филиппово (верхнеижско-шарканские), с другой. Деревня Чёрный Ключ, её выселок и починок расположены вблизи лесного массива, отделяющего верхнеижско-шарканский ареал от ареала собственно южных удмуртов. Жители этих населённых пунктов поддерживали брачные и родственные отношения с жителями ближайшей деревни Заречный Вишур Шарканского района и других деревень верхнеижско-шарканского ареала. Население деревни Катыши было связано узами родства и свойства с левобережными деревнями соседнего Завьяловского района, в первую очередь со Старой и Новой Казмасками.

На юге ареала среднеижские левобережные удмурты граничат с алнашко-киясовской подгруппой собственно-южных удмуртов и до наших дней хорошо помнят о запрете браков с южными соседями: «Нельзя брать невест и своих девушек отдавать замуж ниже по течению реки». Река Иж течёт с севера на юг. Удмуртские деревни Киясовского района тоже расположены на левом берегу р. Иж, ещё ниже по течению (Карта 8).

На востоке граница ареала среднеижских левобережных удмуртов совпадает с границей этнической территории удмуртов. Река Иж, ограничивающая земли этой подгруппы на западе, не являлась преградой для контактов с правобережным населением. Однако левобережные удмурты предпочитали брачные отношения внутри своего ареала. Информатор из д. Новая Казмаска (Людмила Александровна Кибардина 1949 г.р.) перечислила по памяти пятнадцать деревень Завьяловского района, относящихся к левобережному ареалу, (Старая Казмаска, Новая Казмаска, Беты (ныне не существует), Башур, Пычанки, Старые Мартьяны, Завьялово, Каменное, Бабино, Якшур, Чемошур, Вожой, Ягул, Сапарово, Кены) и определила: «В этих деревнях живут наши удмурты, а в других местах – не наши».

В то же время жители левобережных деревень Малопургинского района поддерживали брачные и родственные отношения с близлежащими левобережными деревнями Завьяловского района, внутри ареала подгруппы.

В начале XX в. женские рубахи среднеижских левобережных удмуртов сохранили туникообразный покрой: центральное полотнище, перегнутое в плечах, являлось конструктивной основой вещи. К нему пришивали боковые, чуть расширяющиеся книзу холстины и под прямым углом – прямые рукава с небольшими квадратными ластовицами. Продольный нагрудный разрез рубахи располагался по центру груди (Рис. 100). В северной половине ареала, входившей в прошлом в Завьяловскую волость, традиционной тканью для этих рубах была тёмно-синя пестрядь с мелкими продольными белыми полосками, образованными нитями основы. Снизу к подолу пришивали неширокую оборку, как правило, из пестряди в красную клетку. Вытканная в выборной технике узорная вставка над оборкой включала ромбические фигуры красного и белого или красного и желтого цветов (Рис. 101-103). В южной части

ареала, относившейся к Бурановской волости, рубахи точно такого же покроя шили из красной пестряди в мельчайшую белую полоску. При её создании использовали красную, белую и чёрную нити. Они также имели небольшую оборку и узорную вставку (Рис.104-106).

Праздничные фартуки в Завьяловской волости шили из ткани в клетку. Внутри клеток помещали разноцветные восьми-лучевые розетки, вытканые в выборной технике (Рис. 107-109). Праздничные фартуки Бурановской волости отличает ровный, не разбитый на клетки приглушённый тёмно-красный фон, и на этом спокойном фоне – крупные сложные яркие ромбические фигуры выборного ткачества различных цветов, дополненные более мелкими разноцветными сложными фигурами разных типов и размеров. Узорочье этих вещей – наиболее броское и запоминающееся в удмуртском узорном ткачестве (Рис. 110-112).

Декоративные различия рубах и фартуков северной и южной половин ареала среднеижских левобережных удмуртов – явление позднее. Появление этих различий можно с уверенностью датировать второй половиной XIX в. Конструктивная основа этих вещей, их покроем, едины. В последующий период, в середине XX в. здесь шили рубахи с кокетками и пышными рукавами, со сложной проймой и без ластовиц. Покроем этих вещей был близок покрою городской одежды, изготавливали их из клетчатой черно-жёлто-белой или жёлто-чёрной пестряди. Ткани с такой расцветкой получили распространение по всему ареалу среднеижских левобережных удмуртов и не столь характерны для других подразделений народа (Рис. 113).

Другой важный предмет женской нательной одежды – штаны – также имели одинаковый покроем в Завьяловской и Бурановской волостях. Они были скроены «с узким шагом». Их покроем был близок покрою штанов *ватка* и *калмезов* (Рис. 114-116).

Отличительной чертой женских головных полотенец (*чалма*) среднеижских левобережных удмуртов является, во-первых, их небольшой размер: белая холщовая центральная часть, обхватывающая голову, и декоративные, затканые узорами концы – имеют небольшую ширину. Они уже, чем у всех прочих подразделений народа, носивших головные полотенца. Декоративные узорные концы этих предметов миниатюрные, узкие и невысокие. Скорее всего, появление этого отличия было вызвано

желанием экономить в процессе ткачества нитки и время. Во-вторых, узоры головных полотенец среднеижских левобережных удмуртов имеют декоративные особенности, отличающие их от подобных изделий мастериц других подгрупп собственно-южных удмуртов. Своеобразно цветовое решение вещей, выполненных в браной технике. Они могут быть полностью зелёными, фиолетовыми, розовыми, жёлтыми или красными, или сочетать в себе полосы разных цветов. Мастерицы других подгрупп собственно-южных удмуртов, создавая полотенца с браным узором, надеялись последние исключительно красным цветом. Такую цветовую особенность среднеижских браных головных полотенец можно объяснить близостью рынка (Ижевска) и большей доступностью красителей и тем ещё обстоятельством, что через Завьяловскую волость проходила Большая Дорога – магистраль, по которой поставляли изделия ижевских заводов на камскую пристань в с. Гольяны; с этой же камской пристани в обратном направлении завозили товары народного потребления для местного населения (Рис. 117-118).

Орнаментальные композиции женских полотенчатых головных уборов у всех собственно-южных удмуртов разбиты на три горизонтальные полосы. У среднеижских левобережных удмуртов тонкие полоски, разграничивающие поле узора на горизонтальные полосы, могут быть выполнены в выборной технике, но при этом имитировать узор *кеж пужы* букв. ‘хрустящий’ или ‘грязный’ узор, создаваемый благодаря неравномерной окраске нитей основы, характерный для тканей южных удмуртов. Это изобретение ткачих данной подгруппы собственно-южных удмуртов свойственно вещам только этого подразделения этноса (Рис. 119-120).

Для головных полотенец, выполненных в выборной технике среднеижскими левобережными удмуртами, характерны узоры на красном фоне. Глубокий кирпично-красный фон связывает в единую композицию интенсивные контрастные цвета орнаментальных фигур (Рис. 120-122). Подобное решение иногда встречается и в других местностях, но для среднеижских левобережных удмуртов оно характерно в большей степени. Выборные узоры на белом фоне также присущи изделиям среднеижских левобережных удмуртов.

Безворсовое ковроделие, свойственное собственно-южным удмуртам, у среднеижской левобережной подгруппы особого развития не по-

лучило. Для них характерны лишь покрывала с двухцветным узором, выполненным в «браной в рубчик» технике. Но специфические особенности декоративного решения женских рубах, фартуков и головных полотенец, традиционных для этой подгруппы, свидетельствует о действительности обусловленных эндогамией информационных связей, существовавших внутри этого подразделения этноса, определивших единство его традиций.

На всей территории среднеижских левобережных удмуртов бытовал единый комплекс нагрудных украшений из серебряных монет XVIII – XX вв. Он включал нагрудное украшение, состоящее из двух полос ткани с монетами, вертикально располагаемыми на груди справа и слева. Правая полоса была уже, левая значительно шире. К ней была пришита полоска ткани, низко спускаемая на правый бок и обхватывающая туловище по диагонали. Левая часть нагрудного украшения шире правой в результате соединения двух предметов: состоящего из двух симметричных полос нагрудного украшения *зузъет* и перевязи *сюмысбырттос*. По отношению к этому, ставшему единым предмету употребляли названия и *зузъет* и *сюмысбырттос*. Только в нескольких деревнях пожилые информаторы указали, что *сюмысбырттос* – это именно перевязь (удм. *сюмыс* ‘сыромятная кожа’, *бырттос* – от удм. *бырттыны* ‘продеть, нанизать’). Третье название, связанное с данным украшением, – *азвесь* ‘серебро’. Полные наборы украшений включали ещё одну деталь. Её называли *пуныкыл* ‘собачий язык’ или *гурнэс* (ср. *гурнэс* ‘подбородник, ремешок на узде’.) Она представляла собой полоску ткани с монетами, располагаемую по центру груди. Поверх *зузъета*, *сюмысбырттоса* и *пуныкыла* надевали небольшое месяцеvidное украшение *чыртывесь* или *чыртыкерттэт*, помещаемое в верхней части груди около шеи. Оба названия образованы от удм. *чырты* ‘шея’ и от слов *весь* ‘бусы’, *керттэт* ‘завязка, то, чем можно связывать’; ср. *чыртыкерттэт* ‘ошейник’. Это украшение закрывало тесёмки *зузъета* и *пуныкыла* (Рис. 123-130). По правилам девушки должны были носить *зузъет* и *чыртывесь* без перевязи и *пуныкыла*. Единство форм традиционных украшений и их названий также свидетельствует об этнографическом единстве группы. Только в самой южной пограничной д. Аксакшур конструкция серебряных украшений и их терминология отличаются от среднеижских левобережных

и совпадают с предметами западных соседей – можгинско-малопургинской подгруппы, что можно объяснить смешанным по составу населением, религиозными и родственными связями многих семей этой деревни с правобережными деревнями соседнего Малопургинского района. В этой деревне одни семьи посылали своих представителей на моление в святилище Булды около д. Средние Юри, другие – на крупное моление *дэмен вдьсь* около д. Абдэс-Урдэс.

По данным диалектологии по границе между среднеижской левобережной и алнашско-киясовской подгруппами проходила граница между южным наречием и срединными говорами, южнее которой в языке в изобилии присутствовали тюркизмы, а севернее – наблюдался спад в их распространении. Речь среднеижской левобережной подгруппы относят к среднеижским говорам, отличающимся не только от говоров алнашско-киясовской подгруппы и от говоров верхнеижско-шарканских удмуртов, но и от говоров соседей с правого берега р. Иж. Диалектологи выделяют среднеижский диалект, в котором вычленяют левобережный и правобережный говоры (Диалектологический атлас, Вып. I, 2009, с. 44).

Перепись податного населения 1716 г. относит деревни среднеижских левобережных удмуртов к сотне Пронки Янмурзина. Ряд населённых пунктов, упомянутых в этом документе, сохранились до нашего времени:

Дери Чудья, «Завьялово тож» (44 дв., 261 чел.) – с. Завьялово (удм. Дэри) Завьяловского района;

Козмес (6 дв., 34 чел.) – д. Старая Казмаска Завьяловского района;

По речке Важой-Чудьи (5 дв., 27 чел.) – д. Важой Завьяловского района;

Чюмашур (10 дв, 48 чел.) – д. Чешошур Завьяловского района;

Вож Якшур-Шудьи (14 дв., 62 чел.) – д. Якшур Завьяловского района;

Кен (17 дв., 68 чел.) – д. Старые Кены Завьяловского района;

Ожмес-Порга (7 дв., 24 чел.) – д. Ожмес-Пурга Завьяловского района;

Деревня по речке Пуре, «словёт Бураново» (7 дв., 28 чел.) – с. Бураново Малопургинского района;

Поре-Можга, Коса тож (18 дв., 24 чел.) – д. Пуро-Можга Малопургинского района;

Дындем-Бодья (15 дв., 72 чел.) – д. Динтем-Бодья Завьяловского района;

Яган-Докья (17 дв., 73 чел.) – д. Яган-Докья Малопургинского района;

Кечево (39 дв., 171 чел.) – д. Кечево Малопургинского района (ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 1061, лл. 284-366 об.);

В документе упомянуты и другие деревни, не сохранившиеся до нашего времени, или существующие под другим названием. Данный документ свидетельствует о том, что в начале XVIII в. деревни среднеижских левобережных удмуртов большей частью уже существовали. Время и обстоятельства формирования данной подгруппы остаются загадкой. Очевидно только, что северная граница её ареала была обусловлена наличием лесного массива, почвы которого были малопригодны для земледелия (а за ним находились деревни верхнеижско-шарканских удмуртов). Южная граница располагалась там, где начинались деревни носителей культа Булды и южного наречия, нехарактерных для среднеижских левобережных удмуртов. Восточная граница ареала была сформирована близостью р. Камы и активной русской колонизацией прибрежных районов.

На западе ареала не было полной изоляции среднеижских левобережных удмуртов от населения соседних деревень правого берега р. Иж. Иногда с ними заключали браки, о чём свидетельствуют материалы переписи 1716 г.: 1) дочь Любички Утикова Зачка из левобережной д. Дэри-Чудья выдана замуж в правобережную деревню Малая Бодья (ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 1061, лист 285.); 2) дочь Багишки Чюпина Акбечка из левобережной д. Дэри Чудья выдана замуж в правобережную д. Сетек (Старый Сентег) (ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 1061, лист 291.); 3) дочь Баймаметки Саскина Бекизянка из левобережной д. Верхний Кен выдана замуж в правобережную д. Малая Бодья (ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 1061, лист 291.).

В деревнях правого берега р. Иж в Завьяловском и Малопургинском районах традиционный костюм, узорное ткачество, женские традиционные украшения из серебряных монет отличаются от изделий, характерных для левобережной подгруппы. Но в ряде пограничных деревень головные полотенца были такими же миниатюрными, как и у среднеижских левобережных удмуртов, бытовали рубахи, сшитые из такой

же синей пестряди в мелкую белую продольную полоску, как в окрестностях с. Завьялово и фартуки с узорами, характерными для деревень бывших Завьяловской и Бурановской волостей. Наряду с украшениями, выдержанными в традициях характерных для населения правого берега р. Иж, в ходе полевых исследований автором данных строк были выявлены женские нагрудные серебряные украшения конструктивно близкие вещам среднеижских левобережных удмуртов. Это можно объяснить близким проживанием, общением, иногда – брачными и родственными отношениями. В частности, в 1907 г. в правобережной д. Курчум-Норья была сделана фотография, запечатлевшая девушку в наборе украшений, традиционном для среднеижских левобережных удмуртов (Лебедева, 2008, с. 82) (Рис. 131). Такое явление можно объяснить как спорадическими миграциями из левобережных деревень, так и родственными отношениями. Однако эти связи с соседями были характерны для пограничных территорий и не нарушали целостности этнографического подразделения.

Таким образом, данные материальной культуры (традиционные костюм, головные уборы, женские украшения, узорное ткачество), информация о брачных связях и родственных отношениях, представления населения о себе как об особом сообществе, данные диалектологии выявляют этнографическую подгруппу среднеижских левобережных удмуртов.

Глава 2.2. Алнашско-киясовская подгруппа

Южнее среднеижских левобережных удмуртов, на юго-восточной окраине удмуртского ареала в Киясовском и Алнашском районах, в южной половине Можгинского района Удмуртии и в трёх удмуртских деревнях Агрызского района Татарстана проживают удмурты **алнашско-киясовской подгруппы**. Полевые исследования, позволяющие вычленить данную этнографическую подгруппу, были проведены в **Киясовском районе** в деревнях: Карамас-Пельга, Старая Салья, Верхняя Малая Салья, Нижняя Малая Салья, Кады-Салья, Калашур; в **Алнашском районе** в деревнях: Удмуртский Тоймобаш, Нижний Сырьез, Писеево, Мукшур, Кадиково, Нижнее Котнырево, Пирогово, Удмуртский Ятцаз, Старая Юмья, Кизеково, Кучеряново, Арляново, Новотроицкий, Верхнее Асаново, Нижнее Асаново, Байтеряково, Елкибаево, Казаково, Кузубаево, Чёрный Ключ, Чемошур-Куюк, Кузюмово, Ляли, Шадрасак-Кибья, Юмьяшур, Шайтаново, Старая Шудья, Абышево, Удмуртское Гондырево, Старый Утчан, Верхний Утчан и в с. Варзи-Ятчи; в **Можгинском районе** в деревнях: Ефремовка, Старый Ошмес, Карашур, Пойкино, Туташево, Нижний Вишур, Кватчи, Водзя, Чежебаш, Старый Березняк, Большие Сибы, Старые Юбери, Замостые Какси, Новые Какси, Почешур, а также в с. Поршур и пос. Ныша; в **Агрызском районе** Татарстана в деревнях: Варзи-Пельга, Варклед-Бодья, Сарсак-Омга.

Южная и восточная границы ареала алнашско-киясовской подгруппы совпадают с границей этнической территории удмуртов. Жители всех семи удмуртских деревень Киясовского района, расположенного на левом берегу р. Иж в самом нижнем её течении не поддерживали брачных отношений с деревнями своих северных соседей, среднеижских левобережных удмуртов, о чём уже было сказано выше. Браки между ними были запрещены, и этот запрет обоюдно соблюдали. Брачные и родственные отношения связывали киясовских удмуртов с правобереж-

ным Алнашским районом и тремя деревнями сопредельного, тоже правобережного Агрызского района Татарстана.

На севере и северо-западе своего ареала алнашско-киясовские деревни максимально приближены к деревням можгинско-малопургинской подгруппы. В пограничных землях между жителями близлежащих деревень обеих подгрупп в XIX и XX вв. существовали брачные и родственные отношения, однако сохранилась отрывочная информация о запрете этих отношений в прошлом. Жители д. Средние Юри Малопургинского района (они относятся к можгинско-малопургинской подгруппе) не могли в прошлом заключать браки с близлежащими деревнями Алнашского и Можгинского районов, расположенными южнее с. Большая Кибья – Пойкино, Оркино, Писеево, Нижний Сырьез и др. (это – деревни алнашско-киясовской подгруппы). Объяснение этому явлению информаторы дать не могли. Но в ходе полевых исследований выяснилось, что эта граница брачных отношений совпадает с несколько размытой границей распространения двух разных комплексов нагрудных украшений из серебряных монет, традиционных для обеих подгрупп.

На западе алнашско-киясовские удмурты граничили с граховско-южнокизнерской подгруппой (Карта 9). В близко расположенных друг от друга пограничных деревнях заключали браки и поддерживали родственные отношения. Это объясняется, как мы увидим ниже, этнической историей этих подгрупп, распространением у них общего культа *Булды*.

Пограничные территории на стыках ареалов алнашско-киясовской подгруппы с ареалами можгинско-малопургинской и граховско-южнокизнерской подгрупп демонстрируют наличие брачных и родственных отношений между ними, а также смешение явлений традиционной материальной культуры – традиционных украшений из серебряных монет, узоров и технических приёмов ткачества. В глубине ареалов подгрупп браки заключали внутри подгруппы, а явления материальной культуры (узорное ткачество, ковроделие, женские украшения из серебряных монет) демонстрируют наличие специфических особенностей, характерных именно для этой подгруппы, что можно объяснить информационными связями, основанными на отношениях родства и свойства, скрепляющих изнутри подразделение этноса.

Внимание многих исследователей, начиная с XIX в., привлекал характерный для удмуртов культ *воршуда* – святыни-покровителя родственных семей. Моления *воршуду* осуществляли в святилище *куала*. Существовали семейные малые *куала* (*покчи куала*) и большие общественные *куала* (*быдзым куала*). Общественные святилища были в большинстве случаев уничтожены в годы советской власти, а многие ещё раньше – при христианизации. Семейные *куала* в советский период сохраняли в качестве хозяйственных построек. Их использовали как летние кухни. Например, в д. Карамас-Пельга Киясовского района ещё в начале 1980-х гг. почти на каждом подворье была малая *куала*. А жители вспоминали об общественных святилищах *куала*, уничтоженных в годы советской власти. Их было два: у *воршуда* Салья и *воршуда* Пельга.

Единственным действующим с незапамятных времён святилищем *быдзым куала* в наши дни является святилище в окрестностях д. Кузубаево Алнашского района. 12 июля 2006 г. там во время моления были принесены в жертву 25 уток от частных домохозяев и один селезень, купленный вскладчину участниками моления. Жертвенных птиц варили в котлах, на бульоне готовили кашу. Одну сваренную ножку от каждой птицы передавали жрецу, который, сжигая эту жертву в огне *куалы*, просил благополучия жертвователям. Жертвенную кашу с мясом съедали участники моления. Остатки её уносили в деревню для тех, кто в не смог участвовать в молении. Поскольку культ *воршуда* у удмуртов связан с культом предков, завершало всё священнодействие молитвенное обращение участников моления к предкам, умершим на чужбине. Оно было совершено возле бокового фасада *куалы*, где был разведён небольшой костёр (Рис. 132-137).

Проблема происхождения и распространённости у удмуртов культа *воршуда* остаётся за рамками данной работы. Воршудная тематика в данном случае затронута в связи с проблемой сосуществования социально-культовых подразделений *луд выжы* ‘род священной рощи’ и *быдзым куала выжы* ‘род большой куалы’ на территории алнашко-киясовской подгруппы. Попутно замечу, что сопоставление полевых материалов об этнографических группах удмуртов с данными картографирования воршудных имён, свидетельствует о том, что, расселяясь по удмуртской этнической территории, семьи, молившиеся одному и тому же *воршуду*.

вливались в состав разных этнографических подразделений и становились носителями свойственных этим подразделениям, вырабатываемых этими подразделениями особенностей материальной и духовной культуры.

Далее, известно, что у каждой удмуртской деревни было несколько молевых мест, где устраивали различные моления одни и те же люди в разные дни года, в различных ситуациях. Среди них были родовое святилище *быдзым куала* и священная роща *луд* или *керемет*. Для части собственно-южных удмуртов было характерно сосуществование в одной деревне особых социально-культурных объединений: сообщества великой куалы, *быдзым куала выжы* (*выжы* – «корень, род») и сообщества священной рощи (*луд выжы*). Представители этих объединений проживали в одной деревне, но молились отдельно, каждый в своём святилище (в роще или в куале соответственно), и не заключали между собой браки.

Впервые это явление было обнаружено лишь в 1930-е годы А. И. Пинт, работавшей в экспедиции Н. Я. Марра и М. О. Косвена (Удмурт, 1934, с. 42-43). Длительное время оно оставалось малоисследованным. В 1993 г. увидела свет монография «Удмурты» (Удмурты, 1993), в рецензии на которую К. И. Козлова с сожалением отметила, что остаются совершенно неизученными неясные вопросы о «роде куала» и «роде луда» (Козлова, 1994, с. 169). Впоследствии появились работы В. Е. Владыкина и Н. И. Шутовой, затронувшие эту тему (Владыкин, 1994, с. 271-272; Шутова, 2001, с. 56-57). Однако до недавнего времени не были картографированы населённые пункты, в которых существовало разделение населения на *луд выжы* и *быдзым куала выжы*.

Как показали полевые исследования автора этой работы, во всех деревнях, где совместно проживали семьи *быдзым куала выжы* и *луд выжы*, население помнит о запрете брачных отношений между представителями этих семей, о запрете на употребление *луд выжы* в пищу свинины, об особенностях молений *луд выжы*.

По данным информатора из д. Нижние Юри Малопургинского района святилище *луд* (священная роща) в старину имело три ограды. За первую, внешнюю ограду не имели возможности войти домашний скот и дикие животные. За вторую ограду не должны были входить женщины. Они наблюдали за ходом моления издали. Об этой второй ограде

помнят все информаторы, сообщающие о молениях в святилище *луд*. В некоторых деревнях женщины подкладывали под вторую ограду *луда* и оставляли там миниатюрные, подобные кукольным, новые рубашки (д. Квачи Можгинского района). Или развешивали на ветвях дерева в *луде* мужские рубахи (д. Нижний Сырьез Алнашского района). Внутрь второй ограды входили все мужчины. В центре неё находилась небольшая, огороженная третьей оградой, центральная площадка, доступная только жрецам. Там устанавливали котлы с жертвенной пищей и разводили костры для её приготовления. В действующем до наших дней святилище *луд* около д. Кузубаево сохранилась центральная ограда, внутри которой устанавливают котлы и разводят костры для приготовления жертвенной пищи и засохшее дерево, обозначающее в пространстве вторую ограду, за которую не должны заходить женщины.

Традиционным жертвенным животным, заклание которого проводили в *луде*, был в первую очередь баран. Он должен быть обязательно белой масти и некастрированный. Осенью для жертвоприношений в *луде* использовали откормленных за лето гусей и уток.

Вечером 12 июля 2006 года, в Петров день, жители д. Кузубаево Алнашского района (*луд выжсы*) начали подготовку к проведению традиционного моления в *луде*. На молении было принесено в жертву шесть баранов. Один – купленный вскладчину всеми семьями *луд выжсы*. Пять – от частных домохозяев, пожелавших принести жертву от своей семьи. Каждого барана помощник жреца укладывал головой на восток. Домашних животных и птиц и при обычном забое алнашко-киясовские удмурты также укладывали головой на восток – это считали необходимым для того, чтобы скотина всегда водилась в хозяйстве и была здорова. Такой обычай характерен и для казанских татар. Жрец окроплял животное водой при помощи берёзового веника, который макал в ведро, а потом большим острым ножом совершал заклание. Эти действия были проведены над каждым бараном. Окропление жертвы водой было традиционно для удмуртов. Барана, купленного вскладчину – самую главную жертву, разделяли обязательно помощники жреца. Остальных баранов разделяли сами жертвователи – домохозяева. Мясо было уложено в котлы, установленные на металлических опорах в центральной площадке святилища. На закате солнца, напротив сориентированного на за-

падную сторону проёма в ограде центральной площадки (за её пределами) был разведён костёр, в котором сожгли несъедобные внутренности жертвенных баранов. Принято, чтобы у этого костра, поддерживаемого всю ночь, участники моления оставались до утра (Рис. 138-150; фотографии на территории святилища *луд* были сделаны мною с дальнего расстояния благодаря совершенной фототехнике. Я не нарушала границу, за которую женщинам вход воспрещён. Фотографии 148 и 149 в самом центре святилища были сделаны водителем Т. Ф. Такиуллиным).

По словам информаторов, при первых проблесках рассвета принято молиться над первым котлом, в котором были сварены внутренности (сердце и печень). Их выкладывали в специальную чашу, которую потом ставили на пень, оставшийся от священного дуба. На восходе солнца молились над вторым котлом. Вываренное за ночь мясо тщательно отделяли от костей. На мясном бульоне варили кашу. Часть мяса и каши съедали в *луде* участники моления, оставшуюся моленную пищу уносили в деревню для женщин, детей и мужчин *луд выжсы*, не присутствовавших на молении. Кости жертвенных животных, отделённые от вываренного мяса, а также косточки и перья птиц, если в жертву приносили последних, обязательно сжигали в *луде*.

Кроме того, при молитвенных действиях и ритуальной трапезе в *луде* использовали тонкие пресные лепёшки *куар нянь* (*куар* `лист`, *нянь* `хлеб`), принесённые от каждой семьи *луд выжсы*. Для приготовления этого блюда из теста, замешенного из муки, воды, яиц и соли, раскатывали круглые сочни, тонкие как листочки деревьев. Отсюда происходит их название. Их выпекали в печи перед подом. На молении в *луде* эти лепёшки укладывали стопками в деревянные чашки. От каждой семьи – стопка лепёшек. Чашки расставляли на белой ткани, прямо на земле рядом с центральной площадкой святилища. На рассвете, после молитвенных действий с мясом, главный жрец брал верхнюю лепёшку из одной стопки и, держа её в руках, произносил молитву, повернувшись к солнцу. Потом клал лепёшку обратно и повторял эти действия над каждой стопкой. В д. Карамас-Пельга Киясовского района на подобном молении жрец отщипывал кусочек от верхней лепёшки каждой стопки и бросал его в костёр.

Осеннее моление кузубаевские *луд выжсы* проводят в октябре, в дни, близкие к празднику Покрова Богородицы. Воду для кропления

животных и варки мяса они берут из родника, бьющего возле святилища. А в д. Юмьяшур Алнашского района осеннее моление в луде проводили, когда на землю ложился первый снег, который растапливали для приготовления жертвенной пищи. Вода из колодца для этого моления не годилась. Для жертвы использовали гусей и уток, откормленных за лето.

В ходе полевых исследований последних лет удалось выявить деревни, в которых сосуществовали *луд выжы* и *быдзым куала выжы*, и определить их ареал. Перечислим эти деревни. **В Можгинском районе:** Верхние Юри, Каменный Ключ, Акашур, Карашур, Оркино, Пойкино, Туташево, Бальзяшур, Новая Бия, Кватчи, Старый Березняк, Большие Сибы, Старые Юбери, Замостные Какси, Почешур, и село Поршур. **В Алнашском районе:** Удмуртский Тоймобаш, Нижний Сырьез, Писево, Кизеково, Нижнее Асаново, Кузебаево, Чёрный Ключ, Чемошур Куюк, Варзибаш, Кузюмово, Ляли, Шадрасак-Кибья, Юмьяшур, Шайтаново, Удмуртское Гондырево, Старый Утчан, Верхний Утчан и село Варзи-Ятчи. **В Малопургинском районе:** Баграш-Бигра, Гожня, Алганча-Игра, Средние Юри, Нижние Юри, Новая Монья, Старая Монья, Абдэс-Урдэс, Бобья-Уча, Быстрово, Итешево и с. Ильинское. **В Киясовском районе:** Карамас-Пельга, Старая Салья, Кады Салья, Малая Верхняя, Малая Нижняя Салья, Дубровник, Калашур. **В Агрызском районе Татарстана:** Варклед-Бодья, Варзи-Пельга, Сарсак-Омга (Косарева, 2011г, с. 12-15) (Карта 10).

Ряд деревень, соседствующих с деревнями, перечисленными в этом списке, не попали в него, потому, что в них непосредственно исследования не проводились. Поэтому приведённый список не является исчерпывающим, однако подавляющее большинство деревень, в которых существовало разделение населения на социально-культурные группы *луд выжы* и *быдзым куала выжы*, в нём присутствует. Ареал данных деревень расположен на правом берегу р. Иж в её нижнем течении. Только деревни Киясовского района находятся на левом берегу этой реки. Сейчас невозможно ответить на вопрос о том, как и когда возникло это разделение населения, было ли оно в прошлом характерно для всего этноса и сохранилось только на ограниченной территории, или это локальное явление, изначально свойственное лишь небольшой части собственно южных удмуртов. Этот сложный вопрос остаётся за рамками данного

исследования. Для нас важно, что ареал деревень, в которых сосуществовали *луд выжсы* и *быдзым куала выжсы*, совпадает с ареалом алнашско-киясовской подгруппы и частично перекрывает ареал соседней можгинско-малопургинской подгруппы.

Юг Удмуртии в культовом отношении представляет довольно пёструю картину. Наряду с двумя упомянутыми выше социально-культурными группами, часть населения практиковала здесь культ *Булды*. Первые об этом явлении было рассказано на страницах «Вятских губернских ведомостей» в 1859 г. (Вотяки, 1859, с. 216). Автор публикации сообщил о трёх местах совершения молений *Булде*: в лесах около деревень Старя Зюмья (в современном написании – Старая Юмья), Арляново и Варзи-Ятчи. Все три деревни существуют поныне и расположены на территории современного Алнашского района.

Авторы XIX в. неоднократно обращались к этой теме (Бехтерев, 1880, с. 165; Потанин, 1884, с. 204.). В конце XIX в. священник Н. Блинов в работе «Языческий культ вотяков» (Блинов, 1898, с. 42-44) изложил собранную им информацию о культе *Булды*. Он утверждал, что главным являлось святилище *Булды* в лесу, принадлежащему г. Ушкову (этот лес в дореволюционной литературе называют ещё Кокшанской дачей), что главными жрецами в этом святилище были представители удмуртской семьи из д. Старая Юмья. По преданию, их предку, заблудившемуся в лесу на охоте, во сне было видение седого величественного старца, утверждавшего, что он – страшный бог и требовавшего проводить моление в указанном месте. Название *Булда* информаторы Н. Блинова связывали с именем крестьянина, которому было это видение (Блинов, 1898, с. 42-44).

В 1920-е годы моления в святилище *Булда* около с. Варзи-Ятчи дважды посетил П. Н. Луппов. Его наблюдения изложены в статье 1927 г. (Луппов, 1927, с. 82-114.)

В. Е. Владыкин в монографии 1994 г., посвящённой религиозно-мифологической картине мира удмуртов, писал, что на юге Удмуртии раз в четыре года проводили весьма значительное моление «*Булда вось*», которое было собственностью *булда выжсы*, объединявшего, по его мнению, едва ли не большинство южных удмуртов. При этом он отметил, что в формировании *булда выжсы* и других культовых объединений удмуртов ещё очень много неясного (Владыкин, 1994, с. 273).

Н. И. Шутова в работе 2001 года о дохристианских культовых памятниках в удмуртской религиозной традиции, суммируя данные этнографической литературы и собственных полевых изысканий, пишет о святилищах *Булды* в Алнашском (Старая Юмья, Арляново, Варзи-Ятчи, Кузебаево), Граховском (Нижние Юраши), Малопургинском (Юри), Можгинском (Басурман-Можга – ныне с. Можга) районах, предполагая более широкое распространение этого явления (Шутова, 2001, с. 88, 99-100). Н. И. Шутовой в 1998 г. удалось получить сведения об эндогамии *булда выжы* (Шутова, 2001, с. 56-57). Однако не были выявлены все известные населению святилища *Булды* и не был очерчен их ареал.

В ходе полевых исследований 2006 г. автором данной работы было проведено картографирование святилищ *Булды*, которое показало, что ареал этих святилищ вытянут вдоль южной границы этнической территории удмуртов от святилища в д. Старая Салья Киясовского района на востоке до святилища в д. Удмуртский Сарамак Кизнерского района на западе. Перечислим эти святилища. В **Алнашском** районе: 1) в д. Старая Юмья; 2) около д. Пирогово, в Ушковском лесу; 3) около д. Арляново; 4) около с. Варзи-Ятчи; 5) около д. Кузебаево. В **Киясовском** районе: 6) около д. Старая Салья. В **Граховском** районе: 7) около д. Яги-Какси; 8) около д. Старые Ятчи; 9) около д. Нижние Юраши. В **Кизнерском** районе: 10) около д. Удмуртский Сарамак; 11) около д. Поляково; 12) около д. Арвазь-Пельга. В **Можгинском** районе 13) около д. Кватчи; 14) около д. Водзя, 15) около д. Большие Сибы. В **Малопургинском** районе: 16) около д. Средние Юри (Косарева, 2011д, с. 16-19) (Карта 10).

Кроме того, о трёх святилищах *Булды* (около д. Нижнее Асаново, около д. Варзибаш Алнашского района, около д. Старая Пельга Агрызского района Татарстана, попавшей в зону затопления при вводе в строй Нижнекамского водохранилища и потому расселённой) сообщили только по одному информатору, и перепроверить эти сведения не удалось. И в литературе есть указания на существование святилищ *Булды* в окрестностях деревни Басурман Можга, ныне это с. Можга Можгинского района (Емельянов, 1921, с. 96-101.); около д. Гондырево Граховской волости, у д. Айшур Васильевской волости, около деревень Аргабаш и Бемыж. Н. Блинов в упомянутой выше работе пишет о существовании этих святилищ (Блинов, 1898, с. 42-47).

Все выявленные в ходе полевых исследований и упомянутые в литературе святилища Булды расположены в пределах алнашско-киясовской и граховско-южнокизнерской подгрупп. Действующими на период проведения полевых исследований в 2006 г. оставались три святилища: около д. Нижние Юраши Граховского района (Рис. 192), около д. Кузубаево Алнашского района (Рис. 151-154) и на территории д. Старая Юмья Алнашского района (Рис. 155). В советский период действующим было и святилище у д. Арляново (Рис. 156), до тех пор, пока один приезжий человек не осквернил священное место суицидом. В исследовании 1898 г. Н. Блинов сообщил, что, по отзывам удмуртов, нигде в другом месте, кроме мольбища в Кокшанской даче, (то есть в Ушковском лесу, в святилище около д. Пирогово Алнашского района) не следует молиться *Булде*. Что, однако, «малые булды» были и прежде и сохранились до настоящего времени. (Блинов, 1898, с. 44).

Святилище около д. Пирогово, упомянутое Н.Блиновым как святилище «в Кокшанской даче», расположено в глубине значительного лесного массива. Крупное моление, длившееся неделю, проводили здесь один раз в четыре года, летом. На моление съезжались жители многих деревень. По данным полевых исследований автора, проведённых в 2006 году, здесь во время сакральных действий трением о кору священного дуба добывали огонь, на котором готовили жертвенную пищу в течение всей недели молений. Точно установить, как технически это делали, в наше время уже невозможно. Важно, что многие информаторы знали и сообщали об этом добывании нового огня. Пироговское святилище Булды было заброшено в советское время. Поляну святилища постепенно затягивает лес. Священный дуб, ещё крепкий, был спилен неизвестными злоумышленниками после 2000 года. От него остался огромный пенёк, рядом с которым летом 2006 года лежала отпиленная, с прочной древесиной, верхняя часть ствола (Рис. 157, 158).

Обращает на себя внимание тот факт, что автор, писавший в Вятских губернских ведомостях в 1859 г. о молениях Булде, назвал три святилища: около д. Старая Юмья, около д. Арляново и около с. Варзи-Ятчи (обе деревни и село относятся к Алнашскому району). При этом он не упомянул о молении в расположенном в этом же районе святилище около д. Пирогово (Вотяки, 1859, с. 216). Видимо это наиболее важное

сакральное действие старались сокрыть от посторонних глаз в глубине леса, и сохраняли в тайне.

По свидетельствам информаторов из д. Нижние Юраши Граховского района в их святилище Булды моление проводили через три года на четвёртый, т.е. один раз в четыре года в Петров день (12 июля). Но по легендам, дошедшим от стариков, в старину это моление было приурочено к дню летнего солнцестояния (*шунды пукон*) и только под воздействием христианизации моление перенесли на Петров день. В жертву приносили животное обязательно белой масти: жеребёнка, барана, гуся или утку. Летом 2006 года во время посещения с проводниками действующего святилища, расположенного на территории деревни Старая Юмья Алнашского района, я обратила внимание на лежащую под старой огромной сосной на хвое зарезанную белую утку (Рис. 159). Полевые материалы последних лет свидетельствуют о том, что жертвенное животное не обязательно варили и употребляли в пищу. По данным информатора Павлины Кузьмовны Николаевой, в девичестве Батровой, 1935 г.р., уроженки д. Карамас-Пельга Киясовского района (она происходит из семьи *луд выжы*), когда она в 1956 году тяжело заболела, родственники обратились к известной знахарке из д. Абдэс-Урдэс Малопургинского района. Знахарка лила воду на серебряную монету, положенную в стакан и сообщила, что заболевшую поймал *луд вóсь* (букв. ‘жертва / моление священной рощи’). Брат Павлины Кузьмовны по совету знахарки зарезал в святилище *луда* около д. Карамас-Пельга белую утку, выкопал для неё небольшую ямку и там оставил. Больная вскоре выздоровела. Очевидно, и в святилище Булды совершали при необходимости подобные действия.

По данным информаторов из д. Нижние Юраши Граховского района, жертвенное животное при заклании укладывают головой в ту сторону, где в данный момент находится солнце. Во время моления в святилище Булды около Нижних Юрашей, центральную площадку святилища, окружённую небольшой канавкой, жрецы обходили с произнесением молитв в направлении по солнцу (по часовой стрелке). Интересно, что при похоронах у удмуртов, когда гроб выносили во двор, его ставили на чурбан и поворачивали три раза против солнца (Гаврилов, 1880, с. 183-184). И во время поминального обряда *йыр-пыд сётон*, проводимо-

го через несколько лет после смерти, устроители мероприятия обходят всех присутствующих, подавая им кумышку (алкогольный напиток), в направлении против солнца (против часовой стрелки). На последний факт обратил внимание информатор, рассказывавший о молении в юрашинском святилище Булды. Он сам и сравнил противоположную направленность движения на поминках и при молении в святилище Булды. Возможно, движение против солнца было связано с представлениями о смерти и потустороннем мире. Движение по солнцу носило символический жизнеутверждающий характер.

Такие факты, как проведение молений в святилище Булды в прошлом в день летнего солнцестояния, обход жрецами во время совершения моления центральной части святилища в направлении по солнцу, укладывание жертвуемого Булде животного головой в сторону солнца, добывание нового огня в святилище Булды трением (огненная стихия, по представлениям многих народов связана с солнцем; солнце – огонь небесный, костёр – огонь земной) (Иванова, 1983б, с. 116) указывают на связь молений Булды с культом солнца. Возможно, с культом солнца связан и тот факт, что среди животных, приносимых в жертву в разных святилищах Булды, непременно был жеребёнок и обязательно белой масти. Известно, что в мифах народов Евразии солнечный бог часто связан с конями (Иванова, 1983а, 106).

Сложно представить, когда и при каких обстоятельствах возникла группа населения, связанная с культом Булды. Имя этого божества информаторы Н. Блинова связывали с удмуртским именем, как уже было отмечено выше. В то же время оно созвучно татарскому слову *булды* 'было, свершилось'. Можно предполагать, но затруднительно выявить влияние на возникновение у южных удмуртов культа *Булды* тюркского населения, сохранявшего какое-то время элементы доисламских языческих верований. Известно, что продолжительные усилия мусульманского духовенства по искоренению язычества у тюркоязычных народов Поволжья так и не привели к полной победе ислама. Язычество так и не было полностью вытеснено и его пережитки сохранялись вплоть до недавнего времени (Татары, 1967, с. 342).

Интересно, что вблизи ареала алнашско-киясовских удмуртов существуют деревни, отатаренное население которых помнит о своей

принадлежности к башкирскому народу. Башкиры *еней* проживали в деревнях: Исенбаево, Кадыбаш, Утяганово, Касаево Агрызского района. Башкиры *байлар* – в деревнях Салауш, Кучуково, Ямурзино, Девятерня также Агрызского района. Кроме того, башкиры *байлар* проживали ещё в деревнях Бизяки, Тураево, Куразово Менделеевского района Татарстана. Эти три последние деревни расположены в непосредственной близости от староюмьинского и пироговского святилищ *Булды*. (Расстояние от д. Старая Юмья до д. Бизяки по прямой составляет всего 12 км).

Деревня Девятерня Агрызского района, расположенная на р. Кады, притоке р. Кырыкмас находится в непосредственной близости от удмуртских деревень Калашур и Дубровский Киясовского района. Об активном экономическом взаимодействии этносов свидетельствуют неофициальные названия этих удмуртских деревень: Калашур – Вуж Тигермен – Старый Тигермен, Дубровский – Выль Тигермен – Новый Тигермен. Эти названия происходят от удмуртских слов *вуж* ‘старый’, *выль* ‘новый’ и башкирского слова *тигермен* ‘мельница’.

Попытки увязать происхождение культа Булды с буддизмом (Шутова, 2013, с. 372-374) представляются неубедительными.

Проблему возникновения культа *Булды* у южных удмуртов я оставляю за рамками этого исследования. Для нас в данном случае важным является то, что первым по значимости святилищем *Булды* было святилище в Ушковском лесу у д. Пирогово Алнашского района. Важную роль в этом культе играло также святилище в д. Старая Юмья Алнашского района. Именно отсюда, с территории Алнашского района по южной окраине удмуртского ареала расселились носители культа и распространился сам культ. Информаторы из деревень Граховского района знают от стариков, что Булду в их святилище около д. Нижние Юраши привезли из Алнашского района. Одни полагают, что это был саженец дуба, другие, что это было какое-то количество золы из костра святилища. Возможно, там были и другие символические предметы. Но все помнят, что везли святыню три года по водоразделу, огибая воду: нельзя было переезжать поверх реки или ручья. В противном случае перевозимая святыня утрачивала свою силу. Очевидно, что по представлениям носителей этих языческих верований, две стихии, огня (*Булда*) и воды не должны были пересекаться.

Информатор 1905 г. р. обладал более конкретными сведениями и сообщил М. Г. Атаманову, проводившему полевые исследования в 1978 году, что *Булду* везли в святилище около Нижних Юрашей из святилища в д. Старая Юмья Алнашского района. А до этого старики ходили на моление туда, что было очень далеко (Атаманов, 1997, с. 124-125).

Имеющиеся факты говорят о том, что культ *Булды* распространился с территории Алнашского района, где в междуречье Ижа и Тоймы святилища *Булды* расположены наиболее плотно. При движении на запад создавались новые святилища в Граховском, а потом – в Кизнерском районе. В восточном направлении этот культ был перенесён на левый берег р. Иж, где было основано святилище около д. Старая Салья Киясовского района. Самым северным является святилище около д. Средние Юри Малопургинского района.

Н. И. Шутова обратила внимание на опубликованный на удмуртском языке текст предания (Ватка но Калмез, 1971, с. 98-100), в котором рассказывается о живущем у реки Вятки *ватка*-удмурте и живущем у реки Кильмези *калмез*-удмурте, и о том, как они однажды собрались и поехали к *булда*-удмурту (Шутова, 2001, с. 99-100). Данный текст ранее был опубликован на русском языке. Его записали в д. Кунжек Кильмезского района Кировской области в 1936 г. (Удмуртские народные сказки, 1948, с. 31-33). Это предание говорит о существовании давних, отражённых в фольклоре представлений о носителях культа *Булды* как об особой группе населения.

Информация, собранная в ходе полевых исследований последних лет, говорит о том, что в каждой деревне не все жители, а только часть семей были связаны с культом *Булды*. Так в д. Старая Салья Киясовского района по свидетельству Ивана Романовича Охотникова 1934 г. р., главного на молениях в *Булде* (эта должность перешла к нему по наследству от деда), только семь семей молилось в святилище *Булды*. Это Васильевы, Гурьевы, Калашниковы, Охотниковы, Пудовы, Самсоновы, Тихоновы. Расселяясь, носители культа *Булды* проживали в деревнях совместно с носителями других культов. Главным при формировании населения деревни было наличие земли, пригодной для земледелия. Культурная сторона отступала на второй план. В наше время моления в святилище *Булды* у д. Старая Салья не проводятся (Рис. 160, 161).

Ареал деревень, в которых проживали носители культа *Булды*, вытянут в широтном направлении. В то же время ареал деревень, в которых совместно проживали *луд выжсы* и *быдзым куала выжсы*, несколько более вытянут в меридианальном направлении относительно ареала святилищ *Булды*. **И оба эти ареала перекрывают друг друга на территории алнашко-киясовской подгруппы.** Отчасти это можно объяснить высоким плодородием почв и наибольшей плотностью населения вообще на территории этой подгруппы. Таким образом, специфической особенностью алнашко-киясовской подгруппы является многовековое сосуществование во многих деревнях представителей разных социально-культурных групп: *луд выжсы*, *быдзым куала выжсы* и носителей культа *Булды*.

Близость ареала алнашко-киясовской подгруппы к тюркской среде, его вытянутость вдоль южной окраины удмуртской этнической территории, его расположение вблизи крупной речной магистрали, каковой всегда являлась р. Кама предопределяли интенсивное влияние со стороны других этносов на культуру алнашко-киясовских удмуртов.

Именно в Алнашском районе сохранились предания о сказочных великанах *Алангасарах*. Вблизи д. Верхний Утчан расположено городище, давшее название верхнеутчанской археологической культуре VI-IX вв. Высокий холм, содержащий в себе это археологический памятник, и расположенный возле него глубокий овраг по сохранившейся устной традиции местное население связывает с *Алангасаром*. Отсюда великаны стреляли из лука в лес, расположенный возле деревни Пирогово (*ушкоч нюлэс* 'ушковский лес'), сохранявший в своей глубине описанное выше главное святилище *Булды*. Их стрелы падали в глубокий овраг *Булда нюк* 'овраг Булды', знаменитый своим орешником. Сказочный образ великанов *Алангасаров* появился у удмуртов в результате давнего интенсивного культурного взаимодействия с носителями другой этнической традиции. Какой именно – вопрос, требующий изучения.

Для традиции алнашко-киясовских удмуртов характерны святилища *Акташ*, название которых однозначно свидетельствует о тюркском заимствовании. Оно образовано от тюркских слов *ак* 'белый' *таш* 'камень'. Эти святилища остаются неоткартографированными. Поэтому нет исчерпывающей картины их распространения. В ходе полевых исследований 2006 г. были выявлены святилища *Акташ* непосредственно

на южной окраине удмуртской этнической территории: возле д. Муважи Алнашского района и около д. Байтуганово Граховского района. (Данная деревня расположена совсем близко к границе с Алнашским районом.) Несколько севернее возле д. Удмуртское Гондырево Алнашского района также было святилище *Акташ*. По описаниям информаторов никаких белых камней в качестве культовых объектов в этих удмуртских святилищах не было. Однако в святилище *быдзым куала* у д. Удмуртское Гондырево возле сруба куалы, обнесённые оградой, стояли белые камни, на которые молились.

Традиции алнашско-киясовской подгруппы отражают сложное этнокультурное взаимодействие удмуртов с другими народами региона.

Для традиционных женских рубах алнашско-киясовской подгруппы характерен покрой с очень широкой оборкой, пришитой к основной части одежды на уровне тазобедренных суставов. Часто её дополняет еще небольшая узкая оборочка из легкой фабричной ткани, пришитая к основной части рубахи тем же швом, что и большая оборка. В более ранних вещах (начала XX в.) центральное полотнище может быть перегнуто на месте плечевого шва, а рукава могут иметь квадратные ластовицы. Такие рубахи не имеют кокеток. Их нагрудный разрез выкроен по центру груди и во многих вещах декоративно выделен подковообразно размещёнными нашивками (Рис. 162). Такие рубахи не имели специальной закрывающей щель нагрудного разреза планки. Их ношение предполагало обязательное надевание под рубаху нагрудника *кыкрак*, надёжно закрывающего грудь. Всё это свидетельствует о влиянии традиций казанских татар и башкир (Белицер, 1951:45, 46). В более поздних рубахах кокетки выкраивали как на груди, так и на спине (Рис. 163). В цветовом решении пестряди преобладает красный цвет. Характерна разбивка ткани на крупные клетки. В 1950-е годы появились рубахи из гладко окрашенной шерстяной розовой ткани домашнего производства.

Для штанов данной подгруппы характерен покрой с широким шагом. Его отличает от покроя с узким шагом наличие широкой вставки между штанинами, т.н. мотни. Такой покрой, как известно, был характерен для народов, чьи предки занимались кочевым скотоводством. Он позволял свободно садиться на лошадь и не стеснял движения. На южной окраине удмуртской этнической территории он был заимствован

удмуртами от тюрок. Мужские штаны полностью шили из полосатой синей пестряди. Женские также шили из грубой пестряди, однако для центральной мотни могли использовать более тонкую, щадящую кожу белую холстину (Рис. 164-168).

Традиции народного искусства, уцелевшие до нашего времени изделия, выдержанные в алнашско-киясовской традиции, свидетельствуют о скрепляющих изнутри данную подгруппу брачных, родственных и информационных связях. Узорное ткачество и безворсовое ковроделие получило яркое интересное развитие на территории проживания этой подгруппы. Обращают на себя внимание такие изделия, как фартуки в крупную клетку с вписанными внутрь большими гребенчатыми ромбами, выполненными в выборной технике (Рис. 169-171). Очень интересны концы головных полотенец, узор которых выткан в переборной технике и образован неожиданными комбинациями квадратов с двумя продолженными сторонами, исходящими из одного угла. Такой декор этих предметов одежды не имеет аналогов у других подгрупп собственно-южных удмуртов (Рис. 172-174).

Широкое распространение у алнашско-киясовской подгруппы получили ковры, выполненные в закладной технике. У других подгрупп собственно-южных удмуртов в ковроделии эту технику не применяли. Для закладных ковров алнашско-киясовских удмуртов были характерны располагаемые на чёрном или темно-коричневом фоне узоры двух типов: 1) розетки, имеющие ступенчатые края и многоцветные уменьшающиеся вставки внутри (Рис. 175, 176); 2) косые кресты с раздвоенными лучами *чонари пужсы* 'паучий узор' (Рис. 177, 178).

Среди орнаментальных мотивов ковров алнашско-киясовской подгруппы, выполненных в переборной технике (наиболее распространённой в ковроделии), – узоры, представляющие собой кресты с расщеплёнными концами (Рис. 179, 180), узоры изображающие птицу на ветке дерева (Рис. 181-183), а также мотивы, представляющие собой почти реалистическое изображение пышных цветов и листьев (Рис. 184, 185). Изделия с такой орнаментацией относятся к 1930-1950 гг. Более поздние изделия 1950-1960-х гг. – это выполненные в переборной технике ковры с контурно обозначенными крупными чёрными ромбическими фигурами на интенсивно розовом фоне (Рис. 186).

Набор традиционных серебряных украшений удмуртов алнашско-киясовской подгруппы включал массивное цельнокроеное закруглённое снизу украшение, покрывающее грудь и верх живота. Его обозначали термином *уксё тйрлык* (*уксё* ‘деньги’, *тйрлык* ‘изделие’) и носили в комплексе с перевязью *бутьмар* (от татарского *путемар* ‘сумочка для ношения миниатюрного Корана’). Этот набор украшений был распространён по всему ареалу подгруппы (Рис. 187-190). Только на территории Киясовского района наряду с цельнокроеным украшением *уксё тйрлык*, бытовало украшение с таким же названием, отличающееся конструкцией: оно не цельное, а разделённое на три вертикальные части, пришитые вверху к единой детали в форме полумесяца (Рис. 191). Такая конструкция совпадает с конструкцией украшения соседней можгинско-малопургинской подгруппы и обусловлена переселением в XIX в. ряда семей из Малопургинского района (его правобережных территорий) в Киясовский. Так в д. Карамас Пельга Киясовского района проживают семьи переселенцев из д. Итешево Малопургинского района. Об этом переселении жители киясовских удмуртских деревень помнят до сих пор.

А в алнашских деревнях, приближенных к деревням соседней граховско-южнокизнерской подгруппы, украшение существовало под двойным названием: *уксё тйрлык* и *чыртыкыч*. Первое – местное, второе характерно для граховско-южнокизнерских удмуртов, о которых речь ниже.

По материалам переписи 1716 г., деревни алнашско-киясовских удмуртов входили в сотню Токбулата Рысова и в сотню Андрея Байтемирова. Многие населённые пункты, упомянутые в документе 1716 г. существуют и в наши дни. В сотне Токбулата Рысова:

Кватчи-Можга (3 двора 11 человек) – д. Кватчи Можгинского района;

Бусурман-Можга (20 дворов, 97 человек) – с. Можга Можгинского района;

Старая Салья (8 дворов, 38 человек) – д. Старая Салья Киясовского района;

Юбери (7 дворов, 26 человек) – д. Старые Юбери Можгинского района;

Чужесь-Какси (5 дворов, 20 человек) – д. Чежесь Какси Можгинского района;

Большая Кибья (9 дворов, 41 человек) – с. Большая Кибья Можгинского района;

Юри (6 дворов, 29 человек) – д. Нижние Юри или д. Средние Юрии Малопургинского района или д. Верхние Юри Можгинского района;

Шурсак Омга (20 дворов, 85 человек) – д. Сарсак Омга Агрызского района Татарстана;

Варзи Пельга (8 дворов, 41 человек) – д. Варзи Пельга Агрызского района Татарстана;

Варзи Ядчи (12 дворов, 45 человек) – с. Варзи-Ятчи Алнашского района;

Лялины (6 дворов, 24 человека) – д. Ляли Алнашского района;

Шурилчак-Кибья (5 дворов, 28 человек) – д. Шадрасак-Кибья Алнашского района;

В Вершине речки Варзи (2 двора, 5 человек) – д. Варзибаш Алнашского района (ЦГАДА, ф.350, д. 1061, лл.396-493.).

В сотне Андрея Байтемирова:

Кузюмово по речке Варзи (6 дворов, 29 человек) – д. Кузюмово Алнашского района;

Починок Куюк (7 дворов, 40 человек) – д. Чемошур-Куюк Алнашского района;

Большая Какся (11 дворов, 32 человека) – д. Старые Какси Алнашского района;

Юмья (11 дворов, 66 человек) – д. Старая Юмья Алнашского района;

Починок по речке Калашур (6 дворов 31 человек) – д. Калашур Киясовского района;

Карамыш Пелги (11 дворов, 44 человека) – д. Карамас-Пельга Киясовского района;

Нуше Какся (7 дворов, 30 человек) – д. Ныши Какси (Большие Сибь) Можгинского района;

Ядце (6 дворов 27 человек) – д. Удмуртский Ятцаз Алнашского района;

Деревня по речке Алнашке (5 дворов, 27 человек) – с. Алнаши (ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 1061, лл. 515 об. – 584 об.).

Другие деревни, упомянутые в переписи 1716 г., были позднее заброшены или известны в наше время под иным названием.

Яркая традиционная культура удмуртов алнашско-киясовской подгруппы, населяющих юго-восточную окраину удмуртского ареала, проявилась как в сложном переплетении явлений духовной культуры, религиозных языческих верованиях, хорошо сохранившихся до начала XX в., так и в самобытных явлениях народного искусства, в первую очередь, – в традиционном узорном ткачестве, а также в предметах одежды и украшениях из серебряных монет.

Говоры алнашско-киясовской подгруппы (алнашский и кырык-масский (Диалектологический атлас, Вып. I, с. 39)) языковеды относят к южному наречию. Они отличаются от говоров соседних среднеижских левобережных удмуртов, относимых диалектологами к так называемым срединным говорам, и от говоров можгинско-малопургинских удмуртов, относимых как к срединным говорам, так и к южному наречию удмуртского языка. Говоры алнашско-киясовских удмуртов отличаются также и от говоров западных соседей – граховско-южнокизнерских удмуртов, речь которых сближается с завятскими говорами. Данные диалектологии в целом подтверждают существование этнографической подгруппы алнашско-киясовских удмуртов, выявленной на этнографическом материале.

Глава 2.3. Граховско-южнокизнерская подгруппа

Удмурты граховско-южнокизнерской подгруппы населяют деревни Граховского района, южной половины Кизнерского района (от южных границ этого района до р. Люги – левого притока р. Вятки), а также несколько населённых пунктов в верховьях р. Умяк, на южной окраине Можгинского района (д. Малый Кармыж, д. Ерошкино, с. Нынек) и деревню Енабердино сопредельного с Граховским Менделеевского района Татарстана.

Исследования, позволившие обнаружить эту подгруппу, были проведены в деревнях **Кизнерского района**: Удмуртский Сарамак, Нижняя Чабья, Синяр Бодья, Старая Бодья, Гучин Бодья, Саркуз, Новый Трык, Старый Кармыж, Поляково, Макан Пельга, Арвась Пельга, Новый Мултан, Короленко (Старый Мултан), Асинер, Айшур, Верхняя Тыжма, а также в с. Кизнер; в деревнях **Граховского района**: Лолошур-Возжи, Порым, Верхняя Игра, Старая Игра, Мишкино, Нижние Юраши, Старые Ятчи, Поршур, Яги-Какси, Нижние Адам-Учи, Байтуганово; в деревнях **Можгинского района**: Малый Кармыж, Ерошкино и в с. Нынек; в **Менделеевском районе Татарстана**: в д. Енабердино (Косарева, 2015д, с. 22-25).

На востоке и северо-востоке соседями граховско-южнокизнерских удмуртов являются удмурты алнашско-киясовской подгруппы, на севере – удмурты севернокизнерской подгруппы, на юге граница ареала подгруппы совпадает с границей этнической территории удмуртов, на западе граховско-южнокизнерские удмурты соседствуют с кукморской подгруппой завятских удмуртов, отделённой от собственно-южных удмуртов р. Вяткой (Карта 11).

Как я уже писала выше, на территорию граховско-южнокизнерской подгруппы из земель алнашско-киясовских удмуртов, в направлении с востока на запад распространился культ *Булды*. Святилища *Булды*

выявлены в **Граховском районе**: около д. Яги-Какси, около д. Старые Ятчи, около д. Нижние Юраши (последнее святилище является действующим); в **Кизнерском районе**: около д. Удмуртский Сарамак, около д. Поляково, около д. Арвазь-Пельга. Кроме того, священник Н.Блинов в своей работе 1898 г. «Языческий культ вотяков» (Блинов, 1898:42-47) упоминает святилище *Булды* у д. Вожи Староятчинской волости. Скорее всего, это та деревня, которая в наши дни носит название Лолошур-Возжи. По-видимому, в данном случае автор подразумевал известное нам упомянутое выше действующее святилище около д. Нижние Юраши, равноудалённое как от Нижних Юрашей, так и от д. Лолошур-Возжи. Он упоминает также святилища около д. Айшур Васильевской волости, около деревень Аргабаш и Бемыж.

Заселяя территорию Граховского и Кизнерского районов, осваивая земли в бассейне р. Умяк, носители культа *Булды* создавали новые святилища. Левый берег р. Умяк пригоден для земледелия только в нижнем течении и вдоль левого притока – р. Адамки. Эти земли и были освоены переселенцами. Здесь и появились новые святилища у д. Яги-Какси и д. Нижние Юраши.

В расстоянии пешего перехода от юрашинского святилища, посещаемого в прошлом жителями многих окрестных деревень (Лолошур-Возжи, Нижние Юраши, Горные Юраши, Мамаево, Сарайкино, Батырево, Паново; две последние деревни в наше время не существуют), были основаны сёла Козьмодемьянское и Мещеряково. В них были возведены православные храмы и созданы приходы. Село Козьмодемьянское прекратило своё существование в 1970-е годы. Сохранившийся там деревянный храм во имя святых врачей Космы и Дамиана, выдержанный в традициях русского деревянного зодчества, возведённый в 1856 г., летом 2007 года сгорел дотла. Село Мещеряково в данное время полузаброшенное. Храм этого села нуждается в реставрации. Однако, юрашинское святилище *Булды* оставалось действующим на протяжении всего XX в. и функционирует до сих пор (Рис. 192).

Правый берег р. Умяк освоен удмуртами граховско-южнокизнерской подгруппы от нижнего течения до истоков. В низовьях реки было расположено святилище у д. Старые Ятчи. Выше по течению существовало упомянутое Н. Блиновым святилище у д. Бемыж на р. Бемыжке,

притоке р. Умяк (Блинов, 1898, с. 42-47). Ещё выше по течению, на высоком мысу у впадения в р. Умяк её правого притока р. Ишек расположено святилище, посещаемое в недавнем прошлом жителями трёх деревень, Поляково, Макан-Пельга, Старый Кармыж. В этом заброшенном ныне святилище сохранились две огромных священных сосны. Их кроны возвышаются над окружающим лесом и хорошо видны издалека (Рис. 193-195). Выше по течению р. Ишек, в двух километрах от д. Арвазь-Пельга, находится заброшенное святилище. В нём уцелела огромная старая священная липа. Она имела три ствола на одном основании. Один ствол засох и обломился, два других летом 2010 года были ещё живы (Рис. 196). Ещё выше по течению р. Ишек находилось упомянутое Н. Блиновым святилище у д. Айшур (Блинов, 1898, с. 42-47). Мои информаторы о нём уже не вспомнили.

У истоков р. Лубянки, левого притока р. Вятки, существует д. Старый Аргабаш, неподалёку от которой, по свидетельству Н. Блинова, располагалось ещё одно святилище Булды. Южнее в бассейне р. Лубянки располагалось святилище Булды около д. Удмуртский Сармак (Рис. 197). Это самое западное святилище, расположенное неподалёку от р. Вятки (Карта 10).

На территорию граховско-южнокизнерской подгруппы, помимо мигрантов из восточных территорий, носителей культа Булды, мигрировали и участвовали в её формировании и переселенцы с правого берега р. Вятки, представители кукморских и шошминских удмуртов. Последней крупной миграцией было переселение в 1930 году в надежде спастись от раскулачивания целого ряда семей из д. Ошторма Юмья Кукморского района Татарстана. Они основали на территории Кизнерского района, в верховьях р. Люги на границе ареалов граховско-южнокизнерской и севернокизнерской подгрупп деревню Сюлонер Юмья.

Были в прошлом и не такие многолюдные миграции, их поток, видимо не прекращался. Выходцы с правого берега р. Вятки активно участвовали в формировании рассматриваемой южноудмуртской подгруппы. М. Г. Атаманов выявил здесь присутствие населения, связанного с семью воршудными группами, расселёнными на правом берегу р. Вятки. Этот исследователь отметил и быструю ассимиляцию переселенцев. Их потомки через одно-два поколения полностью сливались

с местным левобережным населением. (Атаманов, 2005, с. 77,79) Нестрашно в школьных и сельских музеях здесь можно встретить вещи, традиционные для костюмных комплексов завятских удмуртов, а на народных праздниках можно видеть женщин в традиционных костюмах кукморских и шошминских удмуртов с соответствующими наборами украшений из нашитых на ткань серебряных монет (Рис. 198). Эти наборы украшений включают нагрудник *чыртыкыч* (*чырты* 'шея', *кыч* 'петля', *чыртыкыч* 'шейная петля') и перевязь *камали*. Происхождение данного термина языковеды связывают с болгарским словом со значением 'серебро' (ср. чувашское *кёмёл* 'серебро').

Очень показателен тот факт, что комплексы нагрудных украшений граховско-южнокизнерских удмуртов конструктивно близки вещам алнашско-киясовской подгруппы (нагрудному украшению *укё тирлык* и перевязи *бутьмар*). Они также включают широкую перевязь *бутьмар* и массивное нагрудное украшение, закруглённое снизу, покрывающее грудь и верхнюю часть живота (Рис. 199-203). Название этого главного, основного в наборе украшений предмета заимствовано у переселенцев с правого берега р. Вятки. Его обозначают завятским термином *чыртыкыч*. Таким образом, один предмет из набора украшений граховско-южнокизнерских удмуртов повторяет название, характерное для завятских удмуртов (*чытрыкыч*), а другое украшение – перевязь – обозначено термином, свойственным алнашско-киясовской подгруппе (*бутьмар*). В данном случае терминология очень показательно отражает процесс формирования подгруппы из двух потоков мигрантов.

На севере своего ареала граховско-южнокизнерские удмурты граничат с севернокизнерскими, для которых было характерно нагрудное украшение *зузёт*. Интересно, что в расположенной на границе двух ареалов д. Старая Бодья информаторы при мне долго спорили, решая вопрос, о том, что характерно для их деревни – *зузёт* или *чыртыкыч* в комплекте с *бутьмар*. В итоге они так и не пришли к единому мнению. В этой большой многолюдной старинной деревне проживают совместно представители обеих подгрупп.

Северная граница ареала граховско-южнокизнерских удмуртов проходит по левому притоку р. Вятки – реке Люге, текущей с северо-востока на юго-запад. Деревни граховско-южнокизнерских удмуртов

расположены на левом берегу р. Люгн, а севернокизнерских – на правом. Исключение составляют деревни граховско-южнокизнерских удмуртов Синяр Бодья и Новый Трык, расположенные на правом берегу р. Люги, в непосредственной близости от этой реки. За ними, севернее расположены деревни со смешанным населением (Старая Бодья, Гучин Бодья и с. Кибья). Для пограничных территорий характерны смешанные браки. Но севернее начинается ареал севернокизнерских удмуртов, о которых речь впереди.

Традиционным рубахам *дэрем* граховско-южнокизнерских удмуртов, сохранившимся до нашего времени, свойственен модернизированный покрой: они имеют широкую оборку, пришитую на уровне бёдер, скроенную по косой линии, декоративно выделенную нашивками из яркой тесьмы; швы на плечах, кокетки на груди и спине. При этом они сохраняют небольшие квадратные ластовицы у основания рукава. Этот модернизированный покрой близок крою рубах алнашско-киясовской подгруппы (Рис. 163). Наиболее ранние из сохранившихся изделий изготовлены целиком из клетчатой ткани домашнего производства. Поздние вещи целиком сшиты из фабричных тканей.

Штаны граховско-южнокизнерской подгруппы, как и у алнашско-киясовских удмуртов, имели заимствованный от татар покрой с широким шагом, характерный для кочевых народов, наиболее удобный при верховой езде (Рис. 164-168).

Народному искусству граховско-южнокизнерских удмуртов присущи некоторые специфические явления. Узорные концы их головных полотенец более массивны, чем у других групп. Для концов, вытканых в браной технике, заполненных строгим красно-белым узором, состоящим из изломанных линий вертикальной направленности, характерны разноцветные вставки, выполненные в выборной технике. Во многих выявленных вещах эти вставки повторяют очертания орнаментальных фигур *зарни пужы* `золотой узор`, характерных для вышивки косинских удмуртов. Они воспроизводят профильный абрис бегущего соболя или куницы (Рис. 204, 205). Сложно установить, когда и где был заимствован этот мотив.

В ковроделии граховско-южнокизнерских удмуртов распространены композиции узоров, построенные из раппортно повторяющихся

очень крупных разноцветных восьми-лучевых розеток на тёмном фоне, без других дополнительных деталей. Вещи с таким художественным решением характерны исключительно для данной подгруппы (Рис. 206, 207).

Прялки граховско-южнокизнерских удмуртов имеют более широкое донце, чем это обычно характерно для удмуртских прялок, и более сочную резьбу. В то время как орнаментации удмуртских прялок вообще свойственна комбинация гладких и покрытых мелкими параллельными нарезками, словно заштрихованных параллельными линиями, участков с небольшими вкраплениями выемчатой резьбы, прялки граховско-южнокизнерских удмуртов включают большие участки, орнаментированные глубокой трёхгранно-выемчатой резьбой (Рис. 208, 209).

Из явлений материальной культуры граховско-южнокизнерских удмуртов обращает на себя внимание, получившее широкое распространение эффектное использование залежей местного белого камня для вымостки дворов (Рис. 210).

По данным новых полевых диалектологических исследований на территории подгруппы распространены граховский и кизнерско-можгинский говоры южноудмуртского наречия. Рубеж между алнашским и граховским говорами соответствует рубежу между алнашско-киясовской и граховско-южнокизнерской подгруппами; межа, разграничивающая кизнерско-можгинские и срединные говоры, проходит примерно там же, где и граница между граховско-южнокизнерской и севернокизнерской подгруппами. (Диалектологический атлас, Вып. I, 2009, с. 39-41). В то же время, ареал кизнерско-можгинского говора несколько шире ареала граховско-южнокизнерской подгруппы. К нему относится юго-западная часть Можгинского района (опорные пункты диалектологов: Малая Копка, Большие Сибы, Старые Какси). Большие Сибы и Старые Какси принадлежат к территории алнашско-киясовской подгруппы, а Малая Копка – к землям можгинско-малопургинской подгруппы собственно-южных удмуртов. Граховский и кизнерско-можгинский говоры южноудмуртского наречия отличают лексические заимствования из завятских говоров (личное сообщение Р. Ш. Насибуллина и С. А. Максимова). Диалектологические материалы, таким образом, в основном согласуются с выводами, базирующимися на этнографических данных.

По материалам переписи 1716 г. земли граховско-южнокизнерских удмуртов относились к Сотне Андрея Байтемирова, а две деревни входили в сотню Тохтарки Иванова. Граница между сотнями проходила как раз по р. Люге. Сопоставить с современными населёнными пунктами в сотне Андрея Байтемирова можно следующие деревни:

Верхний Юграш (2 двора, 12 человек) – д. Горные Юраши Граховского района;

Нижний Юграш (3 двора, 17 человек) – д. Нижние Юраши Граховского района;

Старая Игра (10 дворов, 42 человека) – д. Старая Игра Граховского района;

Сарамак Пельги (12 дворов, 48 человек) – д. Удмуртский Сарамак Кизнерского района;

Макан Пельги (14 дворов, 88 человек) – д. Макан-Пельга Кизнерского района;

Старой Ятчи (6 дворов, 28 человек) – д. Старые Ятчи Граховского района;

Карамыш Пелги (11 дворов, 44 человека) – д. Старый Кармыж Кизнерского района;

Варваж Малыя Пельги (4 двора, 19 человек) – д. Арвазь-Пельга Кизнерского района;

Малой Пельги, а Карамыш-Пельги (8 дворов, 30 человек) – д. Малый Кармыж Можгинского района;

деревня по речке Бемыж-Пельге (2 двора, 12 человек) – с. Бемыж Кизнерского района;

Адам-Учи (4 двора, 16 человек) – д. Нижние Адам-Учи или Русские Адам-Учи или Средние Адам-Учи (последняя деревня исчезла с лица земли, но она существовала ещё в 1970-е гг.) Граховского района. (ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 1061, лл. 518об., 520, 524 об., 530, 532, 536, 552 об., 558 об. 561 об., 568, 570 об., 599 об.).

В сотне Тохтарки Иванова :

Малый Трык (11 дворов, 46 человек) – д. Новый Трык Кизнерского района;

Трык Омга (11 дворов 52 человека) – д. Старый Трык Кизнерского района. (ЦГАДА, ф. 350, оп.3, д. 1061, лл. 615 об., 619.).

Итак, граховско-южнокизнерская подгруппа существует на ограниченной территории в юго-западной части удмуртского ареала. Она сформирована двумя встречными потоками переселенцев: с востока – носителями культа *Булды*, близкими по культуре алнашско-киясовским удмуртам, и выходцами с запада, с правого берега р. Вятки. Ярким своеобразным явлением духовной культуры этой подгруппы является культ *Булды*, святилища которого создавались по всей территории расселения граховско-южнокизнерской подгруппы. Подгруппа обладает своими особенностями традиционного костюма и женских украшений. Для неё характерна особая специфика предметов народного искусства, декоративного оформления головных полотенец, ковров и прялок. Диалектологи выявили здесь присущие местному населению граховский и кизнерско-можгинский говоры южноудмуртского наречия.

Глава 2.4. Севернокизнерская подгруппа

Севернокизнерские удмурты населяют северную половину Кизнерского района, удмуртские деревни сопредельных Вятско-Полянского и Малмыжского (левобережную часть последнего) районов Кировской области и деревни на юге соседнего Вавожского района Удмуртии. Исследования, позволяющие выявить эту подгруппу собственно южных удмуртов, были проведены автором в деревнях **Кизнерского района**: Старая Бодья, Гучин-Бодья, Верхняя Кусо-Какся, Безменшур, Бертло, Вичурка, Муркозь-Омга, а также в с. Кибья; в деревнях **Вавожского района**: Иваново-Вознесенское, Старое Жуё, Новотроицкий, Косая Можга, и в с. Тыловыл-Пельга; в деревнях **Малмыжского района Кировской области**: Каксинвай и Большая Шабанка; в д. Дым-Дым Омга **Вятско-Полянского района Кировской области**.

Деревни этой подгруппы сосредоточены на мелких левых притоках р. Вятки, речках Пыжманка, Казанка и Шабанка, а также в верховьях левых притоков р. Валы, речках Кылт и Седмурча. Специфической особенностью расселения этой подгруппы является разорванность её ареала, разбросанность, удалённость и некоторая изолированность друг от друга лесами и болотами входящих в неё групп деревень. Рассказы информаторов полны сведениями об общении в прошлом жителей разных деревень в зимнее время, о взаимных посещениях благодаря протяжённым лыжным переходам.

Леса, окружавшие деревни, в некоторых местах были настолько густыми, что полностью изолировали населённые пункты. Так Валентин Юрьевич Дубовцев 1949 г.р., уроженец д. Верхняя Кусо-Какся, сообщил, что жители его деревни и он сам не представляли, что посёлок Южно-Какможский Какможского леспромхоза, расположенный на территории соседнего Вавожского района, находится всего в 6 км от их деревни. Они уяснили это только после того, как в лесу была прорублена просека. По свидетельству этого же информатора, изоляции способствовали и боло-

та, тянувшиеся почти до р. Лыштанки, притока р. Кылт (левый приток р. Валы).

Интересно, что д. Муркозь-Омга (её неофициальное название – Можга Т(ы)ло образовано от слов *тыло* ‘выжженный участок леса, расчищенный для земледелия’) основана выходцами из д. Кусо Можга (ныне – Косая Можга Вавожского района). Жителей этих деревень связывали родственные, брачные и тёплые дружеские отношения. Посещали они друг друга, как правило, зимой, совершая лыжные переходы, поскольку деревни отдалены друг от друга лесным массивом и протяжёнными болотами, из которых берут начало р. Казанка, текущая с северо-востока на юго-запад и впадающая в р. Вятку, и р. Седмурча, текущая с юго-запада на северо-восток и впадающая в р. Валу.

Южными соседями севернокизнерских удмуртов являются, как мы уже знаем, удмурты граховско-южнокизнерской подгруппы. На западе ареал севернокизнерских удмуртов ограничен р. Вяткой, на противоположном правом берегу которой, на притоках впадающей в Вятку справа р. Шошмы, в правобережных землях Малмыжского района Кировской области, в Балтасинском районе Татарстана и в Мари-Турекском районе республики Марий Эл проживают шошминские удмурты – одна из двух этнографических подгрупп завятских удмуртов. На севере соседями севернокизнерских удмуртов являются удмурты водзимоньинской подгруппы, на востоке – можгинско-малопургинской подгруппы собственно-южных удмуртов. От этих своих соседей севернокизнерская подгруппа также изолирована значительными лесными массивами, способствовавшими её формированию и сохранению во времени. Приближены к соседям (водзимоньинской подгруппе) только д. Косая Можга и её прекративший существование выселок Вильгурт (Вавожский район). Деревни севернокизнерских удмуртов, расположенные на притоках р. Кылт, (р. Кылт – левый приток р. Валы): Старое Жуё, Новотроицкий, Иваново-Вознесенск, с. Тыловыл-Пельга (Вавожский район) вплотную приближены к ареалу можгинско-малопургинских удмуртов (Карта 12).

На стыке ареалов граховско-южнокизнерской и севернокизнерской подгрупп, как мы уже знаем, существуют деревни со смешанным населением: Старая Бодья, Гучин Бодья и с. Кибья. Подобное смешение

населения и традиций характерно и для севернокизнерских деревень Вавожского района, приближенных к водзимоньинской и можгинско-малопургинской подгруппам.

Среди воршудных групп севернокизнерских удмуртов весомое место занимает Омга (12 деревень) (Атаманов, 1982, с. 107). Это воршудное имя присутствует в официальных и неофициальных (ниже даны в скобках) названиях многих деревень данной подгруппы: Старая Омга, Муркозь-Омга, Бертло (Шумесь-Омга), Ямайкино (Верхняя Дедшур-Омга), Чуштаськем (Средняя Дедшур-Омга), Виноградово (Сьод Ошмес-Омга, Пуныгурт), Казань-Омга (Чуқырча), Дым-Дым Омга. Наряду с Омгой в формировании населения севернокизнерской подгруппы участвовали воршудные группы Какся (деревни, сохранившие это воршудное имя – Каксинвай, Каксинша, Верхняя Кусо-Какся, Нижняя Кусо-Какся), Можга (это воршудное имя сохранилось в названии деревни Косая Можга и в неофициальном названии деревни Муркозь-Омга – Можга Т(ы)ло).

Перечислим деревни, составляющие севернокизнерскую подгруппу. В **Кизнерском районе**: Вичурка, Бертло, Безменшур, Чуштаськем, Ямайкино, Старая Омга, Муркозь-Омга, Верхний Муркозь, Верхняя Кусо-Какся, Нижняя Кусо-Какся (последняя в наше время не существует), Старая Бодья, Гучин-Бодья и с. Кибья. В **Вавожском районе**: Косая Можга, Иваново-Вознесенское, Старое Жуё, Новотроицкий и с. Тыловыл-Пельга. В **Вятско-Полянском районе Кировской области**: Дым-Дым Омга, Виноградово, Казань-Омга. В **Малмыжском районе Кировской области**: Большая Шабанка, Каксинвай, Каксинша, Курлово. Все эти деревни скреплены брачными связями внутри ареала подгруппы.

Севернокизнерские и граховско-южнокизнерские удмурты, оказавшись объединёнными в пределах одной административной единицы – Кизнерского района, стали больше общаться между собой. Они обоюдно отмечают языковые и культурные различия между ними.

Для традиционной женской одежды начала XX в. севернокизнерской подгруппы характерны рубахи модернизированного покроя, отрезные по талии, с кокетками на груди и спине, манжетами на рукавах. Чаще всего их шили из двух видов ткани: отрезную нижнюю часть – из плотной полосатой или клетчатой домотканины, верхнюю часть – из сатина или ситца. Такую рубаху называли *жыныё дэрем* ‘половинчатая рубаха’

(Рис. 211). Снизу, под неё в прошлом надевали ещё нижнюю рубаху *ул дэрэм* (*ул* 'низ, нижний'), сшитую из белого холста. Точно установить покрой рубахи *ул дэрэм* не удалось, но, судя по словесным описаниям, его основой была центральная холстина, покрывающая перед и спину, перегнутая над плечами. С боков к ней пришивали прямые или расширяющиеся книзу боковые холстины.

Из белого холста шили и *шортдэрэм*. Он был распашной, сзади отрезной по талии. Распашными были также *зыбын* и *дукес*. Их шили из шерстяной ткани. *Дукес* утепляли подкладом из льняной кудели. Покрой этих предметов – модернизированный. Спереди они – цельнокроенные, сзади отрезные по талии, сшитые всборку.

Фартуки севернокизнерские удмурты шили из пестряди, без грудки. Более поздние фартуки из фабричной ткани могли сшить и с грудкой. Их украшали вышитыми орнаментами. Среди изделий узорного ткачества здесь удалось обнаружить только скатерти, выполненные в много-ремизной технике. Но эти сложные в исполнении изделия, появившиеся у удмуртов под русским влиянием, не обладают ярко выраженной этнической спецификой.

Головные полотенца украшали вышитыми или ткаными орнаментами, но обнаружить эти предметы не удалось. Очень показательно, что название головного полотенца северно-кизнерских удмуртов *чалма* или искажённое *чакма* (д. Большая Шабанка) и название налобной повязки *йыркерттон*, *йыркерттэт* от слов *йыр* 'голова', *керттон* 'повязывание', *керттэт* 'повязка' такие же, как и у всех остальных подгрупп собственно-южных удмуртов, с которыми мы уже познакомились. Их женская причёска *чучирет* представляла собой спиралевидно закрученные у висков пучки волос. Форма этой причёски совпадает с причёской других подгрупп собственно-южных удмуртов. Её название лишь фонетически оличается от названия *чужырет*, распространённого у других подгрупп собственно южных удмуртов.

Штаны севернокизнерские удмурты шили из белого холста, а потом красили в тёмно-коричневый цвет, кипятя в отваре коры ольхи, дуба, или вяза или в отваре луковой шелухи. Также их могли шить из полосатой пестряди. Судя по сохранившемуся образцу мужских штанов, для севернокизнерских удмуртов были характерны штаны с узким шагом.

Обнаруженный образец своим покроем близок штанам *ватка* и *калмезов*, о которых было сказано выше.

Многие информаторы вспоминали, что при работе женщины для удобства могли подоткнуть подол рубахи за завязки передника. При этом штаны становились видны. Однако это не было зазорно, так как данный предмет гардероба воспринимали в качестве верхней одежды, а не белья.

Украшение из серебряных монет, традиционное для севернокизнерских удмуртов, это имеющий цельную, закруглённую снизу основу нагрудник *зуъет* (Рис. 212, 213). Языковеды полагают, что слово *зуъет* образовано от основы *зуз-*. От неё же образованы и такие слова, как *зузыр* 'то, что свисает, лохмотья'; *йѳ зузыри* 'свисающий лёд, сосулька'. Название украшения севернокизнерских удмуртов совпадает с названием украшения среднеижских левобережных удмуртов. По всей видимости, у обеих подгрупп собственно-южных удмуртов, проживающих на западной и восточной окраинах ареала этой этнографической группы, термин *зуъет* появился самостоятельно и не указывает на какие-либо непосредственные этнокультурные связи. Перевязи в комплекте украшений севернокизнерской подгруппы не было, что свидетельствует о менее значительном тюркском влиянии, по сравнению с южными, восточными и западными соседями севернокизнерских удмуртов, которые перевязь имели.

Явления материальной культуры севернокизнерских удмуртов не отразили, в отличие от граховско-южнокизнерской подгруппы, заметного влияния традиций завятских удмуртов. Тем интереснее данные музыкального фольклора, сохранившие следы исторических контактов и культурного взаимодействия предков северно-кизнерских и завятских удмуртов.

Музыковед Р. А. Чуракова исследовала музыкальный фольклор удмуртов Кизнерского и Вятско-Полянского районов, начиная с 1970-х гг. В д. Дым-Дым Омга ею была записана песня, исполняемая во второй день праздника Акашка (начала пахоты и сева) в которой были такие строки:

Инмысь но гудыри гудыртїз ке,
Вал йырысь серметэд, ой, жилтыртоз.
Инь шорысь гудыри гудыртїз ке,

Турлы но сяськаед усьтйськоз.
Арча но капкаед усьтйськиз ке,
Кузоно калыкед кисьтйськоз.
Кузоно калыкед кисьтйськиз ке.
Турлы но сяськаед усьтйськоз.
Турлы но сяськаед усьтйськиз ке,
Вал йырысь серметэд, ой, жилтыртоз.

С небес гром как грянет –
На голове коня уздечка, ой, зазвенит.
С небес гром как грянет –
Разные цветы да раскроются.
Арские да ворота как только распахнутся –
Казанский народ выплеснется.
Казанский народ как только выплеснется –
Разные да цветы расцветут.
Разные да цветы как только расцветут –
На голове коня уздечка зазвенит. (Чуракова, 1999, с. 8, 9, 44)

В песне замечательно передана яркая праздничная картина весеннего цветения природы и средневекового города, окружённого крепостными стенами. Для нас в данном случае очень важно упоминание города Арска. Этот город расположен западнее современного ареала кукморских удмуртов. Но в прошлом вблизи него существовали удмуртские деревни. Тот факт, что данная песня сохранилась у севернокизнерских удмуртов, наводит на мысль о возможном участии завятского удмуртского населения в формировании и севернокизнерской подгруппы.

У этой подгруппы языковеды выделяют омгинский говор, который они относят к срединным говорам, в которых, как мы уже знаем, меньше, чем в южном наречии, проявилось тюркское влияние. Граница южного наречия и срединных говоров здесь совпадает с границей между граховско-южнокизнерской и севернокизнерской подгруппами (Максимов, 1999, с. 177; Диалектологический атлас, Вып. I, с. 44).

По данным переписи 1716 г., деревни севернокизнерских удмуртов входили в сотню Тохтарки Иванова. Некоторые деревни сохранились до

нашего времени:

Малая Бодья по речке Пижман (17 дворов, 68 человек) – Старая Бодья Кизнерского района;

Верхняя Омга, а Старая Омга тож (8 дворов, 36 человек) – Старая Омга Кизнерского района;

Дындем-Омга (11 дворов, 48 человек) – Дым-Дым-Омга Вятско-Полянского района Кировской области;

Казань-Омга (2 двора, 9 человек) – Казань-Омга Вятско-Полянского района Кировской области;

Косы Можге (8 дворов, 40 человек) – Косая Можга Вавожского района; (ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 1061, лл. 622, 624 об., 628, 631 об., 634 об., 640 об.).

Многие другие деревни севернокизнерских удмуртов, входившие в сотню Тохтарки Иванова или прекратили своё существование, или известны под другим названием.

Севернокизнерская подгруппа собственно-южных удмуртов имеет свой ареал, свои особенности традиционной культуры и языка. Изнутри её скрепляют брачные и родственные отношения.

Глава 2.5. Водзимоньинская подгруппа

Этнографическая подгруппа водзимоньинских удмуртов проживает на западе Вавожского района, в деревнях, расположенных вокруг с. Водзимонье, по берегам р. Седмурча (левый приток р. Валы) и её притокам. На севере ареал подгруппы ограничивает р. Вала, её несколько заболоченные в данной местности берега и старицы. На западе водзимоньинские удмурты отделены заболоченным лесным массивом и р. Идык (левый приток р. Валы) от марийских и русских деревень Кильмезского района Кировской области и р. Вяткой от земель шошминских удмуртов. На востоке леса отделяли водзимоньинских удмуртов от можгинско-малопургинской подгруппы, а на юге – от севернокизнерской. Исследования, посвящённые этой подгруппе, были проведены в деревнях: Старая Бия, Новая Бия, Зямбайгурт, Монья и в с. Водзимонье.

Деревни, населённые водзимоньинскими удмуртами в наши дни, это: Старая Бия, Новая Бия, Зямбайгурт, Монья, Квачи, Квашур, Новое Водзимонье, Чудзялуд, Валадор, Зетловой, Мокрецово и с. Водзимонье. В последние десятилетия пришли в запустение Нардомас, Сиктан, Нижние Итчи, Верхние Итчи, Ключи. Из названий деревень видно, что в формировании этой подгруппы принимали участие воршудные группы Бия и Монья (Карта 13).

Как удалось выяснить в ходе полевых исследований автора в 1982 г., до появления в конце XIX начале XX вв. одежды из пестряди и фабричной ткани, имеющей модернизированный покрой, водзимоньинские удмурты носили белые холщёвые рубахи с центральным нагрудным разрезом. Декоративное оформление нагрудного разреза водзимоньинских рубах было близко тому, как оформляли свои рубахи бесермяне, субэтнос, происхождение которого связано и с удмуртским, и с тюркским (булгаро-чувашским) компонентами. Сравним оформление бесермянских и водзимоньинских рубах.

В бесермянской женской белой холщёвой рубахе перпендикулярно к нагрудному разрезу нашиты сплетённые из толстых красных льняных нитей рельефные полосы *изма*, в промежутках между которыми вышиты разноцветным шёлком косой стёжкой с чёрным контуром геометризованные изображения дерева *трет*. Иногда можно встретить и другие мотивы, но древовидный – самый распространённый. Очевидно, что такая традиция имеет тюркские корни. Термин *изма* происходит, видимо, из тюркских языков. В частности, башкиры обозначали словом *изу* нашивки из лент, полосок цветной ткани вокруг нагрудного разреза старинных женских рубах (Шитова, 1968, с. 153). У казанских татар *изу* – нагрудное украшение (Валеев, 1984, с. 70). Название вышивки *трет* скорее отражает удм. *тырет* ‘заполнение’, но может также быть производным от чувашского *турат* ‘побег, отросток’, что наглядно соответствует мотиву бесермянской вышивки. Нижняя часть нагрудного разреза бесермянской рубахи имеет мысовидное завершение из полос вышивки, подчёркнутое нашивками из красной фабричной ткани (Рис. 214, 215).

В рубахах водзимоньинских удмуртов место плетёных нашивок *изма* занимают полосы рельефной вышивки, выполненной разноцветными нитями (чередуются полосы разных цветов – красного, зелёного, жёлтого, голубого). Между ними ритмично повторяются простёганные чёрной нитью швом «роспись» фигуры. В ряде образцов они своими очертаниями близки схемам бесермянской вышивки *трет*, выполненной в упрощённом виде (Рис. 216, 217). Иногда они включают участки, выполненные косой стёжкой и шитьём «в прикреп» позументной нитью. Вещи, в которых вышивка выполнена шёлковой нитью, окрашенной природными красителями, декорированы с большим тщанием (Рис. 218, 219). Эти фрагменты – остатки изношенных вещей. Но заготовка такой вышивки, выполненная шерстяными нитями, окрашенными анилиновыми красителями, относящаяся к концу XIX в., а, возможно, и к рубежу веков, осталась невостребованной: в этот период одежда из пестряди, приближенная своим покроем к городскому платью, вытеснила белые холщёвые рубахи с традиционной вышивкой. Нижняя часть нагрудного разреза водзимоньинских рубах имеет мысовидное завершение, не столь декоративно акцентированное, как у бесермян, но ясно читаемое (Рис. 216).

Традиционным для удмуртов старейшим покроем рубах был прямой туникообразный со сдвинутым вправо нагрудным разрезом (Рис. 37). Он сохранился у косинских удмуртов и унинских калмезов. У слободских удмуртов он уцелел в девичьих рубахах благодаря нашивке-оберегу, не позволившей его изменить (Косарева, 2000, с. 67). Кроме того, этот покрой известен у луговых марийцев (он сохранился в Яранском уезде и в части сопредельных территорий Царевококшайского уезда) и считается более ранним по отношению к разрезу, расположенному по центру рубахи, получившему у марийцев широкое распространение благодаря чувашскому культурному влиянию (Молотова, 1992, с. 15, 17, 20, 21). Этот же покрой бытовал у коми, до того, как женская традиционная одежда была вытеснена характерным для северных русских сарафанным комплексом. Он сохранился в мужских рубахах коми (Белицер, 1958, с. 44). Очень существенно, что данный покрой применяли при изготовлении одежды из белого холста, декорированной традиционной вышивкой. Он представляется старейшим покроем, возникшим в очень отдалённые времена и сохранившимся благодаря консерватизму, проявляемому по отношению к нательной одежде.

У русских подобного кроя не было. Вот что пишет о крое русских рубах Г. С. Маслова: “Древняя восточнославянская рубаха имела туникообразный покрой, прямые рукава и прямой разрез ворота. Дошедшие до нас из глубокой древности изображения позволяют считать, что рубаху делали обычно с прямым разрезом, т.е. посередине груди... Ни фрески Киевского Софийского собора, ни миниатюры Кенигсбергской летописи (XV в.), ни изображения одежд в заглавных буквах рукописей XIV-XVI вв. не дают сведений о наличии бокового разреза ворота в древнерусской рубахе... У великорусов долго бытовал старый тип общей для всех восточных славян рубахи с прямым разрезом ворота, без воротника – *голошейки*.”

К этому же типу относятся рубахи XVII в., хранящиеся в Государственном Историческом музее, рубаха Д. И. Пожарского и рубахи, изображённые на гравюрах того времени. Косоворотка, составляющая характерную черту великорусской национальной одежды, распространилась, как считает Д. К. Зеленин, не ранее XV в. Местами ещё в XIX в. косоворотка была лишь праздничной «модной» одеждой, бытовавшей

наряду с рубахой с прямым разрезом. Предположение некоторых авторов о восточном, в частности, татарском происхождении косоворотки не имеет никаких оснований, так как ни для татар, ни для других близких им народов не характерны рубахи с боковым или, как принято говорить, косым разрезом, что отмечает и Н. И. Воробьев, говоря, что косоворотку татары называли «русской рубахой» (Воробьев, 1950, с. 310-313). Рубаха с косым разрезом ворота отмечена у персов и индусов, но разрез помещался не на левой стороне груди, как у русских, а на правой (Tilke, 1923. S. 70). На территории Восточной Европы такой тип рубахи встречается у **мари, удмуртов, коми пермяков** (выделено мною – И. К.); у русских он – редкое явление и если встречается, то преимущественно в областях Урало-Поволжья и частью в Сибири” (Маслова, 1956, с. 578-581).

Приведенная выше цитата из классического этнографического труда свидетельствует, возможно, об очень давнем бытовании у удмуртов прямого туникообразного покроя со сдвинутым вправо нагрудным разрезом и малой вероятности предположения о его появлении в результате русского влияния. Более поздний центральный нагрудный разрез появился у удмуртов и других финно-угорских народов региона, весьма вероятно, под тюркским влиянием.

Совершенно очевидное сходство покроя и декоративного оформления нательной одежды бесермян и водзимоньинских удмуртов имеет под собой историческую основу. Русские письменные документы XIV – начала XVII в., данные диалектологии и топонимики свидетельствуют о том, что бесермяне до переселения на север, в причепецкие районы, проживали по соседству с завятскими удмуртами, в Заказанье, на территории, входящей в состав бывшей Арской дороги (Гришкина, Владыкин, 1982, с. 25-27; Трефилов, 1967, с. 313). Интересно было бы сравнить водзимоньинские и бесермянские рубахи с рубахами завятских удмуртов. Но традиционные рубахи завятских удмуртов, сохранившиеся до нашего времени, претерпели модернизацию, выразившуюся, во-первых, в отказе от белого холста и связанной с ним вышивки и в переходе к использованию пестряди с красным фоном; во-вторых, в изменении покроя в сторону приближения к городской одежде. В целом же костюм завятских удмуртов, как кукморских, так и шошминских, отразил сильное тюркское влияние (Косарева, 2000, с. 156).

Наряду с материалом о традиционных рубахах, значительный интерес для нашего исследования представляют данные о традиционных женских головных уборах. Для завятских и собственно-южных удмуртов было характерно большое сходство многосоставных женских головных уборов. Комплект предметов, надеваемых на голову, включал маленькую косынку, головное полотенце с декоративными концами-назадниками, *айшон* (у собственно-южных) и *ашъян* (у завятских) с берестяным каркасом и квадратным холщёвым покрывалом. При этом в такой комплект у собственно южных удмуртов входила ещё налобная повязка, а у завятских удмуртов этой вещи не было. У водзимоньинских, как у всех собственно-южных удмуртов, налобная повязка была, и её называли *йыришетдур* (от *йыр* 'голова', *кышет* 'платок', *дур* 'край', 'кромка') 'край головного платка'. Это название отличалось от распространённого у собственно-южных удмуртов названия *йыркерттэт* или *йыркерттон* (от удмуртских слов *йыр* 'голова', *керттэт*, *керттон* 'повязка', 'то, чем повязывают').

Собственно-южные удмурты обозначали женское головное полотенце заимствованным от тюрков словом *чалма*. В то же время завятские удмурты сохранили для обозначения головного полотенца исконное удмуртское название (диал.) *дьыркышет*. Молодуха завятских удмуртов надевала под этот головной убор ещё небольшой платочек. Водзимоньинские удмурты уже не помнят, как у них называлось женское головное полотенце. Однако название налобной повязки *йыришетдур* < **йыркышетдур* 'край, кромка *йыркышета*' указывает на то, что забытое название женского головного полотенца водзимоньинских удмуртов – *йыркышет* идентично сохранным завятскими удмуртами.

Термин, обозначающий налобную повязку, указывает, наряду с другими материалами по одежде и данными диалектологии, на историческую связь этой небольшой группы с завятскими удмуртами, скорее всего, с их шошминской подгруппой, проживающей выше по течению р. Вятки, ближе, чем кукморская подгруппа, к ареалу водзимоньинских удмуртов.

Интересной особенностью одежды водзимоньинских удмуртов является использование в праздничной женской одежде пестряди с узором *кеж пужы* 'хрустящий узор'. При создании такой ткани нити осно-

вы при покраске завязывали в узлы, и в узлах нити не прокрашивались. При переплетении с нитями утка непрокрашенные участки нитей основы образовывали цветные пятна с неровными, словно бы рваными, очертаниями. Подобный способ декорирования ткани особенно характерен для народов Средней Азии. Он хорошо известен собственно-южным и закамским удмуртам, и, по всей видимости, с давних пор. Несомненно, что он появился у них благодаря контактам с тюрками (Белицер, 1951, с. 109).

Очень существенно, что диалектологи выделяют особый, относящийся к срединным, водзимоньинский говор (Диалектологический атлас Вып. I 2009, с. 44). По данным С. А. Максимова (личное сообщение), для удмуртов, проживающих в деревнях вокруг с. Водзимонье, характерен ряд специфических языковых особенностей, отличающих их речь от речи соседей. Это отсутствие «избыточных» аффрикат, иное распределение аффрикат в слове; иной, чем в других срединных говорах, показатель возвратного глагола; наличие в лексике тюркизмов, фонетические особенности которых характерны для завятских удмуртов. Особенности говора населения, проживающего в бассейне р. Седмурча, вокруг с. Водзимонье, убеждают диалектологов в том, что в его формировании приняли участие не только собственно южные, но и завятские (скорее всего шошминские) удмурты, испытавшие интенсивное тюркское воздействие.

Этнографические материалы, такие, как особенности покроя и декоративного оформления женских рубах, название налобной повязки, распространение приёма, создающего на ткани рисунок *кеж пужсы*, – всё это свидетельствует об участии в формировании водзимоньинского населения как собственно-южных, так и завятских удмуртов, и о тюркском культурном влиянии. Эти данные материальной культуры согласуются с материалами диалектологии.

Для населения деревень, расположенных вокруг с. Водзимонье, был характерен особый специфический комплекс нагрудных украшений из нашитых на ткань монет. Это небольшое, располагаемое около шеи украшение *чыртыул* (*чырты* ‘шея’, *ул* ‘низ’), и большое, нашитое на единую основу, располагаемое ниже, – *сюмсазь* (*сюмыс* ‘сыромятная кожа’, *азь* ‘перед’) (Рис. 220). Обнаружить подлинные предметы в ходе

полевых исследований не удалось. К счастью, ещё были живы информаторы, помнившие названия предметов и давшие их словесное описание.

Интересно и удивительно, что перевязи в наборе украшений данной подгруппы не было. Водзимоньинские удмурты не заимствовали ни *камали* – перевязь шошминских и кукморских удмуртов, ни *бутьмар* – перевязь, характерную для многих подгрупп собственно южных удмуртов. То есть ни болгарское влияние, давшее шошминским и кукморским удмуртам перевязь *камали*, ни влияние казанских татар, передавшее удмуртам перевязь *бутьмар*, не отразилось на традициях водзимоньинских удмуртов. Объяснить это можно удалённостью их ареала от мест бывшего контактирования удмуртов с булгарами и казанскими татарами.

Спецификой узорного ткачества водзимоньинских удмуртов было использование при создании ковров выборной техники со свободно провисающими нитями цветного, формирующего орнамент утка (Рис. 221). В то же время для ковроделия собственно-южных удмуртов более свойственно применение переборной техники, при которой из нитей основы выделен дополнительный зев, формирующий мелкие рубчики на поверхности ткани, прижимающие узорные нити утка и не дающие им провисать.

Брачные связи водзимоньинских удмуртов ограничивались ареалом этой небольшой подгруппы. На южной границе их ареала располагались деревни севернокизнерских удмуртов: д. Косая Можга и её выселок Вильгурт. С жителями этих населённых пунктов в обозримом прошлом водзимоньинские удмурты также поддерживали брачные отношения, но с более отдалёнными деревнями севернокизнерских удмуртов брачных отношений не было.

В переписи 1716 года можно опознать только четыре деревни, имеющих отношение к водзимоньинской подгруппе. Все они входили в сотню Бегашки Ямеева, включившую также и часть деревень *калмезов*:

Водзи Монья (18 дворов, 73 человека) – с. Водзимонье Вавожского района;

Деревня по речке Седмурчи (13 дворов, 53 человека) – неясна судьба этой деревни, сохранилась ли она под каким-то названием или была оставлена жителями, понятно только одно, что её жители – представители водзимоньинской подгруппы;

Седмурчи-Монья (19 дворов, 84 человек) – д. Монья (жители называют её Старой Моньей) Вавожского района;

Седмурчи-Бия (9 дворов, 26 человек) – Старая Бия Вавожского района.

Интересно, что расположенная поблизости д. Косая Можга (Косы Можга), деревня севернокизнерских удмуртов, входила в другую административную единицу – сотню Тохтарки Иванова.

Особенности традиционной культуры, рассмотренные выше, позволяют на данном новом этнографическом материале выделить подгруппу водзимоньинских удмуртов. Эти этнографические данные подтверждаются и материалами новейших диалектологических исследований, обнаруживших заметную языковую специфику населения деревень, расположенных вокруг с. Водзимонье.

Глава 2.6. Можгинско-малопургинская подгруппа

Ареал этой подгруппы охватывает значительную площадь. Он включает восточную часть Вавожского, северную половину Можгинского, основную часть Увинского района и расположенные на правом берегу р. Иж земли Малопургинского и Завьяловского районов. Земли этой подгруппы расположены в центре ареала собственно-южных удмуртов. На западе их ограничивают притоки р. Валы – р. Кылт и р. Ува (р. Кылт впадает в р. Валу слева, р. Ува – справа). Река Кылт и простирающийся за ней лесной массив отгораживает земли можгинско-малопургинских удмуртов от территории расселения водзимоньинских и севернокизнерских удмуртов. Река Ува отделяет земли можгинско-малопургинской подгруппы от земель *калмезов*. На востоке ареал этой подгруппы ограничен правым берегом р. Иж в её среднем течении. Восточными соседями можгинско-малопургинских удмуртов являются среднеижские левобережные удмурты. На севере обширный лесной массив отгораживает ареал можгинско-малопургинских удмуртов от ареала калмезов и верхнеижско-шарканских удмуртов. На юге ареал можгинско-малопургинских удмуртов вплотную приближен к ареалу алнашско-киясовской подгруппы (Карта 14).

Можгинско-малопургинская подгруппа проживает компактно, однако её ареал состоит из нескольких крупных освоенных земледельцами массивов, окружённых лесами, и из отдельных деревень, возникших среди лесов. Один такой крупный массив охватывает земли на левом берегу р. Валы на востоке Вавожского и севере Можгинского районов. Он включает сёла Волипельга и Большая Уча. К этому массиву примыкают расположенные на правом берегу р. Валы и вдоль её правого притока р. Нылги деревни Вавожского и Увинского районов.

Разрезан административной границей между Завьяловским и Малопургинским районами массив, на территории которого расположено

село Норья. Непосредственно к правому берегу р. Иж примыкают два крупных массива: один включает сёла Ильинское и Малая Пурга, другой примыкает к Ижевску с юго-запада. На северо-западе Завьяловского района находится небольшой массив вокруг села Люк. Таким образом, ареал включает несколько массивов: 1) большеучинский; 2) норьинский; 3) малопургинский; 4) ижевский и 5) люкский (Карта 14). Проживающее на этих территориях население очень многообразно по воршудному составу. (Атаманов, 2005, с. 84-85; 170-180).

Исследования, позволившие выделить данную группу, были проведены в **Вавожском районе** в деревнях: Ожги, Новые Какси, Большое Волково, Чешошур-Докья, Гурезь-Пудга, Пужмоил, Васькино, Малый Зягруд, Каменный Ключ и в с. Волипельга. В **Можгинском районе** в деревнях: Камышлы, Сундо-Уча, Пазял-Зумья, Пазял, Чужьем, Большая Пудга, Малая Пудга, Малая Копка, Малая Воложикья, Чешошур-Уча, Атабаево, Верхние Юри, Каменный Ключ, Акашшур, Бальзяшур, Новая Бия, Петухово, Мельниково, Чурашур и в с. Большая Уча. В **Увинском районе** в деревнях: Нова Вамья, Сухая Видзя, Пунем, Большой Жужгес, Малый Жужгес, Красное, Рябиновка (Штанигурт), Динтем-Вамья, Киби-Жикья, Мульшур, Кочур, Новый Кыйлуд и в с. Кыйлуд. В **Малопургинском районе** в деревнях: Баграш-Бигра, Абдэс-Урдэс, Бобья-Уча, Бажаново, Кечур, Капустино, Кулаево, Гожня, Алганча-Игра, Нижние Юри, Средние Юри, Новая Монья, Старая Монья, Быстрово и в с. Ильинское. В **Завьяловском районе** в деревнях: Новый Сентег, Старый Сентег, Шабердино, Майский, Подшивалово, Верхний Жанвай, Большая Венья, Средний Постол и в с. Люк.

Как мы уже знаем, на юго-востоке ареала можгинско-малопургинских удмуртов сохранились деревни, в которых сосуществовали социально-культурные группы *луд выжсы* и *быдзым куала выжсы*, о которых было сказано в разделе, посвящённом алнашко-киясовской подгруппе. Перечислим деревни можгинско-малопургинской подгруппы, в которых также наблюдалось сосуществование этих социально-культурных групп: Верхние Юри, Каменный Ключ, Акашшур, Бальзяшур, Новая Бия **Можгинского района**; Баграш-Бигра, Гожня, Алганча-Игра, Средние Юри, Нижние Юри, Новая Монья, Старая Монья, Абдэс-Урдэс, Бобья-Уча, Быстрово, Итешево, и в с. Ильинское **Малопургинского района**. На

южной окраине Малопургинского района, близко к ареалу алнашско-киясовской подгруппы, населённой приверженцами культа *Булды*, около д. Средние Юри находилось святилище *Булды*.

Внутри ареала можгинско-малопургинских удмуртов действовали брачные связи. Пожилые информаторы вспоминали о запрете браков с деревнями, относящимися к соседней алнашско-киясовской подгруппе, ареал которой расположен южнее (об этом уже говорилось в разделе, посвящённом алнашско-киясовской подгруппе). Так Илья Леонтьевич Петров 1928 г. р. из д. Средние Юри Малопургинского района сообщил, что в прошлом старики не разрешали заключать браки с расположенными неподалёку, за с. Большая Кибья Можгинского района, деревнями Пойкино, Оркино, Нижний Сырьез и др. (они относятся к алнашско-киясовской подгруппе). Можно было заключать браки с расположенными севернее деревнями Малопургинского и Можгинского районов (они относятся к можгинско-малопургинской подгруппе). В то же время действовали брачные связи между отдалёнными деревнями внутри ареала подгруппы. Так Никита Васильевич Храмов 1929 г. р., уроженец д. Гожня Малопургинского района, поведал, что его отец искал ему невесту под Можгой (в другом районе), а он женился на гожинской девушке.

С восточными соседями с левого берега р. Иж браки заключали только в пограничных деревнях можгинско-малопургинского ареала, расположенных в непосредственной близости от ареала среднеижских левобережных удмуртов. Это сказалось на некоторых особенностях материальной культуры ряда деревень, примеры чему будут приведены ниже.

Набор традиционных украшений можгинско-малопургинских удмуртов включал перевязь *бутьмар* и массивное нагрудное украшение *чыртывесь* (от удм. *чырты* 'шея', *весь* 'бусы'), состоящее из трёх продольных отрезков ткани, пришитых к месяцевидной части, располагаемой около шеи (Рис. 222). Эта месяцевидная часть в деревнях около с. Малая Пурга существовала в качестве украшения *йырыыл* 'головка', 'верхушка', которое можно было носить отдельно (Рис. 223). А во многих других деревнях её сшивали вместе с тремя вертикальными полосками. Цельное, сшитое воедино украшение удобнее носить, когда надевают полный набор, демонстрирующий всё богатство. Но такой набор

был слишком тяжёлым, и многие женщины предпочитали на праздники надевать только его небольшую верхнюю часть – *йырйыл*.

В нескольких деревнях, расположенных в междуречье р. Увы и р. Нылги, традиционное можгинско-малопургинское украшение бытовало под двумя названиями – *чыртывесь* и *гурул* (от удм. *гурул* – подбородок, зоб у зверей и птиц, свисающий жир на шее быка).

В пограничных со среднеижскими левобережными удмуртами деревнях можгинско-малопургинской подгруппы бытовали традиционные женские украшения, конструкция которых повторяет вещи левобережных соседей. Так, в д. Большая Веня Завьяловского района бытовали украшения, конструктивно близкие вещам среднеижских левобережных удмуртов. Верхнее месяцевидное украшение они обозначали можгинско-малопургинским термином *йырйыл*; нагрудные украшения, аналогичные *зутьету* и *пуныкьлу*, обозначали единым термином *азвесь* – «серебро». Это последнее название характерно и для среднеижских левобережных удмуртов.

О проявлениях влияний традиций среднеижских левобережных удмуртов на традиции можгинско-малопургинских удмуртов в пограничной полосе свидетельствует упомянутая выше фотография 1907 г., выполненная в д. Курчум-Норья (Малопургинский район), запечатлевшая удмуртскую девушку в наборе украшений (неполном), характерном для среднеижских левобережных удмуртов (Рис. 131), а также ряд образцов узорного ткачества, а именно рубах, головных полотенец и фартуков.

В пограничных территориях наблюдалось смешение традиционных явлений материальной культуры или их переходные формы. Но и в пограничных деревнях у можгинско-малопургинских удмуртов преобладали вещи, выдержанные в можгинско-малопургинской традиции.

Для нашего исследования очень важно, что предметы народного искусства часто указывают на действие внутри этнографического подразделения информационных связей, обуславливающих сохранение и развитие традиций, присущих данной группе населения. В частности, только внутри ареала можгинско-малопургинской подгруппы изготавливали и носили головные полотенца *чалма*, декоративные концы которых были выполнены в закладной технике (Рис. 224, 225, 226). Браную, выборную, браную в рубчик техники использовали при создании *чалма*

повсеместно, а закладную – только у можгинско-малопургинских удмуртов.

Для традиций можгинско-малопургинских удмуртов характерно развитое безворсовое ковроделие с целым рядом типичных орнаментальных мотивов и выстроенных с их помощью узорных композиций.

Одним из самых распространённых в южноудмуртском ткачестве является узор *легезьпу сясыка* 'цветок шиповника', представляющий собой крупные разноцветные восьмилучевые розетки. Они вписаны в ячейки каркаса, чаще всего – ромбические, образованные пересечением диагональных перекрещивающихся полос, разделяющих поле узора на отдельные фрагменты. Ковровые композиции с этим раппортно повторяющимся узором очень характерны для тканых изделий можгинско-малопургинских удмуртов (Рис. 243).

Другим распространённым мотивом орнамента, служащим основой для составления ковровых узоров, является крестовидная фигура с расщеплёнными концами. Этот мотив был характерен для алнашско-киясовской и можгинско-малопургинской подгрупп. Но в алнашско-киясовских вещах фигуры узора были изолированы друг от друга значительными промежутками фона (Рис. 180, 181), а в можгинско-малопургинских их диагональные, вертикальные и горизонтальные детали срослись в сплошную сетку цветного каркаса, расщепляющего узорное поле (Рис. 227, 228).

Ещё один традиционный мотив, характерный для ковроткачества можгинско-малопургинской подгруппы, – косой крест с расщеплёнными концами, рассекающий крупный ромб на четыре мелких ромбика. Он давал широкие возможности для создания многочисленных цветовых комбинаций, сливающихся в сложную цветовую мозаику. Этот мотив мы встречаем в деревнях Можгинского и Малопургинского районов (Рис. 229, 230).

На территории, ограниченной ареалом можгинско-малопургинской подгруппы, бывовал интересный тип орнаментальной композиции с фигурным легким кружевным каркасом, внутрь ячеек которого вписаны восьмилучевые розетки со скруглёнными краями. Одноцветный каркас – розовый или песочный, плотно прилегающий к фигурам орнамента, – становится фоном многоцветной композиции. Он сдерживает и уравнивает яркое многоцветие узора (Рис. 231, 232).

В традиции ткачества можгинско-малопургинской подгруппы сложился ещё один своеобразный тип орнаментальной композиции. Его выполняли на чёрном фоне. В формировании узора использованы простые ромбы чётких очертаний, более сложные ромбические фигуры, совмещённые с восьмилучевыми розетками, кресты и геометризованные изображения зелёных (иногда – других цветов) веточек с листьями или хвост. Творческий поиск приводил к разнообразному цветовому решению этих орнаментов (Рис. 233, 234).

Замечательным проявлением удмуртского узорного ткачества являются тканые узорные приспособления для переноски ребёнка младенческого возраста за спиной – *ныпъет*. Конструктивно такое приспособление представляет собой прямоугольный отрез ткани с пришитыми к углам прочными, специально вытканными лямками. *Ныпъеты* имели широкое распространение в удмуртском быту. Их могли шить из простой ткани и ничем не украшать или украшать очень скромно. У можгинско-малопургинской подгруппы сложилась традиция изготовления узорных *ныпъетов*. Ширина *ныпъета* совпадала с шириной ткани, изготовленной на традиционном станке. Украшением вещи чаще всего становилась одна крупная орнаментальная фигура традиционного коврового узора (Рис. 235-237).

Полевые исследования последних лет, картографирование явлений народного искусства убедительно показывают, что узорные *ныпъеты* имели распространение только внутри ареала можгинско-малопургинской подгруппы, не выходя за её пределы. Это свидетельствует о наличии и важном значении влияющих на традицию информационных связей, предопределённых отношениями родства и свойства, цементирующих этнографическое подразделение народа.

Практически на всей территории этой подгруппы изготавливали деревянные подголовники *йыразьпул* (подставки для подушек), украшенные плоско-рельефной, пропильной или накладной резьбой и раскраской. Орнаменты этих изделий чаще всего воспроизводят декор безворсовых южноудмуртских ковров или скомбинированы из отдельных элементов узоров южноудмуртского ткачества. Среди мотивов резьбы можно встретить характерные для тканых изделий восьми-лучевые розетки, гребенчатые ромбы, ромбы с крючками в сочетании с ромбами

с продолженными сторонами. В подголовнике из д. Пунем Малопургинского района мастер воспроизвёл при помощи резьбы и раскраски сложный многоремизный узор, в котором при помощи мелких прямоугольников смоделированы сферические субстанции, полные внутренней динамики. В поздних вещах встречается советская символика. За пределами данной территории украшенные подобным образом подголовники не изготавливали (Косарева, 1991:132-143; Косарева, 2015в, с. 41-44) (Рис. 238-247).

Можгинско-малопургинские удмурты шили женские рубахи из пестряди, в которой часто преобладал тёмно-красный цвет (Рис. 248). Модернизированный покрой женских рубах имел различные варианты (различавшиеся особенностями оформления нагрудного разреза, наличием или отсутствием ластовиц, кокеток, манжет), близкие покроям одежды, бытовавшей у алнашско-киясовских и граховско-южнокизнерских удмуртов. Ширина оборки была различной. В д. Баграш-Бигра и соседних деревнях – средней, а западнее, в деревнях Бобья-Уча, Каменный Ключ и других – высокой, от бедра. В середине XX в. шили и отрезные по талии рубахи, комбинируя сатин и ткань домашнего производства. Причём использовали не только пестрядь, но и ткань с многоремизными узорами (Рис. 249). Образцы или хотя бы фрагменты рубах, предшествовавших модернизированным вещам, обнаружить не удалось. Однако удалось выяснить, что для этой подгруппы был характерен покрой штанов с широким шагом. Среди образцов пестряди можгинско-малопургинских удмуртов встречаются ткани с узором *кеж пужсы*, о технике создания которого подробно сказано выше (Рис. 250).

Такие черты материальной культуры, как перевязь и её татарское название *бутьмар*, покрой штанов с широким шагом, ткани с узором *кеж пужсы* свидетельствуют о тюркском влиянии на эту группу.

В то же время данные диалектологии рисуют сложную картину: население можгинско-малопургинской подгруппы является носителем как **южного наречия** (его средне-южного говора), так и **срединных говоров** (а именно – правобережных говоров среднеижского диалекта и нылгинских говоров) (Диалектологический атлас, Вып. I, 2009, с. 43-45).

По данным ландратской переписи 1716 года, деревни можгинско-малопургинских удмуртов входили в три сотни: Тохтарки Иванова (сей-

час это деревни восточной части Вавожского, основной части Увинского, северной окраины Можгинского районов), Андрея Байтемирова (ныне это деревни Малопургинского района) и Пронки Янмурзина (в наши дни это деревни Завьяловского и северо-западной окраины Малопургинского районов). Узнать в этом списке можно следующие существующие в наше время деревни.

В сотне Тохтарки Иванова:

деревня по речке Сулде Учи 5 дворов, 19 человек – Сундо Уча Можгинского района;

Новая Какся 18 дворов, 80 человек – Новая Какся Вавожского района;

Вавож-Можга 12 дворов, 50 человек – с. Вавож Вавожского района;
Жужгес-Пельги 22 двора, 88 человек – Большой Жужгес Увинского района;

Нылги-Жукье 8 дворов, 43 человека – с. Нылга Увинского района;

Каравай-Юмья 5 дворов, 23 человека – Каравай Юмья существовала ещё в 1970-е гг. на юге Увинского района;

Локлес-Жикья 7 дворов, 31 человек – Лоллез-Жикья Увинского района;

Булай-Юмья 10 дворов, 42 человека – Булай Увинского района;

Чемашур-Уча 3 двора, 15 человек – Чемашур-Уча Можгинского района;

Валай-Жикья 4 двора, 17 человек – Большая Воложикья существовала ещё в 1970-е годы в 5 км от с. Малая Воложикья Можгинского района;

починок по речке Куловой Уче 2 двора, 13 человек – Кельвай Уча Можгинского района существовала ещё в 1970-е годы в 6 км от с. Большая Уча;

деревня по речке Пазян-Жикье 9 дворов, 42 человека – Пазял Можгинского района;

Позям-Юмья 3 двора, 15 человек – Пазял-Зумья Можгинского района;

Большая Уча 20 дворов, 94 человека – с. Большая Уча Можгинского района.

Кибья-Жикья 23 двора, 111 человек – Кибя-Жикья Увинского района;

Гурес-Подга 7 дворов, 36 человек – Гурезь-Пудга Вавожского района. (ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 1061, 650-768).

В сотне Андрея Байтемирова:

Игирча-Игра 10 дворов, 38 человек – Алганча-Игра Малопургинского района;

Гожня 11 дворов, 43 человека – Гожня Малопургинского района;

Багряш 22 двора, 86 человек – Баграш-Бигра Малопургинского района;

Буро-Жикья 15 дворов, 75 человек – Старая Бурожикья Малопургинского района;

Лек Ожмес Монья, а Можга тож 13 дворов, 55 человек – Старая Монья Малопургинского района;

Поже-Уча – 13 дворов, 78 человек – с. Ильинское Малопургинского района;

Убдэс 19 дворов, 93 человека – Абдэс-Урдэс Малопургинского района;

Бобья-Уча 12 дворов, 56 человек – Бобья Уча Малопургинского района;

Малая Уча 17 дворов, 86 человек – Малая Уча Малопургинского района;

Лодзи-Шудзи 1 двор, 3 человека – Лудзи-Шудзи Малопургинского района;

Юри 6 дворов, 29 человек – Средние Юри или Нижние Юри Малопургинского района или Верхние Юри Можгинского района. (ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 1061, лл. 514-607).

В сотне Пронки Янмурзина:

Вуко-Чудья 6 дворов, 32 человека – Шабердино Завьяловского района;

Люк, словёт Новый Сетек 2 двора, 13 человек – Новый Сентег Завьяловского района;

Лодзя 18 дворов, 96 человек – Непременная Лудзя Завьяловского района;

Венья 33 двора, 166 человек – Большая Венья Завьяловского района;

поч. Сизяшур-Норья 3 двора, 19 человек – Сизяшур Малопургинского района;

Постол-Нырья 11 дворов, 47 человек – Иваново-Самарское Малопургинского района;

Постол-Можга 4 двора, 18 человек – Постол Завьяловского района;

Курчем-Нырья Малопургинского района 28 дворов, 128 человек – Курчум-Норья Малопургинского района;

Малая Бодья 15 дворов, 77 человек – Малая Бодья Малопургинского района;

Большая Нырья 32 двора, 146 человек – с. Норья Малопургинского района;

Верхняя Лодзя 6 дворов 32 человека – Верхняя Лудзя Завьяловского района;

Лодзя-Норья 15 дворов, 62 человека – Лудзя-Норья Завьяловского района.

(ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 1061, лл. 273-380).

Таким образом, в центре ареала собственно-южных удмуртов исторически сложилась значительная по территории и численности населения, скреплённая брачными связями можгинско-малопургинская подгруппа. Огромная территория, большая численность населения, различные традиционные языческие верования, языковые различия свидетельствуют о сложности формирования этого этнографического подразделения. И, тем не менее, данная подгруппа демонстрирует единство традиций костюма, женских украшений, народного искусства, (ковроделия, от деревень Малопургинского района на востоке до с. Волипельга на западе; декорированных ковровыми узорами *ныпъетов*; уникальных по декоративному оформлению подголовников, бытовавших от окрестностей с. Люк Завьяловского района на северо-востоке до д. Большое Волково и д. Сулвай Вавожского района на западе и окрестностей с. Нылга Увинского трайона на юге ареала подгруппы).

Данная выявленная на этнографическом материале подгруппа при размахе её территории, многочисленности населения, диалектной неоднородности выглядит наименее определённо выявленной. Возможно, в этой части этноса шло наиболее интенсивное смешение населения, и образовался «среднеюжный» переходный ареал.

Глава 2.7. Этнографическая группа бавлинских удмуртов

Приведённый в этом разделе материал был собран автором летом 1994 г. в с. Покровский Урустамак Бавлинского района Татарстана. Близость костюмного комплекса этой мигрировавшей далеко на юг этнографической группы вещам собственно-южных удмуртов обусловила то, что в работе, посвящённой периферийным группам (Косарева, 2000) этот материал не был рассмотрен. Его интереснее изложить здесь.

Удмуртские деревни, образующие небольшой ареал в верховьях р. Ик, относятся к Бавлинскому району Татарстана и Ермекеевскому району Башкортостана. Обращает на себя внимание необычайная близость, идентичность здешних предметов женской одежды вещам, бытующим у собственно-южных удмуртов. Она характерна для таких предметов, как вышитое головное покрывало *сюлык* берестяного головного убора *айшон*, женская налобная повязка *йыркерттэт*, девичья налобная повязка *чачак* (Рис. 251). Головное полотенце бавлинские удмурты обозначали термином *чалма*, как и все собственно-южные удмурты. Тканый декор узорных концов этих предметов выполнен в браной технике с преобладанием красного цвета. Узоры этих вещей проще, чем у собственно-южных удмуртов, что, видимо, обусловлено активной разработкой традиции узорного ткачества собственно-южными удмуртами уже после миграции предков бавлинских удмуртов в верховья р. Ик (Рис. 252, 253).

Женская причёска бавлинских удмуртов сохранила как традиционную форму, так и название *чузырет*, характерные для собственно южных удмуртов. *Айшон* с покрывалом *сюлык* и *чалму* бавлинские удмуртки надевали на свадьбе и носили, заплетая косу. Причёску *чузырет* традиционно делали только после рождения первенца. Все эти составные части женского головного убора и женская причёска сложились до миграции

предков бавлинских удмуртов далеко на юг в верховья р. Ик. Они сохранились неизменными до 1930-х гг.

Яркий декоративный предмет праздничного девичьего облачения бавлинских удмуртов – цветастый платок фабричного производства, завязанный огромным бантом надо лбом и покрывающий голову. Этот элемент праздничной девичьей одежды получил название *сюро* ‘рогатый’. Он бросается в глаза и запоминается. Совершенно очевидно, что это – позднее явление, появившееся у бавлинских удмуртов после миграции. Его совмещали с исконным предметом, бытовавшим у предков бавлинских удмуртов ещё до миграции из земель собственно-южных удмуртов в бассейн р. Ик, а именно – с девичьей налобной повязкой *чачак*, украшенной позументной бахромой и конусовидными со спиральной резьбой деревянными подвесками, оплетенными позументной нитью (Рис. 254, 255). Поскольку платок носили в комплекте с налобной повязкой, за ним закрепилось название *сюро чачак кышет*.

Значительный интерес для нашего исследования представляют украшения из серебряных монет, нашитых на ткань. У бавлинских удмуртов бытовали перевязь *бутьмар*, размещаемое около шеи в верхней части груди украшение *чыртыкерттэт* и носимое ниже месяцевидное тонкое украшение *калугы* (*кал* ‘тесёмка, завязка, шнур’, *угы* ‘подвеска’) (Рис. 254, 256, 257, 258). Интересно, что весь набор украшений носили девушки. Женщины, как правило, ограничивались ношением *чыртыкерттэта* (Рис. 251). Наличие перевязи *бутьмар* в комплекте украшений бавлинских удмуртов наводит на мысль о том, что этот предмет появился у их предков до переезда в верховья р. Ик и свидетельствует о преемственности традиций. *Бутьмар* могли принести в бавлинские земли переселенцы с территории алнашско-киясовской, граховско-южнокизнерской или можгинско-малопургинской подгрупп собственно-южных удмуртов, где перевязь бытовала под этим названием.

Материалы по традиционной одежде бавлинских удмуртов свидетельствуют о том, что их традиционный костюм был подвержен модернизации, характерной и для других этнографических подразделений этноса. Я имею ввиду отрезную по талии спинку и расклешённый книзу покрой распашных типов одежды, введение кокеток, присборенных рукавов и манжет на рубашах. Однако некоторая изолированность от

основной этнической территории, проживание в зоне активных межэтнических контактов, где традиционная одежда играла роль этнического определителя, способствовали сохранению типов одежды, утраченных собственно-южными удмуртами. Это белый льняной шортдэрем, украшенный счётной вышивкой, нагрудник муресазь, надеваемый поверх рубахи, и айшон с скульком, сохранявшиеся в повседневном быту до 1930-х гг. Весь комплекс предметов одежды, характерный для бавлинских удмуртов, свидетельствует об исторической связи бавлинских удмуртов с собственно-южными удмуртами.

Р. Р. Садиков, анализируя архивные данные, выявил, что местами исхода жителей с. Покровский Урустамак Бавлинского района Татарстана были, в частности, д. Сырьез, д. Старая Кибья, причисленные в приход с. Басурман-Можга (ныне – село Можга Можгинского района УР), а также деревни Большая и Средняя Омга Елабужской округи Вятского наместничества (Садиков, 2012, с. 366).

На северо-востоке Можгинского района до сих пор существует д. Сырьез. На территории Алнашского и Можгинского районов сложилась группа деревень, населённая воршудной группой Кибья. (Атаманов, 1982, с. 114). Воршудная группа Омга представлена в ряде деревень бассейна р. Иж на территории Алнашского района УР и Агрызского района Татарстана (Атаманов, 2005, с. 106). И данные диалектологии говорят о формировании бавлинской этнографической группы в процессе переселения носителей южного наречия удмуртского языка (Тараканов, 1958, с. 97).

Таким образом, выявленные в ходе полевых исследований предметы материальной культуры, а также архивные данные, материалы по ономастике и диалектологии свидетельствуют об исторической связи бавлинских удмуртов с собственно-южными удмуртами. Река Ик, несущая свои воды из мест проживания бавлинских удмуртов в Каму, была, видимо, основной осью как их изначальных миграций на юг, так и позднейших поездок на север для встреч с родичами и посещения родовых святынь.

**Часть 3. Наборы украшений
этнографических подразделений
удмуртов. Сравнительный анализ**

Наборы украшений различных этнографических подразделений удмуртов интересно рассмотреть более пристально. Как мы уже знаем, у всех этих исторически сложившихся групп этноса в конце XIX – нач. XX в. бытовали особые наборы украшений, отличавшиеся по конструкции, составу и терминологии. Наборы удмуртских традиционных украшений отличало от наборов украшений родственных народов (за исключением мариЙцев) наличие перевязи.

Перевязь под разными названиями бытовала почти у всех этнографических подразделений удмуртов. Её присутствие, как мы знаем, обусловлено тесными культурно-историческими контактами с носителями ислама. Последние использовали перевязь в качестве оберега, к которому прикрепляли сумочку с миниатюрным Кораном или текстом молитвы.

У завятских удмуртов, как у кукморских, так и у шошминских, перевязь была представлена в наборах украшений и имела название *камали*. Данный термин языковеды Р. Ш. Насибуллин и С. А. Максимов (личное сообщение) связывают с чувашским (resp. болгарским) словом *кёмёл* ‘серебро’. Очевидно, у завятских удмуртов данное название появилось в результате контактов с булгарами. От болгар оно было заимствовано также бесермянами, формирование субэтноса которых происходило в процессе тесного взаимодействия удмуртов с булгарами на юго-западной периферии удмуртских земель. Кроме того, перевязь под названием *камали* была известна и северным удмуртам: у нижних *ватка* Глазовского уезда перевязь *камали* бытовала в конце XIX в. (Первухин, Эскиз V, 1890, с. 61-62.) То, что она представляла собой вышитую ленту и не имела монет, видимо, обусловлено экономическими факторами. Слободские *ватка* перевязь утратили. Её не было в наборах их украшений конца XIX в. Косинские *ватка* сохранили перевязь, которую делали из бусин, нанизанных на толстую льняную нить. Тюркское название этого предмета они заменили удмуртским термином *кусийльвесь* – возможно, от **куссийльвесь*, где *кус* ‘поясница’, *силь* ‘холка, задняя часть шеи’, *весь* ‘бусы’. Очевидно, что все эти подразделения удмуртского народа, связанные исторически с юго-западной периферией удмуртской этнической территории, испытали в прошлом заметное влияние культуры волжских болгар.

В то же время несколько подразделений собственно-южных удмуртов имели в наборах своих традиционных украшений перевязь под названием *бутьмар*. Данное название заимствовано из татарского языка (*путемар* ‘перевязь с сумочкой для хранения амулета’) (Ахметьянов 2001:164) Видимо, термин, а, возможно, и само украшение были усвоены удмуртами благодаря более поздним контактам с казанскими татарами. Татарские деревни в низовьях р. Иж и р. Тоймы существуют с давних пор. Видимо, контакты в пределах этой территории юга Удмуртии определили заимствование собственно-южными удмуртами перевязи под названием *бутьмар*.

Мы не знаем, было это украшение-оберег первоначально единственным украшением женского костюма или сосуществовало с какими-то другими предметами. В исследуемый период конца XIX – начала XX века перевязь *бутьмар* в комплекте с украшением *уксё тирлык* бытовала у алнашско-киясовской подгруппы, с украшением *чыртыवेशь* – у можгинско-малопургинской подгруппы, с украшением *чыртыкыч* у граховско-южнокизнерской подгруппы, с украшениями *калугы* и *чыртыкерттэт* – у бавлинской группы удмуртов.

Удмурты *калмезы*, та их часть, которая проживала в низовьях р. Кильмези и была территориально близка можгинско-малопургинской подгруппе, носила своё традиционное украшение *чигवेशь* с перевязью *бутьмар*.

Кроме того, были подразделения удмуртского народа, у которых перевязь бытовала под удмуртским названием, как мы это уже видели у косинских *ватка*. Так калмезы, проживавшие в верхнем течении реки Кильмезь, имели украшение *галэс* в наборе с перевязью *сюмыс бырттон* (*сюмыс* ‘сыромятная кожа’, *бырттон* – от удм. *бырттыны* ‘продеть, нанизать’). Среднеижская левобережная подгруппа собственно-южных удмуртов носила с богатым и сложным набором украшений перевязь с удмуртским названием *сюмыс бырттос* (*сюмыс* ‘сыромятная кожа’, *бырттос* – от удм. *бырттыны* ‘продеть, нанизать’). Такое описательное название можно объяснить спадом распространения тюркизмов в языке этих подразделений народа, проживающих севернее границы южного наречия, для которого характерно наиболее заметное тюркское воздействие и в фонетике, и в лексике: говор среднеижских левобереж-

ных удмуртов относят к срединным, как, впрочем, и говор части можгинско-малопургинских удмуртов и *калмезов*).

Сложнее объяснить тот факт, что удмурты Закамья, проживающие в татарской и башкирской среде, испытавшие значительное тюркское влияние на традиционную одежду, головные уборы, украшения из серебряных монет и терминологию, обозначающую многие из этих традиционных предметов, называют перевязь удмуртскими словами *силь сюмыс* (*силь* ‘загривок’, *сюмыс* ‘сыромятная кожа’). Интересно, что в названиях перевязи калмезов верховьев р. Кильмезь, среднеижских левобережных и закамских удмуртов присутствует слово *сюмыс*. Очевидно, что изначально основу перевязи делали из кожи и только позднее стали использовать ткань.

Далее, нас не могут не интересовать группы, у которых перевязь в наборе украшений исследуемого периода отсутствовала. Кроме слободских *ватка*, перевязь утративших, этот предмет отсутствовал в наборах двух подразделений собственно-южных удмуртов (севернокизнерской и водзимоньинской подгрупп) и у удмуртов верхнеижско-шарканской этнографической группы.

Севернокизнерская подгруппа собственно южных удмуртов наиболее изолирована лесами и болотами от внешнего мира. Именно этой изоляцией и можно объяснить отсутствие у них перевязи. Сложнее объяснить подобный факт у водзимоньинских удмуртов: их соседи с востока – можгинско-малопургинские удмурты, с северо-востока – *калмезы* и с запада – шошминские удмурты, все имели перевязь *бутьмар* или *камали*. Перевязи не было только у их южных соседей – севернокизнерской подгруппы.

Ещё загадочней и непонятней отсутствие перевязи у удмуртов верхнеижско-шарканской этнографической группы. Головные уборы, закладное ткачество, особенности свадебной обрядности свидетельствуют об имевшем место в прошлом существенном влиянии тюркских традиций на это подразделение удмуртского народа. В качестве предварительной гипотезы отсутствие перевязи у верхнеижско-шарканских удмуртов можно объяснить тем, что интенсивное контактирование их предков с тюрками осуществлялось в период, когда последние ещё не приняли ислам, сохраняли язычество и не имели перевязи, предназна-

ченной для сумочки с миниатюрным Кораном или записанным на листке текстом мусульманской молитвы. Или они контактировали с группами тюрок, принявших ислам, но не имевших по непонятной причине в наборе украшений перевязь.

Наборы традиционных украшений, как мы видели выше, объективно отражают исторически сложившуюся картину существования этнографических подразделений удмуртского народа и помогают вычленить эти подразделения. Наличие или отсутствие перевязи, термины, обозначающие перевязь, позволяют оценить специфику и интенсивность тюркского влияния на то или иное подразделение удмуртского народа.

Заключение

Новый полевой материал, с которым познакомился читатель, позволяет выявить этнографические подразделения удмуртов, спаянные внутри брачными и родственными отношениями, обладающие специфическими особенностями духовной и материальной культуры. Их формированию способствовали природные факторы. Хотя эти подразделения удмуртов не были полностью изолированы друг от друга, преобладание внутренних брачных связей, унаследованные от предков установки на браки внутри своей подгруппы, а в ряде случаев – прямой запрет этих отношений с соседями обусловили существование данных этнографических подразделений.

Этнографическая группа калмез населяет бассейн р. Кильмезь от её истоков до самых низовий. Для неё характерны специфические особенности традиционной одежды, наиболее показательные в девичьих уборах для осеннего праздника *портмаськон*. И сам этот праздник с его традиционными песнями был характерен исключительно для бассейна р. Кильмезь и послужил своеобразным маркером, позволившим выявить границы и очертить ареал этой этнографической группы.

Конструкции и названия предметов, входивших в наборы женских серебряных украшений *калмезов*, отличались от подобных изделий других этнографических подразделений удмуртов. Исключение составляла перевязь, аналогичная конструктивно и терминологически этому типу предметов в традициях других подразделений народа. Она свидетельствует о влиянии татарских культурных традиций на эту часть удмуртского этноса. В западной части ареала *калмезов* носили украшение *чиг-весь* и перевязь с татарским названием *бутьмар*. В восточной части – украшение *галэс* и перевязь с удмуртским названием *сюмыс бырттон*. В низовьях р. Кильмези татарское влияние было более выраженным.

В народном искусстве калмезов сложилось художественное своеобразие поздних прялок, зафиксированное по всему калмезскому ареалу,

свидетельствующее об информационных связях, действующих внутри ареала группы. Для этой общности были характерны специфические среднезападные прикильмезские говоры: сямсинский, копкинский, селтинский, увинский, зятцинский, кульминский, которые исследователи объединяют в средне-западный диалект.

В то же время население деревень, расположенных в верховьях р. Лумпунь (правого притока р. Кильмезь) в Унинском районе Кировской области, которое их соседи косинские *ватка* также называют *калмезами*, является совершенно иной этнографической группой, отличающейся от населения основной части бассейна р. Кильмезь особенностями культуры и языка. В частности, существовали различия покроя нательной одежды *калмезов* основной части бассейна р. Кильмезь и унинских *калмезов*. Нагрудное украшение последних *гадьвесь* изготавливали из монет и бисера. Перевязь у данной группы населения отсутствовала. Унинские *калмезы* являются носителями специфического сурвайско-поломского говора, для которого характерно отсутствие «избыточных» аффрикат, присущих срединным говорам вообще и говорам бассейна р. Кильмезь в частности.

Удмурты **верхнеижско-шарканской этнографической группы** обладают неповторимым своеобразием материальной и духовной культуры. Их традиционные женские головные уборы (матерчатый чепец *подурга* с разомкнутым верхом, манера ношения небольшого платка или головного полотенца поверх массивного платка), узорное ткачество (активное использование закладной техники, изготовление полосатых тканей), специфика свадебной обрядности указывают на влияние тюркских традиций. Своеобразие материальной культуры данного подразделения народа проявилось также в специфических особенностях традиционной вышивки, декорировавшей одежду. Массовое распространение на всей территории подгруппы имели узорные ткани, выполненные в технике «браная в рубчик» в кустарных мастерских или повторённые крестьянками в деревнях.

У этой этнографической группы бытовало специфическое украшение из монет *коньдоновесь* (*чыртывесь*). Интересным явлением духовной культуры верхнеижско-шарканских удмуртов было осеннее моление под священной елью. Границы верхнеижско-шарканской группы

совпадают с границами средневосточного диалекта удмуртского языка, в котором диалектологами выделены якшур-бодьинский и шарканский говоры.

Внутри этнографической группы собственно-южных удмуртов исторически сложилось шесть подгрупп.

Среднеижская левобережная подгруппа имеет ареал, вытянутый с севера на юг вдоль левого берега р. Иж. На севере среднеижские левобережные удмурты граничат с верхнеижско-шарканскими удмуртами. Деревни этих подразделений особенно приближены друг к другу на территории Воткинского района. Однако браки между собой они в недавнем прошлом не заключали. Жители деревень обоих подразделений прекрасно осведомлены о языковых и культурных различиях друг друга. На юге своего ареала среднеижские левобережные удмурты граничат с алнашско-киясовской подгруппой, браки с представителями которой были под строгим запретом, о чём хорошо помнит местное население. Узорное ткачество, задействованное в оформлении костюма и наборы серебряных женских украшений (включавшие *зузет, сюмысбырттос, пуныкыл, чырътыкерттэт*), особенно сложные у этой подгруппы, терминология, связанная с данными предметами, демонстрируют единство традиций на всей территории подгруппы и помогают очертить её ареал. Речь среднеижской левобережной подгруппы относят к левобережному говору среднеижского диалекта, отличающемуся от говоров соседних этнографических подразделений: верхнеижско-шарканских удмуртов, алнашско-киясовской и можгинско-малопургинской подгрупп собственно-южных удмуртов.

Алнашско-киясовская подгруппа имеет территорию обитания, вытянутую в широтном направлении вдоль южной границы Удмуртии. Проживающие в Киясовском районе представители этой подгруппы сохраняют живую память о запрете браков с жителями соседних среднеижских левобережных деревень. Именно у этой подгруппы получил, прежде всего, распространение культ *Булды*, главное святилище которого располагалось на территории Алнашского района, и сохранилось множество второстепенных святилищ, как заброшенных, так и действующих. Кроме того, для этой подгруппы было характерно деление населения деревень на два эндогамных религиозных объединения *луд выжы*

и *быдзым куала выжы*. Специфические особенности узорного ткачества, проявленные в ковроделии, в оформлении женских головных полотенец и фартуков, особая конструкция и терминология женского серебряного украшения *уксё тирлык*, наличие в наборе украшений перевязи *бутьмар* характерны для народного искусства и традиционного костюма этой этнографической подгруппы. Говоры алнашско-киясовских удмуртов относятся к южному наречию, в котором сильнее влияние тюркских языков, и отличаются от говоров их северных соседей.

Граховско-южнокизнерская подгруппа сосредоточена в юго-западной части Удмуртии. Её население сформировано двумя встречными потоками мигрантов: носителями культа *Булды*, расселившимися в западном направлении, и завятскими удмуртами, переселившимися с правого берега р. Вятки в восточном направлении. На территории этой подгруппы распространены святилища *Булды*, среди которых есть и действующее до сих пор. Конструкция женских украшений, характерных для этой подгруппы, полностью совпадает с вещами, свойственными алнашско-киясовской традиции. При этом термин, обозначающий перевязь (*бутьмар*), совпадает с названием, распространённым у алнашско-киясовских удмуртов, а название главного украшения (*чыртыкыч*) заимствовано от переселенцев с правого берега р. Вятки. В народном искусстве специфические традиционные явления можно наблюдать в узорном ткачестве (как в ковроделии, так и в оформлении головных полотенец), в резьбе по дереву (художественном решении прялок, наделённых более сочной, чем у других подразделений, резьбой). Говоры граховско-южнокизнерских удмуртов, также как и говоры алнашско-киясовских удмуртов, относятся к южному наречию, но в них можно заметить сходство с говорами завятских удмуртов.

Севернокизнерская подгруппа проживает в основном на небольших левых притоках р. Вятки, севернее граховско-южнокизнерской подгруппы, в Удмуртии и двух сопредельных районах Кировской области (Вятско-Полянском и Малмыжском). Она включает группы деревень, несколько изолированные друг от друга лесами и болотами, но поддерживавшие в прошлом брачные связи, скреплённые между собой отношениями родства и свойства. В формировании этой подгруппы заметную роль сыграла воршудная группа *Омга*, наряду с группами *Какся* и *Мож-*

га. Для этой подгруппы на всей её территории характерен единый тип женского украшения и единое его название (*зузьет*). Среди украшений северно-кизнерской подгруппы не было перевязи, что свидетельствует об отсутствии заметного тюркского культурного влияния или утрате этого элемента вследствие изоляции. Говоры этой подгруппы языковеды относят к срединным, в которых меньше, чем в южном наречии, тюркских заимствований. Граница южного наречия и срединных говоров совпадает с границей между граховско-южнокизнерской и севернокизнерской подгруппами.

Водзимоньинская подгруппа проживает к северу от севернокизнерских удмуртов, на левом берегу р. Седмурчи, вокруг села Водзимонье. Женщины этой подгруппы носили особый набор серебряных украшений, включавший два украшения: *чыртыул*, и *сюмсазь*. Их рубахи из белого холста, бытовавшие до распространения одежды из пестряди с модернизированным покроем, имели прямой нагрудный разрез, который сам по себе, наряду с его декоративным оформлением свидетельствует о тюркском влиянии. Говор этой подгруппы обладает некоторыми чертами, сближающими его с шошминским говором. Название женского головного убора водзимоньинских удмуртов также свидетельствует о влиянии завятской традиции. В формировании этой подгруппы принимало участие как завятское, так и левобережное южноудмуртское население. Редкой особенностью узорного ткачества этой подгруппы является применение выборной техники в ковроделии.

Можгинско-малопургинская подгруппа занимает обширную территорию в центре ареала собственно южных удмуртов. Для юго-восточной части ареала этой подгруппы характерно, как и для алнашко-кизовской подгруппы, совместное проживание в одной деревне эндогамных сообществ *луд выжы* и *быдзым куала выжы*. Ей свойственен набор украшений (*бутьмар*, *чыртывесь*, *йырийыл*), отличающийся от украшений других подгрупп. Специфические явления народного искусства можно наблюдать в ковроделии, в мотивах и композициях, выполненных в переборной технике; в изготовлении женских головных полотенец в закладной технике; в создании узорных приспособлений для переноски младенцев за спиной; в использовании узоров, характерных для ткачества при создании резных деревянных подголовников по всему ареалу

подгруппы. В то же время, данные диалектологии отразили сложность процесса формирования этого подразделения удмуртского народа: население можгинско-малопургинской подгруппы является носителем, как южного наречия, так и срединных говоров.

Бавлинская этнографическая группа исторически связана с собственно-южными удмуртами. Для традиций этой группы характерны типичные для собственно-южных удмуртов *айшон*, покрывало *сюлык*, с вышитыми счётными швами четырьмя древовидными фигурами, налобная женская повязка *йыркерттэт*, налобная девичья повязка *чачак*, женское головное полотенце *чалма* с ткаными в браной технике узорами.

У бавлинских удмуртов бытовали перевязь *бутьмар*, украшения *чыртыкерттэт* и *калугы*. Изолированность от основной этнической территории способствовала сохранению одежды из белого холста и её вышитого декора – предметов, вытесненных у собственно южных удмуртов вещами из цветных тканей домашнего изготовления.

Новые полевые материалы позволяют, таким образом, выявить исторически сложившиеся этнографические подразделения удмуртского народа.

Сопоставление этнографических данных с результатами изучения удмуртского музыкального фольклора делает прорисовавшуюся картину ещё более ёмкой и многогранной. Так, трудами известного фольклориста Р. А. Чураковой выявлены особые типы свадебных напевов, имеющие свои ареалы. Один из таких ареалов находится бассейне р. Тоймы и низовьях р. Иж (это ареал алнашско-киясовской подгруппы). Другой – обнаружен в среднем течении р. Валы в деревнях Можгинского и Вавожского районов. В данном случае музыковедческими исследованиями была охвачена существенная часть территории можгинско-малопургинской подгруппы (Чуракова, 1986, с. 50, 51; Чуракова, 1999, с. 5).

Говоря о свадебных напевах удмуртов Кизнерского района, автор отметила различия напевов деревень бассейна р. Люги и р. Умяк – т.е. северно-кизнерских и граховско-южнокизнерских удмуртов. (Чуракова, 1986, с. 49). В издании 1999 г. дан анализ материала календарных песен, записанных в деревнях северной части Кизнерского района и сопредельного Вятско-Полянского района Кировской области. (Чуракова, 1999). Песни деревень Кизнерского района, которые мы относим к территории

граховско-южнокизнерской подгруппы, были сгруппированы автором как отдельная часть собранного материала, остались за рамками публикации 1999 г. (Чуракова, 1999, с. 5) и вообще к великому сожалению не были опубликованы при жизни исследователя. Таким образом, и на музыкальном материале также вырисовываются интересующие нас этнографические подразделения удмуртов.

Когда в этнографии идёт речь об этнографических подразделениях народа, их зачастую выделяют как отличающиеся от некой «основной массы» этноса. Такой подход представляется, по крайней мере, не всегда правильным. Наше исследование показывает на примере удмуртского народа, что этнос состоит из исторически сложившихся этнографических подразделений, привязанных к определённым территориям. У удмуртов отрыв от родной среды и земли отдельных людей и семей, переезд в города приводил не к формированию некой усреднённой массы народа, а к утрате этнической специфики и к ассимиляции.

Выявление этнографических подразделений удмуртского народа на этнографическом материале стало возможно благодаря единому критерию – рассмотрению особенностей определённых сфер традиционной культуры.

Список сокращений

- АКД – автореферат кандидатской диссертации
ВГВ – Вятские губернские ведомости
ВЕВ – Вятские епархиальные ведомости
ВУАК – Вятская учёная архивная комиссия
ВФУ – Вопросы финно-угроведения
ВФУЯ – Вопросы финно-угорского языкознания
ГИМ – Государственный исторический музей
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ЖМВД – Журнал Министерства внутренних дел
ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории, этнографии
КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии
КФАН – Казанский филиал Академии наук
МАВГР – Материалы по археологии восточных губерний России
МарНИИ – Марийский научно-исследовательский институт
МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
НМУР – Национальный музей Удмуртской республики
НОИВК – Научное общество изучения Вотского края
РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд
РЭМ – Российский этнографический музей
СФУ – Советское финно-угроведение
СЭ – Советская этнография
ТИЭ – Труды института этнографии
УдГУ – Удмуртский государственный университет
УИИЯЛ УРО РАН – Удмуртский институт истории, языка, литературы
Уральского отделения Российской академии наук
УдНИИ – Удмуртский научно-исследовательский институт (ныне УИИ-
ЯЛ УРО РАН)
УР – Удмуртская республика
УРМИИ – Удмуртский республиканский музей изобразительных искусств
ЦГАДА – Центральный государственный архив древних актов
ЭО – Этнографическое обозрение

Источники

ПМА – полевые материалы автора 1981 – 2015 г.

Списки населенных мест Российской империи. Вятская губерния (по сведениям 1859-1873 гг.) под ред. Е.Огородникова. СПб., 1876. 993с.

Фонды музеев: МАЭ, РЭМ, УРМ, УРМИИ, Эстонского национального музея в Тарту.

ЦГАДА, ф.350, д. 1061.

Список использованной литературы

Авижанская С. А., Бикбулатов Н. В., Кузеев Р. Г. Декоративно-прикладное искусство башкир / Отв. ред. Р. Г. Кузеев. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1964. 258 с.

Аптиева Г. А. Религиозные обычаи и поверья вотяков Бирского уезда Уфимской губернии // ИОАИЭ, Т. X. Вып. 1. Казань, 1892. С. 119-120.

Архинов Г. А. Марийско-удмуртские этнокультурные связи: к вопросу об азелинском компоненте в марийском и удмуртском этносе // Материалы по этногенезу удмуртов / Отв. ред. М.Г.Атаманов. Ижевск: УдНИИ, 1982. С. 63-71.

Атаманов М. Г. Воршудные названия в удмуртской ойконимии и происхождение родового наименования эгра // Вопросы удмуртского языкознания. Вып. 3 / Отв. ред. В.М.Вахрушев. Ижевск: УдНИИ, 1975. С. 35-41.

Атаманов М. Г. Микроэтнонимы удмуртов // Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимии / Отв. ред. В.К.Кельмаков. Ижевск: УдНИИ, 1980. С. 3-66.

Атаманов М. Г. Из истории расселения воршудно-родовых групп удмуртов // Материалы по этногенезу удмуртов / Отв. Ред. М.Г.Атаманов. Ижевск: УдНИИ, 1982. С. 81-127.

Атаманов М. Г. История Удмуртии в географических названиях. Ижевск: Удмуртия, 1997. 245 с.

Атаманов М. Г. От Дондыкара до Урсыгурта. Из истории удмуртских регионов. Ижевск: Удмуртия, 2005. 215 с.

Атаманов М. Г. Происхождение удмуртского народа. Ижевск: Удмуртия, 2010. 576 с.

Атаманов М. Г., Владыкин В. Е. Субэтнические объединения удмуртов // Удмурты. Историко-этнографические очерки / Отв. ред. В. В. Пименов. Ижевск: УИИЯЛ УРО РАН, 1993. С. 28-35.

Афонасьев Н. Праздник «лебедей» у вотяков-язычников Мамадышского уезда // Известия РГО. Т. 17. Вып. 5. СПб., 1881. С. 281-286.

Ахметьянов Р. Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М.: Наука, 1981. 144 с.

Ахметьянов Р. Г. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка. Казань: Тат. книжн. изд-во, 2001.

Багин С. Свадебные обряды и обычаи вотяков Казанского уезда // ЭО. 1897. № 2. С. 59-92.

Багин С. Об отпадении в магометанство крещеных инородцев Казанской епархии и о причинах этого печального явления // Православный собеседник. № 1. Казань, 1910. С. 10-13.

Белицер В. Н. Узорное тканье и вышивка удмуртов // Записки УдНИИ. Вып. 9 / Отв. ред. С. П. Горбушин. Ижевск: УдНИИ, 1940. С. 96-120.

Белицер В. Н. К вопросу о происхождении бесермян (по материалам женской одежды) / ТИЭ. Т. 1. Нов. сер. /отв. ред. С. П. Толстов. М.: Изд-во АН СССР, 1947. С.183-193.

Белицер В. Н. Народная одежда удмуртов (материалы к этногенезу) // ТИЭ. Нов. Сер. /Отв. ред. Н. Н. Чебоксаров. М.: Изд-во АН СССР, 1951 г., 142 с.

Белицер В. Н. Очерки по этнографии коми // ТИЭ. Нов. Сер. Т. 45. / Отв. ред. Н. Н. Чебоксаров. М.: Изд-во АН СССР, 1958., 322 с.

Бехтерев В. М. Вотяки, их история и современное состояние: бытовые и этнографические очерки // Вестник Европы. Т. 4. Ч. 7-8. 1880. С. 621-654.

Блинов М. В. Историко-статистическое известие о Камско-Воткинском заводе и тамошних вотяках // ЖМВД. Ч. II. № 3-4. 1855. С. 51-64.

Блинов Н. Языческий культ вотяков. Вятка, 1898. 103 с.

Блинов Н. Н. Лапти. Этнографический очерк // Известия Сарапульского земского музея. Вып. 4. М., 1914. С.173-181.

Бобровников Н. А. Иностранческое население Казанской губернии. Татары, вотяки, мордва. Вып. 1. Казань, 1899. С. 45-57.

Богоевский П. М. Очерк быта Сарапульских вотяков // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском музее. Вып. III. М., 1888. С. 14-64.

Богаетский П. М. Очерки религиозных представлений вотяков // ЭО. М., 1890. Кн. 4, № 1. С. 116-163. Кн. 5, № 2. С. 77-109. Кн. 7. № 4. С. 42-70.

Богаетский П. М. Материалы для изучения народной словесности вотяков ЭО. М., 1892, № 4. С. 171-177.

Богаетский П. М. Мултанское моление вотяков в свете этнографических данных. М., 1896. 110 с.

Богуславская И. Я. Художественные особенности русской народной вышивки с геометрическим орнаментом. (XIX-XX вв.). // СЭ. 1982. № 1. С. 101-112.

Бромлей Ю. В. Опыт типологизации этнических общностей // СЭ. 1972. № 5. С. 61-81.

Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 412 с.

Бушмакин С. К. Фонетические и морфологические особенности средневожостчных говоров удмуртского языка. Рукопись канд. дисс. Тарту, 1971. 394 с.

Валеев Ф. Х. Народное декоративное искусство Татарстана. Казань: Тат. книжн. изд-во, 1984. 172 с.

Васильев И. Обзорение языческих обрядов, суеверий и верований вотяков Казанской и Вятской губерний // ИОАИЭ. Казань, 1906. Т. 22. Вып. 3, С. 185-219; Вып. 4, С. 253-279; Вып. 5, С. 321-349.

Ватка но Калмез: Удмурт калык легендаос но преданнос = [Ватка и Калмез: Удмуртские народные легенды и предания] / Сост. Н. П. Кралина, П. К. Поздеев. Ижевск: УдНИИ, 1971. 162 с.

Верещагин Г. Е. Вотяки Сосновского края. // Записки РГО. Т. XIV. Вып. 2. СПб., 1886. 218 с.

Верещагин Г. Е. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии. Записки РГО. Т. XIV. Вып. 3. СПб., 1889. 197 с.

Верещагин Г. Е. Старые обычаи и верования вотяков. // ЭО. 1909. № 4. С. 37-78.

Верещагин Г. Е. Вотяки Сосновского края. Собр. соч. в 6 томах. Т. I. Ижевск. Издание УИИЯЛ УРО РАН, 1995 / Серия «Памятники культуры». 215 с.

Виноградов С. Н. Удмуртские народные узоры и значение их названий. // Об удмуртском фольклоре и литературе. Вып. I / Отв. ред. П. К. Поздеев. Ижевск, 1973. С. 26-40.

Виноградов С. Н. Удмуртская одежда. Ижевск, 1974. 71 с.

Виноградов С. Н. Удмуртская прялка (кубо) // Народное искусство и художественные промыслы / Отв. ред. К. М. Климов. Ижевск, 1980. С.46-51.

Владыкин В. Е. Очерки этнической и социально-политической истории удмуртов. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1969. 22с.

Владыкин В. Е. К вопросу о дохристианских верованиях удмуртов. // Записки УдНИИ. Вып. 22 / Отв. ред. Н. П. Павлов. Ижевск, 1970. С. 141-162.

Владыкин В. Е. К вопросу об этнических группах удмуртов // СЭ. 1970б, № 3. С. 37-47.

Владыкин В. Е. Семейно-родовые культы в дохристианском религиозном комплексе удмуртов // Вопросы этнографии Удмуртии / Отв. ред. В. Е. Владыкин. Ижевск, 1976. С. 49-68.

Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994. 383 с.

Владыкин В. Е., Христолюбова Л. С. История этнографии удмуртов. Ижевск, 1984. 141 с.

Владыкин В. Е., Христолюбова Л. С. Удмурты. // Расы и народы. № 15. / Отв. ред. И. Р. Григулевич. М., 1985. С. 75-107.

Волкова Л. А. Удмуртские женские украшения XIX – начала XX вв. (этнографический обзор коллекции Удмуртского республиканского музея) // Новые исследования по древней истории Удмуртии. / Отв. ред. М. Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УРО АН СССР, 1988. С. 153-172.

Воробьев Н. И. Материальная культура казанских татар. Казань, 1950. *Вотяки* // ВГВ. 1859. № 32.

Гаврилов Б. Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань, 1880. 190 с.

Гаген-Торн Н. И. Женская одежда народов Поволжья. (Материалы к этногенезу.) Чебоксары, 1960. 228 с.

Гарипов Т. М., Кузеев Р. Г. Башкиро-Мадьярская проблема. // Археология и этнография Башкирии. Т. I. / Отв. ред. Р. Г. Кузеев, К. В. Сальников. Уфа, 1962. С. 331-343.

Генинг В. Ф. Этногенез удмуртов по данным археологии // ВФУЯ. Вып. IV. / Отв. Ред. В. И. Алатырев. Ижевск, 1967. С. 271-279.

Генинг В. Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. М.: Наука, 1988. 239 с.

Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. II. СПб., 1799. С. 55-67.

Голдина Р. Д. Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа // Проблемы этногенеза удмуртов. / Отв. ред. М. Г. Атаманов. Устинов, 1987. С. 6-36.

Голдина Р. Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: издательский дом «Удмуртский университет», 2004. 420 с.

Грибова Л. С. Пермский звериный стиль. М., 1975. 148 с.

Грибова Л. С. Декоративно-прикладное искусство народов коми. М., 1980. 238 с.

Гринкова Н. П. Домашние промыслы, связанные с изготовлением одежды у удмуртов Башкирской АССР // СЭ. 1940. № 3. С. 107-141.

Гришкина М. Г. Численность и расселение удмуртов в XVIII в. // Вопросы этнографии Удмуртии / Отв. ред. В. Е. Владыкин. Ижевск, 1976. С. 95-133.

Гришкина М. Г. Крестьянство Удмуртии в XVIII в. Ижевск: УдНИИ, 1977. 188 с.

Гришкина М. В., Владыкин В. Е. Письменные источники по истории удмуртов в IX-XVII вв. // Материалы по этногенезу удмуртов. / Отв. ред. М. Г. Атаманов. Ижевск, 1982. С. 3-42.

Диалектологический атлас I-IV 2009, 2010, 2013, 2014 – Насибуллин Р. Ш., Максимов С. А., Семёнов В. Г., Отставнова Г. В. Диалектологический атлас удмуртского языка. Выпуск 1. Ижевск, 2009. Выпуск 2. Ижевск, 2010. Выпуск 3. Ижевск, 2013. Выпуск 4. Ижевск, 2014.

Дьячков А. Н., Узденников В. В. Монеты в России и СССР. Определитель. М.: Изд-во «Сов. Россия», 1978. 260 с.

Емельянов А. И. Курс по этнографии вотяков: Остатки старинных верований и обрядов у вотяков. Вып. 3. Казань, 1921. 156 с.

Зеленин Д. К. Язычество в Вятской губернии // Жизнь. 1900, № 12. С. 397-402.

Зеленин Д. К. Общие элементы в древних финских и русских костюмах. // Советское финно-угроведение. 1. Ученые записки ЛГУ. Серия востоковедческих наук. Вып. 2 / Отв. ред. Д.В.Бубрих. Л., 1948. С. 81-90.

Зеленин Д. К. Что такое «воршуд»? // Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимии / Отв. ред. В. К. Кельмаков. Ижевск: УдНИИ, 1980. С. 118-132.

Золотницкий Н. И. Корневой чувашско-русский словарь. Казань, 1875. 279 с.

Иванова М. Г. Погребальные памятники северных удмуртов XI – XIII вв.: Монография. Ижевск: Удм. ИИЯЛ УрО РАН. 1992, 184 с.

Иванова М. Г. Иднакар – древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Монография. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 294 с.

Иванова Ю. В. Следы солярного культа // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. / Отв. ред. С. А. Токарев. М.: Наука, 1983а. С. 105-115.

Иванова Ю. В. Обрядовый огонь // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев / Отв. ред. С. А. Токарев. М., Наука, 1983б. С. 116-130.

Ильин М. А. Похороны и поминки вотяков (дер. Купченеево Белебеевского уезда Уфимской губернии). // Вотяки. Труды НОИВК. Вып. 1./ Отв. ред. К. П. Герд, В. М. Налимов. М., 1926а. С. 62-68.

Ильин М. А. Свадебные обычаи и обряды у вотяков. // Труды НОИВК. / Отв. ред. не указан. Ижевск, 1926б. Вып. 2. С. 25-69.

Ильинский В. А. Описание рукописей о финно-угорских народах, хранящихся в ученом архиве Гос. РГО. Л., 1935.

Катаев И. М. Вотяки. СПб., 1901. 46 с.

Кельмаков В. К. Кукморский диалект удмуртского языка. Автореф. дисс... канд. филол. наук. М., 1970. 24 с.

Кельмаков В. К. К истории удмуртов правобережья Вятки // Материалы по этногенезу удмуртов. / Отв. ред. М. Г. Атаманов. Ижевск, 1982. С. 128-144.

Кельмаков В. К. К вопросу о диалектном членении удмуртского языка//Пермистика: вопросы диалектологии и истории пермских языков. / Отв. ред. Б. Ш. Загуляева, В. К. Кельмаков. Ижевск, 1987. С. 26-51.

Кельмаков В. К. Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов. Ижевск, 1993. 443 с.

Коблов Я. О татаризации инородцев Приволжского края // Православный собеседник. Казань, 1911. 23 с.

Козлова К. И. Этнография народов Поволжья. М.: Издательство МГУ, 1964. 175 с.

Козлова К. И. Проблемы изучения этнокультурных контактных зон среднего Поволжья. // Вопросы этнографии Удмуртии. / Отв. ред. В. Е. Владыкин. Ижевск, 1976. С. 39-48.

Козлова К. И. Очерки этнической истории марийского народа. М.: Издательство МГУ, 1978. 345 с.

Козлова К. И. Удмурты. Историко-этнографические очерки. Рецензия // ЭО. 1994. № 3. С. 168-170.

Климов К. М. Удмуртское народное ткачество. Ижевск, 1979. 140 с.

Климов К. М. Женская одежда удмуртов Кировской области конца XIX-нач. XX вв. // Народное искусство и художественные промыслы Удмуртии / Отв. ред. К. М. Климов. Ижевск, 1980. С. 23-34.

Климов К. М. Удмуртское народное искусство. Ижевск, 1988. 199 с.

Корепанов Д. Бесермяне // На удмуртские темы. Ученые записки НИИ народов Советского Востока. Вып. 2. / Отв. ред. не указан. М., 1931. С. 99-106.

Королева Н. С. Вышивка народов Поволжья и Прикамья. Л., 1960. 43 с.

Королева Н. С. Узорное ткачество удмуртов // Искусство Удмуртии / Отв. ред. А. Н. Голубкова, Л. И. Савельева, Е. Ф. Шумилов. Ижевск, 1975. С. 114-141.

Королева Н. С. Удмуртская вышивка XIX-XX вв. // Проблемы развития профессионального и народного искусства Удмуртии / Отв. ред. Е. Ф. Шумилов. Ижевск, 1979. С. 28-43.

Королева Н. С., Климов К. М. Черты общности в народном, декоративном искусстве удмуртов и башкир // Отражение межэтнических связей в народном, декоративном искусстве удмуртов / Отв. ред. К. М. Климов. Ижевск: УдНИИ, 1984. С. 64-73.

Косарева И. А. Удмуртская прялка «кубо» и орнаментация вышитых нагрудников «кабачи» как источник сведений о древнеудмуртских пантеистических представлениях // Вопросы истории и культуры Удмуртии / Отв. ред. Т. И. Останина. Устинов, 1986. С. 47-55.

Косарева И. А. Декор удмуртских деревянных подголовников в контексте народного искусства удмуртов // Удмуртия: новые исследования / Отв. ред. Т. И. Останина. Ижевск, 1991а. С. 132-143.

Косарева И. А. Традиционный женский костюм косинских удмуртов конца XIX - нач. XX века // Хозяйство и материальная культура удмуртов в XIX – XX веках. / Отв. ред. Г. Н. Никитина. Ижевск: УИИЯЛ УРО АН СССР, 1991б. С. 130-156.

Косарева И. А. Традиционная женская одежда слободских удмуртов конца XIX – нач. XX века // Вестник УдГУ, Ижевск, 1994. № 5. С. 45-64.

Косарева И. А. Удмурты Закамья и бесермянская проблематика// О бесермянах. / Отв. ред. Г. К. Шкляев. Ижевск, 1997. С. 55-73

Косарева И. А. Завятские удмурты по материалам традиционной одежды // Вестник УдГУ, Ижевск, 1999. № 5. С.59-77.

Косарева И. А. Традиционная женская одежда периферийных групп удмуртов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000. 226 с.

Косарева И. А. Внутренние информационные связи как имманентное свойство этнографических групп // Коммуникативная природа человека (первые Петраковские чтения). Материалы Российской научно-теоретической конференции. (Ижевск, 31 января 2006). Ижевск: Изд-во Удм. Ун-та. 2006. С. 74-78.

Косарева И. А. Традиционное народное искусство удмуртов верхнеижско-шарканской этнографической группы. // Вестник УдГУ. № 12. Ижевск, 2007. С. 168-170.

Косарева И. А. К проблеме выявления этнографических подразделений удмуртского этноса конца XIX – начала XX в.// Вестник УдГУ. № 2. Ижевск, 2008. С. 135-138.

Косарева И. А. Традиции народного искусства этнографических групп удмуртов// Миромоделирование: гуманитарные и художественные процессы в общественной жизни. Материалы научной конференции «Духовное и материальное наследие в художественной культуре Западного Приуралья». (Ижевск, 16-18 апреля 2008 г.) / Отв. ред. В. Б. Кошаев. Ижевск, 2009. С. 259-262.

Косарева И. А. К вопросу о художественном своеобразии традиционного удмуртского текстиля этнографических групп удмуртов. //

Искусство Евразии вчера, сегодня. / Отв. ред. Н. А. Николаева. Ижевск 2011а. С.53-61.

Косарева И. А. Калмез – Этнографическая группа удмуртов. (Особенности традиционной культуры и локализация) // Вестник Удмуртского университета. № 3. Ижевск, 2011б. С.135-141.

Косарева И. А. Традиционное узорное ткачество удмуртского народа. Ижевск: Издательство «Удмуртский университет», 2011в. 58 с.

Косарева И. А. О социально-культурных группах луда и куалы у удмуртов // Вестник Челябинского университета. 2011г. № 34. С. 12-15.

Косарева И. А. Распространение культа Будды и проблема выявления этнографических подразделений южных удмуртов // Вестник Челябинского университета. 2011д. № 34. С. 16-19.

Косарева И. А. О неизвестных образах удмуртских женщин в работе мастера академической живописи В. П. Верещагина // Искусство Евразии вчера, сегодня / Отв. ред. Е. О. Плеханова. Ижевск, 2012а. С. 39-44.

Косарева И. А. Текстиль этнографических групп удмуртов (К вопросу о художественном своеобразии локальных традиций) // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 1/2012. Часть 2. Москва, 2012б. С. 31-37.

Косарева И. А. Верхнеижско-шарканская этнографическая группа удмуртов в свете проблемы удмуртско-тюркского взаимодействия // Вестник Удмуртского университета. № 1. Ижевск, 2012в. С. 91-96.

Косарева И. А. Среднеижские левобережные удмурты (к проблеме выявления этнографических подразделений удмуртского этноса) // Вестник Удмуртского университета. № 3. Ижевск, 2014. С. 117-122.

Косарева И. А. Алнашско-киясовская подгруппа. К проблеме выявления этнографических подразделений удмуртского этноса // Вестник Удмуртского университета. Вып. 4. Ижевск, 2015а. С. 95-99.

Косарева И. А. Можгинско-малопургинская подгруппа собственно-южных удмуртов // Вестник Челябинского университета. 2015б. № 64. С. 37-41.

Косарева И. А. Художественное решение декора деревянных подголовников в традиции можгинско-малопургинской подгруппы собственно-южных удмуртов // Вестник Челябинского университета. 2015в. № 64. С. 41-44.

Косарева И. А. Водзимоньинская подгруппа собственно-южных удмуртов // Вестник Челябинского университета. 2015г. № 65. С. 17-21.

Косарева И. А. Граховско-южнокизнерская подгруппа собственно-южных удмуртов // Вестник Челябинского университета. 2015д. № 65. С. 22-25.

Косарева И. А. Этнографические подразделения удмуртского народа в бассейне р. Иж // Вестник Северного арктического федерального университета. № 6. Архангельск, 2015е. С. 13-21.

Косвен М. О. Распад родового строя у удмуртов // На удмуртские темы. Ученые записки НИИ народов Советского Востока. Вып. 2. М., 1931. С. 5-35.

Кошурников В. С. Быт вотяков Сарапульского уезда Вятской губернии // ИОАИЭ. Т. 2. Казань, 1879. С. 1-44.

Кремлев А. К. вопросу об отатаривании вотяков Казанской губернии и о мерах просвещения их. Казань, 1913. 6 с.

Крюкова Т. А. Коллекция П. С. Палласа по народностям Поволжья. // Сб. МАЭ. Т. XII. / Отв. ред. С. П. Толстов. Л., 1949. С. 139-159.

Крюкова Т. А. Марийская вышивка. Ленинград: МАР НИИ, ГМЭ, 1951. 194 с.

Крюкова Т. А. Материальная культура марийцев XIX в. Йошкар-Ола, 1956. 160 с.

Крюкова Т. А. Этнокультурные связи удмуртов с народами Поволжья и Приуралья по данным материальной культуры. // ВФУЯ. Вып. 4. / Отв. ред. В. И. Алатырев. Ижевск, 1967. С. 279-286.

Крюкова Т. А. Удмуртское народное изобразительное искусство. Ижевск-Ленинград, 1973. 158 с.

Кузеев Р. Г. К этнической истории башкир в конце I – нач. II тыс. н.э. // Археология и этнография Башкирии. Т. III / Отв. ред. Р. Г. Кузеев. Уфа: ИИЯЛ БФ АН СССР, 1968а. С. 228-248.

Кузеев Р. Г. Развитие хозяйства башкир в X-XIX вв. // Археология и этнография Башкирии. Т. III / Отв. ред. Р. Г. Кузеев. Уфа: ИИЯЛ БФ АН СССР, 1968б. С. 261-321.

Кузеев Р. Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М: Наука, 1992. 347 с.

Кузеев Р. Г., Бабенко В. Я. Этнографические и этнические группы (к проблеме гетерогенности этноса) // Этнос и его подразделения / Отв. ред. Р. Г. Кузеев, В. А. Тишков. М., 1992. С. 13-37.

Кузеев Р. Г., Бикбулатов П. В., Шитова С. Н. Зауральские башкиры (этнографический очерк быта и культуры конца XIX — начала XX вв.) // Археология и этнография Башкирии. Т. I / Отв. ред. Р. Г. Кузеев. Уфа, 1962. С.171-268.

Кузнецов С. К. Общинные порядки у вотяков Мамадышского уезда. // ЭО. 1904. № 4. С. 24-49.

Кулемзин В. М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск: Издательство ТГУ, 1984. 190 с.

Куроптев М. И. Слободской уезд Вятской губернии в географическом и экономическом отношениях. Вятка, 1881. 224 с.

Лащук Л. П. Формирование народности коми. М: Издательство МГУ, 1972. 290 с.

Лащук Л. П. Введение в историческую социологию. Вып. I. 171 с. Вып. II. 148 с. М: Издательство МГУ, 1977.

Лебедева С. Х. Народная одежда удмуртов Ижевск, 2008. 205 с.

Лебедева С. Х., Атаманов М. Г. Костюмные комплексы удмуртов в связи с их этногенезом // Проблемы этногенеза удмуртов / Отв. ред. М. Г. Атаманов. Устинов: УдНИИ, 1987. С. 112-150.

Лебедева С. Х., Христоробова Л. С. Традиционная одежда и украшения. // Удмурты. Историко-этнографические очерки / Отв. ред. В. В. Пименов. Ижевск, 1993. С. 125-140.

Лобачёва Н. П. Что такое свадебный обряд? Опыт изучения содержания брачно-свадебной обрядности // ЭО. 1995. № 4. С. 55-64.

Ложкина Т. А. Удмуртская деревня. Шарканский район. Историко-этнографические этюды. Шаркан, 2005. 131 с.

Луппов П. Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX в. Вятка, 1901. 393 с.

Луппов П. Н. Христианство у вотяков в первой половине XIX в. // Труды ВУАК. Вып. 1-2. Вятка, 1911а. 568 с.

Луппов П. Н. Материалы к истории христианства у вотяков в первой половине XIX в. Вып. 3. Вятка, 1911б. 318 с.

Луппов П. Н. Удмурты Вятской земли в XVII в. // Труды Вятского пединститута. Т. 1. / Отв. ред. П. Т. Решетников. Вятка, 1926. С. 102-107.

Луппов П. Н. Из наблюдений над бытом удмуртов Варзи-Ятчинского края Вотской автономной области // Труды НОИВК. Вып. 3 / Отв. ред. Ф. Стрельцов. Ижевск, 1927. С. 82-114.

Луппов П. Н. Северные удмурты в 16-17 веках // На удмуртские темы. Ученые записки НИИ народов Советского Востока. Вып. 2 / Отв. ред. не указан. М., 1931. С. 112-144.

Луппов П. Н. Удмуртские доли в XVII-XVIII вв. // Записки УдНИИ. Вып. 9. Отв. ред. С. П. Горбушин. Ижевск, 1940. С. 9-28.

Макаров Л. Д. Начальный этап русской колонизации Вятского края. // Вятская земля в прошлом и настоящем. Тезисы докладов и сообщений к научной конференции. Киров, 1989. С.15-16.

Максимов В. А. Молитвенный обряд у глазовских вотяков // Вотяки / Отв. ред. не указан. М.: Общество по изучению вотяцкой культуры, 1926. С. 73-77.

Максимов С. А. Северноудмуртско-коми ареальные лексико-семантические параллели. Рукопись дис... канд. филол. наук. Ижевск, 1999. 177 с.

Маслова Г. С. Народный орнамент верхневолжских карел. // ТИЭ. Новая серия. Т. XI. / Отв. ред. В. И. Чичеров. М., 1951. 158 с.

Маслова Г. С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник. ТИЭ. Новая серия. Т. XXXI / Отв. ред. С. А. Токарев. М., 1956. С. 543-757.

Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов. СПб., 1791. 100 с.

Молотова Т. Л. Марийский народный костюм. Йошкар-Ола, 1992. 109 с.

Миропольский А. Крещенные вотяки Казанского уезда. Их языческие поверья, обряды и обычаи // Православный собеседник. 1876. № 12. С. 351-367.

Мухаметшин Ю. Г. Татары-кряшены. М., 1977. 184 с.

Напольских В. В. Введение в историческую уралоистику. Ижевск: УИИЯЛ УРО РАН, 1997. 266 с.

Напольских В. В. Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта. Ижевск, 2001. 222 с.

Насибуллин Р. Ш. Закамские говоры удмуртского языка. Дисс... канд. филол. наук. М., 1973. 325 с.

Насибуллин Р. Ш. О некоторых особенностях вокализма канлинского говора // Вопросы удмуртской диалектологии / Отв. ред. В. М. Вахрушев. Ижевск, 1977. С. 62-84.

Насибуллин Р. Ш. Наблюдения над языком красноуфимских удмурто // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия / Отв. ред. В. М. Вахрушев. Ижевск, 1978. С. 86-151.

Никольский Н. В. Статистические сведения о вотяках за 1911 г. с указателем литературы о них и изданий на вотском языке. Казань, 1912. 80 с.

О бесермянах. Сборник статей / Отв. ред Г. К. Шкляев. Ижевск: УИИЯЛ УРО РАН, 1997. 139 с.

Оборин В. А. Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. Пермь, 1976. 189 с.

Оборин В. А., Чагин Г. Н. Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. Пермь, 1988. 182 с.

Осокин М. И. Народный быт в северо-восточной России. Записки о Малмыжском уезде. // Современник. 1856, Т. 59, № 9. С. 57-83; Т. 60, № 11. С. 1-40; Т. 60, № 12. С. 179-214.

Островский Д. Н. Вотяки Казанской губернии // Труды Общества естествоиспытателей при Казанском университете. Т. 4. Вып. 1. Казань, 1873. 48 с.

Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 3. СПб., 1788. С.29-37.

Пекарский П. Путешествие академика Николая Иосифовича Делиля в Березов в 1740 г. СПб., 1865. 74 с.

Первухин Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Вятка, 1888-1890. Эскиз I. 1888. 105 с.; Эскиз II. 1888. 141 с.; Эскиз III. 1889. 83 с.; Эскиз IV. 1890. 85 с.; Эскиз V. 1890. 68 с.

Перетяткович Г. Поволжье в XV-XVI вв. Очерки по истории края и его колонизации. М., 1877. 331 с.

Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII вв. (очерки по истории колонизации края). Одесса, 1882. 403 с.

Плесовский Ф. В. Космогонические мифы коми и удмуртов // Этнография и фольклор коми. Сыктывкар, 1972. С. 32-45.

Потанин Г. Н. У вотяков Елабужского уезда // ИОАИЭ. 1884. Т.3. С. 189-255.

Прокина Т. П., Сурина М. И. Мордовский народный костюм. Саранск, 1990. 383 с.

Прыткова Н. Ф. Одежда хантов. // Сб. МАЭ. Т. XV. / Отв. ред. С. П. Толстов. М.-Л., 1953. С. 123-233.

Риттих А. Ф. Материалы для этнографии России. Казанская губерния, XIV. Ч. II. Казань, 1870. С. 201-215.

Романов Н. Н. Краткие очерки уездов Вятской губернии. Вятка, 1875. 225 с.

Рычков П. И. Топография Оренбургская. Ч. 1. СПб., 1762. С. 183-187.

Рычков Н. П. Журнал, или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 гг. Ч. 1. СПб., 1770. 189 с.

Рычков Н. П. Журнал, или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 гг. Ч. 2. СПб., 1772. 104 с.

Савельева Л. И. Вышивка центральных районов Удмуртии // Искусство Удмуртии / Отв. ред. А. Н. Голубкова, Л. И. Савельева, Е. Ф. Шумилов. Ижевск, 1975. С. 85-113.

Савельева Э. А. Пермь Вычегодская: К вопросу о происхождении народа коми. М.: Наука, 1971. 223 с.

Садиков Р. Р. Религиозные верования и обрядность закамских удмуртов (сохранение и преемственность традиции). Дисс... доктор. ист. наук. Ижевск, 2012. 465 с.

Семенов В. А. Удмуртский орнамент. Ижевск, 1964. 56 с.

Семенов В. А. Из истории удмуртского орнамента (III – XII вв.) // ВФУЯ. Вып. IV / Отв. ред. В. И. Алатырев. Ижевск, 1967. С. 287-293.

Семенов В. А. Южные удмурты в XVI вв. (по материалам Ореховского могильника) // Вопросы этнографии Удмуртии / Отв. ред. В. Е. Владыкин. Ижевск, 1976. С. 69-94.

Семенов В. А. К вопросу об этническом составе населения бассейна р. Чепцы (по данным археологии) // Материалы по этногенезу удмуртов / Отв. ред. М. Г. Атаманов. Ижевск, 1982. С. 43-62.

Семенов В. А. Ципьинский могильник XVIII - XIX вв. // Погребальные памятники Прикамья / Отв. ред. М. Г. Иванова. Ижевск, 1987. С. 89-112.

Сенеев Г. А. Восточные марийцы: ист.-этногр. исследование материальной культуры (сер. XIX – нач. XX вв.). Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1975. 245 с.

Симченко Ю. Б. Тамги народов Сибири XVII в. М.: Наука, 1965. 227 с.

Смирнов И. Н. Вотяки // ИОАИЭ. Т. VIII. Вып. 2. Казань, 1890. 308 с.

Смирнов П. А. Финские феодальные города // На удмуртские темы. Ученые записки НИИ народов Советского Востока. Вып. 2. / Отв. ред. не указан. М., 1931. С. 36-75.

Соколова З. П. Эндогамия и этнос // ЭО. 1992. № 3. С. 67-78.

Сорокин П. М. Арские князья в Карино // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1895. Вятка, 1894. С. 45-70.

Стицын А. А. К истории вятских инородцев // Календарь Вятской губернии на 1889 г. Вятка, 1889. С. 207 – 232.

Стицын А. А. Приуральский край. Археологические изыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // МАВГР. Вып. I. М., 1893. 191 с.

Суслова С. В. Женские украшения казанских татар середины XIX – нач. XX в. Казань, 1980. 128 с.

Суслова С. В., Мухамедова Р. Г. Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX – нач. XX вв.) Казань: ФЭН, 2000. 312 с.

Тараканов И. В. Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка (в свете экспериментальных данных): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1959. 20 с.

Тараканов И. В. Об исторических связях удмуртов с другими народами (по данным языка). // Материалы по этногенезу удмуртов / Отв. ред. М. Г. Атаманов. Ижевск, 1982. С. 145-173.

Тараканов И. В. Заимствованная лексика в удмуртском языке. Ижевск, 1982. 188 с.

Тараканов И. В. Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи. Ижевск, 1993. 172 с.

Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967. 538 с.

Татары. Серия «Народы и культуры». / Отв. ред.: Р. К. Уразманова, С. В. Чешко. М.: Наука, 2001. 602 с.

Тезяков Н. И. Вотяки Больше-Гондырской волости. Чернигов, 1892. 89 с.

Тезяков Н. И. Праздники и жертвоприношения у вотяков-язычников (из записной книжки земского врача // Новое слово. № 4. СПб., 1896. С. 1-10.

Тепляшина Т. И. Из наблюдений над фонетическими особенностями шошминского диалекта удмуртского языка // Труды МарНИИ, XV: Вопросы языка, литературы и фольклора. / Отв. ред. И. С. Галкин. Йошкар-Ола, 1961. С. 125-139.

Тепляшина Т. И. Нижнечепецкие говоры севернудмуртского наречия // Записки УдНИИ. Вып. 21. / Отв. ред. В. Н. Захаров. Ижевск, 1970а. С. 156-196.

Тепляшина Т. И. Язык бесермян. М.: Наука, 1970б. 286 с.

Токарев С. А. История русской этнографии. М., 1966. 453 с.

Трефилов Г. Н. Бесермяне по письменным источникам // ВФУЯ. Вып. IV. / Отв. ред. В. И. Алатырев. Ижевск, 1967. С. 310-318.

Удмурт П. И. О религиозных пережитках среди удмуртов // Анти-религиозник. 1934. № 4.

Удмуртская республика. Общегеографическая карта / Главный редактор М. Ф. Ярошенко. Москва, Роскартография, 1994.

Удмуртская Республика. Энциклопедия. Ижевск, Издательство «Удмуртия», 2004. 799 с.

Удмуртские народные сказки. Составитель А. Клабуков, редактор Е. Флейс. Удмуртгосиздат, Ижевск, 1948. 178 с.

Удмурты в XV – XVII вв. Документы по истории Удмуртии XV-XVII вв. Сост. П. Н. Луппов. Ижевск, 1958. 418 с.

Удмурты. Историко-этнографические очерки / Отв. ред. В. В. Пименов. Ижевск, 1993. 387 с.

Фальк И. П. Обзорение округа Казанского. Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России. Т. VI. СПб., 1824.

Федоров Г. Д. Ткацкий и красильный промыслы у вотяков. // Отчеты и исследования по кустарной промышленности России. Т. XI. Ч. II. Пг., 1915. С. 100-111.

Фирсов Н. А. Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве. Казань, 1866. 269 с.

Фирсов Н. А. Инородческое население прежнего Казанского ханства в новой России до 1762 г. и колонизация закамских земель в это время. Казань, 1869. 209 с.

Халиков А. Х. Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. Казань, 1991. 108 с.

Харлампович К. Известия И. Гмелина о Казани и казанских инородцах // ИОАИЭ. Т. XIX. Вып. 5-6. Казань, 1903. 26 с.

Харузина В. Н. Вотяки. М., 1898. 48 с.

Хомяков М. М. Эволюция вотского брака. (Свадебный обряд глазовских вотяков) // ИОАИЭ. Т. 27. Вып. 4. Казань, 1911. С. 271-287.

Хомяков М. М. Вотяки. Введение в антропологическое исследование вотского народа. Казань, 1923. 16 с.

Христолюбова Л. С. Обряды, связанные с рождением ребенка // Этнокультурные процессы в Удмуртии. / Отв. ред. Л. С. Христолюбова. Ижевск, 1978. С. 53-70.

Христолюбова Л. С. Семейные обряды удмуртов. Ижевск, 1984. 127 с.

Худяков М. Г. Вотские родовые деления // ИОАИЭ. Казань, 1920. Т. XXX. Вып. 3. С.339-356; Т. XXXI. Вып. 1. С. 1 – 18.

Худяков М. Культ коня в Прикамье // Известия ГАИМК. Вып. 100. М.-Л., 1933. С. 251-280.

Хрущёва М. Г. О песнях удмуртского календарного праздника «Пёртмаськон» Увинского района // Финно-угорский музыкальный фольклор и его взаимосвязи с соседними культурами / Отв. ред. И. Рюйтел. Таллин, 1980. С. 231-246.

Чернецов В. Н. К истории родового строя у обских угров. // СЭ. М. – Л., 1947. Т. 6-7. С. 159-184.

Чиндина Л. А. Соболь в пластике населения Северного Приобья // Проблемы Западно-Сибирской археологии. Эпоха железа / Отв. ред. Т. Н. Троицкая. Новосибирск: Наука, 1981. С. 144-148.

Чуракова Р. А. Удмуртские свадебные песни. Устинов: Удмуртия, 1986. 147 с.

Чуракова Р. А. Песни южных удмуртов. Выпуск II. УИИЯЛ УРО РАН, Ижевск, 1999. 145 с.

Шестаков В. Глазовский уезд // Вестник РГО. Кн. 26. СПб., 1859. С. 93-114.

Шитова С. Н. Женская одежда северных башкир // Археология и этнография Башкирии. Т. 1. / Отв. ред. Р. Г. Кузеев. Уфа, 1962. С. 283-301.

Шитова С. Н. Народная одежда башкир // Археология и этнография Башкирии. Т.3. / Отв. ред. Р. Г. Кузеев. Уфа, 1968. С. 125-227.

Шитова С. Н. Материальная культура башкир бассейна Юрюзани и Среднего Ая // Археологии и этнография Башкирии. Т. V. / Отв. ред. Р. Г. Кузеев. Уфа, 1973. С. 94-120.

Шитова С. Н. Финно-угорский компонент в народной одежде башкир. // Исследования по исторической этнографии Башкирии / Отв. ред. Р. Г. Кузеев, Л. И. Нагаева. Уфа, 1984. С. 9-28.

Шитова С. Н. Резьба и роспись по дереву у башкир. Уфа: Китап, 2001. 167 с.

Шутова Н. И. К вопросу о расселении аров в конце I – первой половине II тыс. н. э. // Проблемы изучения древней истории удмуртов / Отв. ред. Л. А. Наговицин. Ижевск, 1987. С. 114-132.

Шутова Н. И. Удмурты в XVI – первой половине XIX вв. по данным могильников. Ижевск, 1992. 262 с.

Шутова Н. И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции. Ижевск, 2001. 301 с.

Шутова Н. И. Женские головные уборы удмуртов XVII – нач. XXв. (археолого-этнографические параллели) // Краткие сообщения института археологии / Отв. ред. Н. А. Макаров, В. И. Завьялов. М.: Наука. Вып. 222. С. 207-208.

Шутова Н. И. «Йыршет» – женский головной убор удмуртов-калмезов // Герценка: Вятские записки. Вып. 19. / Отв. ред. В. А. Коршунков. Киров, 2011. С. 67-71.

Яковлев И. В. Из жизни пермских вотяков Гондырского края (общественные празднества, моления обряды) // ИОАИЭ. Т. 19. Вып. 3-4. С. 183-195.

Яковлев И. В. Заметка о священном озере вотяков Казанского уезда и моления на нем. // ИОАИЭ. Т. 19. Вып. 3-4. С. 204-207.

Tilke M. Studien zu der Entwicklungsgeschichte der orientalischen Kostüms. Berlin, 1923.

Список информаторов

*В тех случаях, когда информаторы проживают в одной деревне, а родились в другой, указано и место их проживания, и место рождения. Если они проживают в родной деревне, указано только место их проживания.

Увинский район

1. Воронкова Таисия Егоровна 1926 г. р., д. Сям-Можга, ур. д. Муковыр
2. Базилевских Анна Александровна 1926 г. р., д. Сям-Можга, ур. д. Поршур
3. Бегтягина Мария Павловна 1915 г. р., д. Пуштовой, ур. д. Гульсо
4. Лопатина Галина Матвеевна 1946 г. р., д. Пуштовой
5. Пислегина Елизавета Кузьмовна 1930 г. р. д. Пуштовой
6. Лопатина Фаина Васильевна 1963 г. р., д. Сюровой
7. Мезрина Антонина Александровна 1930 г. р., д. Сюровой
8. Лопатина Екатерина Савельевна 1923 г. р., д. Сюровой
9. Холмогорова Галина Васильевна 1955 г. р., д. Сюровой, ур. д.

Пунем

10. Чабишурова Нина Павловна 1939 г. р., д. Чабишур
11. Ложкина Раиса Тимофеевна 1939 г. р., д. Чабишур
12. Степанова Меланья Ивановна 1921 г. р., д. Узей Тукля
13. Ширяева Дарья Савельевна 1923 г. р., д. Узей Тукля
14. Сидорова Зинаида Кирилловна 1929 г. р., д. Узей-Тукля, ур. д.

Удмуртская Тукля

15. Глазырина Анастасия Петровна 1925 г. р., д. Узей-Тукля, ур. д.

Ураково

16. Дедюхина Серафима Ивановна 1933 г. р., д. Возеншур, ур. д.

Максимовцы

17. Филимонова Анна Платоновна 1926 г. р., д. Возеншур, ур. д. Старая Тукля
18. Вылегжанина Зинаида Леонтьевна 1938 г. р., д. Возеншур, ур. д. Федулово
19. Темкина Анна Ивановна 1927 г. р., д. Возеншур, ур. д. Поршур
20. Ирисова Зоя Леонтьевна 1923 г. р., д. Темкино, ур. д. Пуштовой
21. Шишкина Зоя Яковлевна 1939 г. р., д. Темкино
22. Эсенкулова Ираида Александровна 1957 г. р., д. Поршур-Тукля, ур. д. Елмаш
23. Гребина Калиста Петровна 1941 г. р., д. Поршур-Тукля
24. Решетникова Юлия Игнатьевна 1941 г. р., д. Поршур-Тукля
25. Решетникова Марина Павловна 1972 г. р., д. Поршур-Тукля, ур. д. Чабишур
26. Наталья Ивановна Тратканова 1939 г. р., пос. Ува, ур. д. Чабишур
27. Кудрявцева Ольга Григорьевна 1924 г. р., д. Н.Мултан
28. Булатова Анна Митрофановна 1932 г. р., д. Итчигурт
29. Елмашева Тамара Ивановна 1930 г. р., д. М.Сюрзи
30. Соколова Антонина Ивановна 1931 г. р., д. М.Сюрзи, ур. д. Елмаш
31. Мохова Александра Яковлевна 1925 г. р., д. Малые Сюрзи, ур. д. Максимовцы
32. Косарева Раида Петровна 1930 г. р., д. М.Сюрзи
33. Запасова Тамара Григорьевна 1929 г. р., с. Удугучин
34. Однокулова Нина Ильинична 1929 г. р., д. Кочиш
35. Эсенкулова Валентина Владимировна 1929 г. р., д. Кочиш
36. Булдакова Елена Трифионовна 1926 г. р., д. Кочиш
37. Люкина Мария Кирилловна 1930 г. р., д. Пислег, ур. д. Юмга-Омга Селтинского района
38. Камаева Антонида Семеновна 1927 г. р., д. Пислег
39. Мошкина Валентина Никаноровна 1932 г. р., д. Пислег
40. Иванова Лидия Еремеевна 1931 г. р., д. Пислег
41. Люкина Зоя Владимировна 1928 г. р., д. Пислег
42. Люкина Нина Иосифовна 1932 г. р., д. Пислег
43. Мария Ивановна Перевощикова 1931 г. р., д. Удм. Тыловой

44. Анна Александровна Загребина 1930 г. р., д. Зиновей
45. Блинова Раиса Михайловна 1933 г. р., д. Пужмесь-Тукля
46. Березина Антонина Николаевна 1936 г. р., д. Пужмесь-Тукля
47. Бородина Ольга Степановна 1933 г. р., д. Пужмесь-Тукля
48. Охотникова Зинаида Григорьевна 1933 г. р., д. Пужмесь-Тукля,
ур. д. Пошур
49. Чашкина Анастасия Васильевна 1931 г. р., д. Пужмесь-Тукля
50. Светлакова Римма Серафимовна 1940 г. р., д. Мульшур, ур. д.
Верхний Яголуд Вавожского района
51. Вавилов Анатолий Прокофьевич 1932 г. р., д. Мульшур
52. Семакова Наталья Спиридоновна 1931 г. р., д. Мульшур, ур. д.
Динтем-Вамья
53. Филиппова Варвара Владимировна 1929 г. р., д. Мульшур
54. Обухова Евгения Степановна 1936 г. р., с. Кыйлуд
55. Митрофанова Юлия Петровна 1941 г. р., д. Н. Кыйлуд
56. Петров Владимир Михайлович 1957 г. р., д. Динтем-Вамья
57. Петрова Василиса Гавриловна 1914 г. р., д. Динтем -Вамья
58. Соловьева Мария Васильевна 1940 г. р., д. Динтем –Вамья, ур.д.
Новая Вамья
59. Попова Антонида Даниловна 1934 г. р., д. Киби-Жикья, ур. д.
Жуё-Мога Вавожского района
60. Зайцева Лидия Устиновна 1937 г. р., д. Киби-Жикья, ур. д. Баш-
мур
61. Онегова Валентина Григорьевна 1934 г. р., д. Киби-Жикья
62. Дядькин Борис Иванович 1939 г. р., д. Киби-Жикья
63. Зыкина Анисья Поликарповна 1934г. р., д. Кочур
64. Дмитриева Анисья Михайловна 1930 г. р., д. Кочур
65. Иванова Евгения Петровна 1932 г. р., д. Кочур
66. Красильникова Татьяна Андреевна 1932 г. р., д. Новая Вамья,
ур. д. Сухая Видзя
67. Дедюхина Лидия Александровна 1932 г. р., д. Сухая Видзя
68. Токарева Нина Кирилловна 1927 г. р., д. Новая Вамья, ур. д.
Удмуртский Вишур
69. Григорьева Прасковья Даниловна 1937 г. р., д. Новая Вамья ур.
д. Каменное

70. Бочеева Татьяна Егоровна 1934 г. р., д. Н. Вамья
71. Акнаева Екатерина Николаевна 1966 г. р., д. Н. Вамья
72. Григорьева Татьяна Вениаминовна 1969 г. р., д. Н. Вамья
73. Пахомова Раиса Николаевна 1939 г. р., д. Новая Вамья
74. Романова Зоя Фёдоровна 1924 г. р., д. Новая Вамья
75. Кириллова Татьяна Александровна 1937 г. р., д. Пунем, ур. д.

Караваево

76. Моромова Елена Фипповна 1938 г. р., д. Пунем
77. Борисова Клавдия Никитична 1928 г. р., д. Пунемур, ур. д. Дин-

тем-Вамья

78. Акборисова Елена Николаевна 1924 г. р., д. Пунем, ур. д. Мель-

никово Можгинского района

79. Лебедева Елизавета Лукояновна 1921 г. д., Б. Жужгес
80. Карпова Ефросинья Макаровна 1932 г. р., д. Б. Жужгес
81. Кузнецова Мария Ермолаевна 1933 г. р., д. Б. Жужгес
82. Павлова Ульяна Ивановна 1915 г. р., д. Б. Жужгес, ур. д. Малый

Жужгес

83. Морозова Лидия Николаевна 1931 г. р., д. Ува-Тукля
84. Косихина Валентина Николаевна 1938 г. р., д. Тимошур-Чунча,

ур. д. Старая Чунча

85. Камаева Зоя Михайловна 1931 г. р., д. Ст. Чунча
86. Баширова Ольга Филипповна 1928 г. р., д. Ольховка
87. Квалтырева Лидия Петровна 1933 г. р., д. Рябиновка.
88. Аднакулова Елизавета Дементьевна 1938 г. р., д. Рябиновка, ур.

д. Сизяшур Малопургинского района.

Сюмсинский район

1. Сметанина Мария Ивановна 1921 г. р., д. Выселок
 2. Воронова Лидия Серафимовна 1951 г. р., д. Выселок, ур. д. Ста-
- рые Какси**
3. Чернышева Наталья Андреевна 1925 г. р., д. Выселок, ур. д. Ста-
- рые Какси**
4. Яблоков Василий Гаврилович 1930 г. р., д. Выселок, ур. д. Нукнур
 5. Пантюхина Екатерина Николаевна 1927 г. р., д. Выселок
 6. Пинегина Екатерина Сергеевна 1929 г. р., д. Удм. Бобья

7. Лебедева Пелагея Ефимовна 1928 г. р., д. Удм. Бобья
8. Возисова Валентина Ильинична 1929 г. р., д. Туканово
9. Домрачева Ульяна Павловна 1933 г. р., д. Туканово, ур. д. Куака-
вай
10. Ильиных Евдокия Михайловна 1938 г. р., д. Туканово
11. Меньшикова Любовь Николаевна 1940 г. р., д. Туканово
12. Шубина Евгения Ивановна 1945 г. р., д. Гуртлуд
13. Георгиевских Нина Яковлевна 1942 г. р., д. Гуртлуд
14. Ватшурова Нина Яковлевна 1948 г. р., д. Гуртлуд
15. Кузьминых Антонина Константиновна 1941 г. р., д. Гуртлуд
16. Мальцева Анастасия Ивановна 1929 г. р., д. Правые Гайны
17. Кузьминых Василий Иванович 1941 г. р., д. Правые Гайны
18. Кузьминых Зоя Григорьевна 1923 г. р., д. Правые Гайны
19. Гурьянова Валентина Ивановна 1954 г. р., д. Кейлуд, ур. д. Ку-
акавай
20. Харина Тамара Степановна 1934 г. р., д. Кейлуд
21. Возисова Екатерина Ивановна 1928 г. р., д. Вылынгурт
22. Возисова Антонида Дмитриевна 1933 г. р., д. Вылынгурт
23. Добрякова Ольга Федоровна 1937 г. р., д. Малые Сюмси
24. Медведева Антонида Алексеевна 1925 г. р., д. Малые Сюмси
25. Сметанина Мария Ивановна 1932 г. р., д. Пумси, ур. д. Малые
Сюмси
26. Шишкина Раиса Степановна 1938 г. р., д. Бадзимлуд
27. Стулова Антонина Семеновна 1936 г. р., д. Бадзимлуд
28. Студитских Вера Антоновна 1955 г. р., с. Гура
29. Ложкина Раиса Васильевна 1925 г. р., с. Гура
30. Студитских Любовь Васильевна 1940 г. р., с. Гура
31. Соломина Нина Степановна 1941 г. р., с. Гура
32. Соломин Виктор Тимофеевич 1944 г. р., с. Гура, ур. д. Визил
33. Зяблицева Зинаида Яковлевна 1929 г. р., с. Гура, ур. д. Балма
34. Мезенцева Надежда Викторовна 1961 г. р., с. Гура, ур. д. Лемы
35. Заплетаева Анна Романовна 1922 г. р., д. Н. Гайны, ур. с. Зон
36. Шутова Мария Ильинична 1940 г. р., д. Ст. Гайны, ур. д. Бад-
зимлуд
37. Заплетаева Раиса Андреевна 1929 г. р., д. Ст. Гайны

38. Заплетаев Владимир Яковлевич 1932 г. р., д. Ст. Гайны
39. Ермолаева Нина Васильевна 1935 г. р., д. Зятцы
40. Пасынкова Татьяна Михайловна 1949 г. р., д. Зятцы
41. Барсуков Виктор Данилович 1946 г. р., д. Зятцы
42. Осипова Анфиса Дмитриевна 1930 г. р., д. Лемы, ур. д. Зятцы
43. Осипова Мария Яковлевна 1939 г. р., д. Лемы, ур. д. Старые

Гайны

44. Булычев Сергей Петрович 1936 г. р., д. Балма, ур. д. Визил
45. Веслов Николай Николаевич 1935 г. р., д. Балма
46. Борисова Елизавета Николаевна 1941 г. р., д. Балма
47. Чернова Таисия Захаровна 1942 г. р., д. Балма
48. Соловьева Елизавета Дмитриевна 1913 г. р., д. Балма, ур. д. Ста-

рые Какси

49. Шмыкова Раиса Кирилловна 1938 г. р., д. Балма
50. Пекина Анастасия Кузьмовна 1929 г. р., д. Балма
51. Юберова Валентина Яковлевна 1926 г. р., с. Муки-Какси, ур. д.

Старые Какси

52. Саватьева Лидия Гурьяновна 1936 г. р., с. Муки-Какси, ур. д.

Кунжек Кильмезского района Кировской области

53. Лебедева Зоя Николаевна 1936 г. р., д. Удм. Вишорки
54. Кузнецова Аксинья Ивановна 1937 г. р., д. Блажюсь, ур. д. Кузь-

мино

55. Кудрявцева Евдокия Николаевна 1929 г. р., д. Блажюсь, ур. д.

Карпово

Селтинский район

1. Шибанова Антонида Дмитриевна 1952 г. р., д. Халды, ур. д. Пис-

лег Увинского района

2. Вострикова Галина Петровна 1951 г. р., д. Халды, ур. д. Толошур
3. Пантюхина Зинаида Егоровна 1934 г. р., д. Халды, ур. д. Малая

Балма

4. Полькина Клавдия Акимовна 1927 г. р., д. Халды, ур. д. Выселок

Сюмсинского района

5. Жуйкова Анна Семеновна 1926 г. р., д. Халды, ур. д. Ульмоль
6. Игнатьева Анастасия Ивановна 1932 г. р., д. Толошур, ур. д. Уд-

мурткая Бия

7. Столбова Вера Михайловна 1929 г. р., д. Толошур
8. Игнатъева Анна Маркеловна 1931 г. р., д. Толшур, ур. д. Бигеней
9. Игнатъева Таисия Семеновна 1931 г. р., д. Толошур
10. Игнатъева Таисия Васильевна 1927 г. р., д. Толошур
11. Сутягина Валентина Петровна 1952 г. р., д. Прой-Балма
12. Александрова Нина Алексеевна 1935 г. р., д. Прой-Балма
13. Филиппов Анатолий Михайлович 1934 г. р., д. Прой-Балма
14. Филиппова Клавдия Пантелеевна 1934 г. р., д. Прой-Балма
15. Бельтюкова Елизавета Николаевна 1927 г. р., д. Прой-Балма
16. Филатова Елизавета Кузьмовна 1929 г. р., д. Бегеней
17. Филатов Трофим Антонович 1928 г. р., д. Бегеней
18. Агафонова Глафира Владимировна 1932 г. р., д. Бегеней
19. Сидоров Александр Алексеевич 1929 г. р., д. Бегеней
20. Данилова Тамара Андреевна 1939 г. р., пос. Виняшур-Бия, ур. д. Чужъял
21. Никандрова Надежда Петровна 1932 г. р., д. Уть-Сюмси, ур. д. Чужъял
22. Дюпина Любовь Тимофеевна 1931 г. р., д. Уть-Сюмси, ур. д. Латыри
23. Богданов Александр Михайлович 1934 г. р., д. Уть-Сюмси, ур. д. Ботино
24. Симонова Лидия Лукьяновна 1930 г. р., д. Ботино
25. Дрягина Екатерина Ермиловна 1913 г. р., д. Ботино, ур. д. Кучёр
26. Прокушева Галина Федоровна 1941 г. р., д. Ботино, ур. д. Мукшур
27. Чиркова Римма Николаевна 1935 г. р., д. Ботино
28. Соколова Александра Константиновна 1938 г. р., д. Мадырово
29. Воробьева Таисия Ефремовна 1934 г. р., д. Мадырово
30. Соколова Надежда Федоровна 1924 г. р., д. Мадырово
31. Зайцева Лидия Григорьевна 1930 г. р., д. Лудзи-Жикья
32. Черепанова Екатерина Ивановна 1929 г. р., д. Лудзи-Жикья
33. Коробова Антонина Ильинична 1938 г. р., д. Лудзи-Жикья, ур. д. Кейлуд-Зунья
34. Маргарита Серафимовна Смелова 1937 г. р., д. Юмга-Омга, ур. д. Иткулат

35. Рябинин Иван Трофимович 1946 г. р., д. Кейлуд-Зунья
36. Редькина Анна Семеновна 1929 г. р., д. Кейлуд-Зунья
37. Редькин Василий Алексеевич 1929 г. р., д. Кейлуд-Зунья
38. Ворончихина Варвара Николаевна 1944 г. р., д. Кейлуд-Зунья
39. Анчукова Лидия Витальевна 1952 г. р., д. Эшмедьгурт, ур. д. Большой Чибирь
40. Эскендерова Антонида Семеновна 1947 г. р., д. Эшмедьгурт, ур. д. Кожиль
41. Зорина Зоя Кирилловна 1929 г. р., д. Эшмедьгурт, ур. д. Юмга-Выселок
42. Шиляева Лидия Петровна 1950 г. р., д. Эшмедьгурт
43. Вострикова Анна Ивановна 1924 г. р., д. Гобгурт, ур. д. Орловский Выселок
44. Кудрина Мария Васильевна 1924 г. р., д. Гобгурт
45. Арасланова Валентина Николаевна 1953 г. р., д. Мугло
46. Крылова Анастасия Семеновна 1924 г. р., д. Мугло, ур. д. Сюрзи
47. Зворыгина Мария Михайловна 1926 г. р., д. Мугло, ур. д. Узей-Тукля Увинского района
48. Лебедева Любовь Афанасьевна 1923 г. р., д. Б. Нырья, ур. д. Кельмовыр-Жикья
49. Обухова Алевтина Николаевна 1923 г. р., д. Б. Нырья
50. Обухов Вячеслав Алексеевич 1940 г. р., д. Б. Нырья
51. Борисова Нина Яковлевна 1932 г. р., д. Н. Жикья, ур. д. Чибьяншур
52. Соловьева Анна Федоровна 1939 г. р., д. Н. Жикья, ур. д. Сюромошур
53. Бушмакина Раиса Николаевна 1933 г. р., д. Н. Жикья, ур. д. Зеншур
54. Яркина Августа Александровна 1927 г. р., д. Н. Жикья, ур. д. Чибьяншур
55. Лобанова Мария Федоровна 1922 г. р., д. Кельмовыр-Жикья
56. Русских Александра Ивановна 1921 г. р., д. Аксеновцы.
57. Александрова Августа Ивановна 1938 г. р., д. Малый Жайгил, ур. д. Малая Кильмезь-Бия
58. Александрова Алевтина Алексеевна 1952 г. р., д. Малый Жайгил

59. Александров Дмитрий Сергеевич 1948 г. р., д. Малый Жайгил
60. Столбов Михаил Максимович 1933 г. р., д. Квашур
61. Столбова Зинаида Степановна 1932г. р., д. Квашур
62. Столбова Нина Ивановна 1951 г. р., д. Квашур
63. Веселкова Галина Ивановна 1950 г. р., д. Квашур
64. Столбова Серафима Ивановна 1930 г. р., д. Квашур
65. Пучкова Зоя Ивановна 1952 г. р., д. Большая Кильмезь-Бия, ур. д. Квашур
66. Пучкова Ольга Владимировна 1979 г. р., д. Большая Кильмезь-Бия, ур. д. Якимовцы
67. Александрова Клавдия Егоровна 1933 г. р., д. Пажгурт, ур. д. Мустай
68. Морозова Августа Николаевна 1941 г. р., д. Уметьгурт, ур. д. Большойт Чибирь
69. Морозова Анна Сергеевна 1931 г. р., д. Уметьгурт, ур. д. Авангард
70. Савинцева Раиса Степановна 1936 г. р., д. Лыстем
71. Репина Таисия Николаевна 1931 г. р., д. Лыстем, ур. д. Пурга Якшур-Бодьинского района
72. Дроздова Варвара Александровна 1928 г. р., д. Бабашур
73. Королева Мария Ивановна 1930 г. р., д. Бабашур
74. Королева Раиса Ивановна 1926 г. р., д. Бабашур
75. Королева Эмма Ильинична 1939 г. р., д. Бабашур

Красногорский район

1. Варфоломеева Зоя Ивановна 1936 г. р., д. Новое Кычино
2. Семенова Глафира Константиновна 1937 г. р., д. Тура
3. Семенова Надежда Степановна 1936 г. р., д. Тура, ур. д. Агриколь
4. Шишова Нина Александровна 1932 г. р., д. Чумаки, ур. д. Шиши
5. Иванова Мария Сергеевна 1927 г. р., д. Удм. Караул
6. Невоструева Глафира Вениаминона 1955 г. р., д. Удм. Караул
7. Бакулева Валентина Георгиевна 1938 г. р., с. Дебы
8. Алексеева Феклинья Фомеевна 1938 г. р., д. Юшур
9. Алексеев Леонид Иванович 1933 г. р., д. Юшур

Игринский район

1. Шишокина Валентина Петровна 1932 г. р., д. Мучи
2. Шмелева Зоя Ильинична 1932 г. р., д. Мучи
3. Шмелев Виталий Семенович 1941 г. р., д. Мучи
4. Костянникова Любовь Ивановна 1932 г. р., д. Шушангурт
5. Соколова Мария Васильевна 1928 г. р., д. Шушангурт

Якшур-Бодьинский район

1. Вахрушева Клавдия Николаевна 1930 г. р., д. Кенеровай
2. Никитина Лидия Максимовна 1930 г. р., д. Кенеровай
3. Владыкина Валентина Григорьевна 1934 г. р., д. Кенеровай
4. Широбокова Елена Афанасьевна 1935 г. р., д. Кенеровай
5. Вахрушева Анастасия Павловна 1933 г. р., д. Кечшур, ур. д. Кушто Шарканского района

6. Вахрушева Ольга Сергеевна 1932 г. р., д. Мукши, ур. д. Урсо
7. Вахрушева Раиса Филипповна 1931 г. р., д. Мукши
8. Максимова Зинаида Андреевна 1924 г. р., д. Мукши
9. Абросимова Февронья Николаевна 1924 г. р., д. Мукши
10. Мадьярова Раиса Денисовна 1928 г. р., д. Чекерово
11. Шкляева Раиса Васильевна 1938 г. р., д. Иж-Забегалово, ур. д.

Кечур

12. Вахрушева Руфима Ивановна 1928 г. р., д. Иж-Забегалово, ур. д. Бегеш

13. Вахрушева Антонида Федоровна 1924 г. р., д. Б.Ошворцы, ур. д. Лудошур

14. Широбоков Михаил Филиппович 1935 г. р., д. Б.Ошворцы

15. Широбокова Мария Андреевна 1938 г. р., д. Б.Ошворцы

16. Вахрушева Алевтина Ивановна 1940 г. р., д. Б.Ошворцы

17. Балтачева Раиса Ивановна 1938 г. р., д. Ст. Зятцы, ур. д. Новокаменцы

18. Кудрявцева Анисья Васильевна 1930 г. р., д. Лынвай

19. Козлова Маргарита Васильевна 1929 г. р., д. Каравай

20. Козлов Аркадий Николаевич 1928 г. р., д. Каравай

21. Анисья Федоровна Суслопарова 1927 г. р., д. Каравай

22. Суслопаров Иван Кузьмич 1926 г. р., д. Каравай

23. Грязева Людмила Петровна 1936 г. р., д. Варавай
24. Ильминских Федосья Игнатъевна 1927 г. р., д. Варавай
25. Веретенникова Нина Тимофеевна 1918 г. р., д. Варавай
26. Булдакова Елена Трифоновна 1926 г. р., д. Кочиш
27. Эсенкулова Валентина Владимировна 1929 г. р., д. Кочиш
28. Однокулова Нина Ильинична 1922 г. р., д. Кочиш
29. Эсенкулова Раиса Ивановна 1941 г. р., д. Кочиш
30. Загребина Анна Ивановна 1917 г. р., д. Алгазы, ур. д. Лозо-Ворцы
31. Мадьярова Алевтина Афанасьевна 1939 г. р., д. Алгазы, ур. д. Ивановцы
32. Харина Мария Прокопьевна 1925 г. р., д. Алгазы.
33. Вахрушева Анастасия Прокопьевна 1927 г. р., д. Нижний Пислеглуд, ур. д. Бабашур
34. Агеева Апполинария Константиновна. 1940 г. р., д. Нижний Пислеглуд, ур. д. Малая Бодья
35. Агеева Ульяна Александровна 1917 г. р., д. Нижний Пислеглуд
36. Вахрушева Эмма Ивановна 1937 г. р., д. Выжоил
37. Вахрушева Раиса Николаевна 1931 г. р., д. Выжоил
38. Широбокова Эмилия Петровна 1932 г. р., д. Выжоил
39. Широбокова Римма Семеновна 1940 г. р., д. Порва, ур. д. Прыч
40. Байкузина Анна Алексеевна 1939 г. р., д. Сюровой, ур. с. Якшур-Бодья
41. Бушмакина Раиса Сидоровна 1939 г. р., д. Сюровой
42. Мерзлякова Нина Александровна 1939 г. р., д. Сюровой
43. Дементьева Нина Степановна 1944 г. р., д. Малая Итча, ур. д. Билигурт
44. Шумилова Алевтина Аркадьевна 1952 г. р., д. М.Итча, ур. д. Эрестем
45. Ермолина Евгения Ивановна 1934 г. р., д. Малая Итча, ур. д. Сундошур
46. Шумилова Любовь Владимировна 1959 г. р., д. Малая Итча, ур. д. Соловей
47. Мокрушина Алевтина Анатольевна 1957 г. р., с. Чур

48. Вахрушева Анастасия Николаевна 1925 г. р., д. Пислеглуд, ур. д. Якшур

49. Широбокова Анна Сергеевна 1947 г. р., д. Пислеглуд

Шарканский район

1. Кожевникова Клавдия Михайловна 1914 г. р., д. Зюзино

2. Кожевникова Тамара Федоровна 1944 г. р., д. Зюзино

3. Караваев Михаил Сергеевич 1936 г. р., д. Усково

4. Караваева Сира Александровна 1933 г. р., д. Усково, ур. д. Мувожо

5. Васильева Фаина Юрьевна 1952 г. р., д. Усково

6. Загуляева Галина Филипповна 1930 г. р., д. Усково, ур. д. Сельшур

7. Будина Елизавета Степановна 1924 г. р., д. Ягвайдур, ур. д. Колпаки

8. Никитина Алевтина Константиновна 1928 г. р., д. Ягвайдур

9. Кузьмина Серафима Фёдоровна 1921 г. р., д. Ягвайдур, ур. д. Дырдашур

10. Никитина руфина Алексеевна 1930 г. р., с. Зюзино, ур. д. Кусогурт

11. Агафонова Елена Евгеньевна 1964 г. р., с. Зюзино

12. Артемьева Нина Геннадьевна 1949 г. р., с. Зюзино

13. Корепанова Надежда Анатольевна 1937 г. р., с. Зюзино, ур. д. Колпаки

14. Кожевникова Клавдия Михайловна 1913 г. р., с. Зюзино

15. Ложкина Вера Николаевна 1955 г. р., д. Дырдошур, ур. д. Малая Ига

16. Серебрякова Ефросинья Сергеевна 1919 г. р., д. Дырдошур

17. Серебрякова Эвелина Петровна 1951 г. р., д. Дырдошур

18. Кардапольцева Анастасия Егоровна 1938 г. р., д. Кельдыш, ур. д. Лып-Селяны

19. Осотова Валентина Викторовна 1936 г. р., д. Удмуртские Альцы

20. Герасимова Фаина Павловна 1928 г. р., д. Удмуртские Альцы

21. Лопатина Галина Александровна 1938 г. р., д. Удмуртские Альцы

22. Лопатин Сергей Александрович 1969 г. р., д. Удмуртские Альцы.
23. Захарова Маргарита Алексеевна 1940 г. р., д. Кыква
24. Филатов Бенедикт Фёдорович 1930 г. р., д. Кыква
25. Кузнецова Нина Архиповна 1931 г. р., д. Кыква, ур. д. Верхняя Сюрзя
26. Перевозицкова АннаИвановна 1919 г. р., д. Малый Билиб
27. Бутолина Маиса Павловна 1934 г. р., д. Малый Билиб, ур. д. Титово
28. Перевозицкова Капитолина Васильевна 1933 г. р., д. Малый Билиб
29. Перевозицкова Ева Константиновна 1931 г. р., д. Малый Билиб
30. Романова Маиса Леонтьевна 1941 г. р., д. Нижние Кивары
31. Лекомцева Таисия Павловна 1929 г. р., д. Нижние Кивары
32. Юферова Екатерина Демидовна 1941 г. р., д. Верхние Кивары, ур. д. Вишур-Пурга
33. Кардапольцева Валентина Павловна 1922 г. р., д. Верхние Кивары ур. д. Кельдыш
34. Серебрякова Евгения Ивановна 1938 г. р., д. Козино, ур. д. Байкино
35. Хохрякова Варвара Прокопьевна 1931 г. р., д. Козино, ур. д. Быги
36. Едыгарова Таисия Гавриловна 1933 г. р., д. Гондырвай, ур. д. Новый Пашур
37. Семёнова Клавдия Прокопьевна 1922 г. р., д. Гондырвай, ур. д. Козино
38. Аникина Раиса Васильевна 1934 г. р., д. Гондырвай
39. Гондырева Прасковья Ивановна 1925 г. р., д. Гондырвай
40. Горячева Роза Архиповна 1930 г. р., д. Карсашур
41. Лопатина Евгения Анатольевна 1950 г. р., д. Порозово, ур. д. Пустополье
42. Лопатина Венера Гавриловна 1929 г. р., д. Порозово, ур. д. Нижний Шаркан
43. Кондратьева Анелия Ивановна 1948 г. р., д. Порозово, ур. д. Большой Билиб
44. Туданова Эля Ивановна 1941 г. р., д. Порозово

45. Широбокова Алевтина Афанасьевна 1936 г. р., д. Порозово
46. Широбокова Мария Кондратьевна 1932 г. р., д. Чужегово
47. Корепанова Раиса Михайловна 1933 г. р., д. Чужегово, ур.с.Шаркан
48. Максимова Павла Захаровна 1933 г. р., д. Чужегово
49. Максимова Лидия Ефимовна 1942 г. р., д. Чужегово, ур. д. Карсашур
50. Перевощикова Татьяна Андреевна 1941 г. р., д. Пашур-Вишур, ур. д. Табанево
51. Загребина Антонида Ивановна 1926 г. р., д. Пашур-Вишур
52. Буранова Наталья Никитична 1910 г. р., д. Пашур-Вишур, ур. д. Табанево
53. Бехтерева Ксения Александровна 1933 г. р., д. Пашур-Вишур.
54. Семёнова Лидия Ивановна 1934 г. р., д. Пашур-Вишур.
55. Николаева Екатерина Николаевна 1946 г. р., д. Пашур-Вишур
56. Лапина Роза Ильинична 1929 г. р., д. Пашур-Вишур
57. Бехтерева Галина Лаврентьевна 1932 г. р., д. Старые Быги, ур. д. Дэдэ
58. Волкова Мария Семёновна 1912 г. р., д. Старые Быги
59. Савельева Лидия Ивановна 1938 г. р., д. Старые Быги
60. Кузьмина Маргарита Ивановна 1926 г. р., д. Старые Быги
61. Сергеева Тамара Ивановна 1932 г. р., д. Нижний Казес Ур. д. Кион-Липето
62. Перевощикова Екатерина Николаевна 1935 г. р., д. Нижний Казес, ур. д. Верхний Казес
63. Тополева Зоя Николаевна 1925 г. р., д. Нижний Казес, ур.д. Верхний Казес
64. Соколова Мария Трофимовна 1940 г. р., д. Старый Пашур
65. Никитина Анастасия Михайловна 1927 г. р., д. Старый Пашур, ур. д. Новый Пашур
66. Шитова Таисия Михайловна 1924 г. р., д. Старый Пашур
67. Поткина Антонида Степановна 1942 г. р., с. Сосновка, ур. д. Новый Пашур
68. Сергеева Нина Наумовна 1932 г. р., д. Малый Казес
69. Фёдорова Эмма Яковлевна 1940 г. р., д. Малый Казес.

70. Титов Александр Павлович 1931 г. р., д. Малый Казес, ур. поч. Шигьянский

71. Перевозицкова Глафира Фёдоровна 1932 г. р., д. Малый Казес.

72. Перевозицкова Екатерина Павловна 1937 г. р., д. Малый Казес

73. Перевозицкова Екатерина Андреевна 1928 г. р., д. Старые Быги.

74. Медведева Евдокия Ефремовна 1914 г. р., д. Титово, ур.д. Старый Пшур

75. Медведева Ефросинья Ефремовна 1909 г. р., д. Титово

Воткинский район

1. Данилова Нина Степановна 1930 г. р., д. Катыши

2. Петрова Фаина Павловна 1957 г. р., д. Катыши

3. Макарова Евдокия Родионовна 1921 г. р., д. Катыши

4. Петрова Алевтина Никитична 1938 г. р., д. Катыши, ур. д. Новая Казмаска Завьяловского района

5. Никитин Вадим Лаврентьевич 1951 г. р. д. Чёрный Ключ, ур. с.Шаркан

6. Никитина Фаина Егоровна 1951 г. р., д. Чёрный Ключ

7. Перевозчикова Антонина Фёдоровна 1932 г. р., д. Чёрный Ключ

8. Перевозчикова Лидия Михайловна 1939 г. р., д. Чёрный Ключ

9. Перевозчиков Анатолий Павлович 1935 г. р., д. Чёрный Ключ

10. Перевозчиков Александр Васильевич 1935 г. р., д. Чёрный Ключ

11. Никитина (Савельева) Людмила Петровна 1953 г. р., ур. д. Банное (с 1986 г. данная деревня отнесена к Завьяловскому району), проживает в г.Ижевске.

Завьяловский район

1. Моторина Антонина Константиновна 1938 г. р., д. Старая Казмаска ур.д. Новая Казмаска

2. Кибардина Людмила Александровна 1949 г. р., д. Старая Казмаска

3. Афанасьева Валентина Васильевна 1937 г. р., д. Старая Казмаска

4. Афанасьева Галина Александровна 1928 г. р., ур. д. Старая Казмаска

5. Котикова Елизавета Фёдоровна 1935 г. р., д. Старая Казмаска, ур. д. Башур

6. Нечаева Людмила Николаевна 1946 г. р., д. Новая Казмаска, ур. д. Ожмес-Пурга
7. Семёнова Зинаида Александровна 1954 г. р., д. Новая Казмаска
8. Казакова Антонида Ивановна 1933 г. р., д. Новая Казмаска
9. Мокрушина Мария Андреевна 1940 г. р., д. Большая Венья
10. Михайлова Феклинья Александровна 1940 г. р., д. Большая Венья
11. Кабанова Анастасия Савельевна 1927 г. р., д. Средний Постол
12. Кузнецова Вера Савельевна 1929 г. р., д. Средний Постол.
13. Чувашова Аполлиария Кузьмовна 1938 г. р., д. Якшур ур. д. Новая Казмаска
14. Морозова Анна Михайловна 1923 г. р., д. Якшур, ур. д. Новая Казмаска
15. Романова Зоя Никандровна 1938 г. р., д. Якшур ур. д. Новая Казмаска
16. Чувашова Аоллиария Кузьмовна 1938 г. р., д. Якшур, ур. д. Новая Казмаска
17. Шумилова Евдокия Петровна 1926 г. р., с. Бабино
18. Альмакеева Юлия Семёновна 1932 г. р., с. Бабино
19. Давкова Мария Петровна 1931 г. р., с. Бабино
20. Петрова Дарья Михайловна 1931 г. р., с. Бабино ур. д. Коньки
21. Камашева Мария Александровна 1928 г. р., с. Бабино ур. д. Нижнее Кечёво Малопургинского района
22. Ниязова Зоя Тихоновна 1936 г. р., с. Бабино
23. Петрова Валентина Евгеньевна 1964 г. р., с. Люк
24. Вакутина Зинаида Александровна 1947г. р., с. Люк, ур. д. Новый Сентег
25. Медведева Ольга Егоровна 1929 г. р., д. Новый Сентег, ур. д. Шабердино
26. Порохова Василиса Никифоровна 1919 г. р., д. Новый Сентег
27. Вахрушева Лидия Константиновна 1941 г. р., д. Старый Игерман
28. Горбунова Евгения Михайловна 1928 г. р., д. Старый Игерман
29. Вахрушева Валентина Андреевна 1929 г. р., д. Старый Игерман
30. Максимова Валентина Ильинична 1934 г. р., д. Старый Игерман

31. Капустина Галина Ильинична 1927 г. р., д. Старый Игерман
32. Стерхова Светлана Михайловна 1968 г. р., д. Подшивалово
33. Соколова Зоя Степановна 1928 г. р., д. Подшивалово
34. Матвеева Антонида Ивановна 1929 г. р., д. Подшивалово
35. Матвеева Октябрина Васильевна 1930 г. р., д. Подшивалово
36. Набоких Евгения Даниловна 1938 г. р., с. Ягул, ур. д. Якшур
37. Четкарёв Александр Егорович 1968 г. р., д. Каменное
38. Дедюхина Вера Васильевна 1930 г. р., д. Каменное
39. Елганова Валентина Петровна 1938 г. р., д. Каменное, ур. д.

Чультем

40. Тотоева Раиса Тарасовна 1936 г. р., д. Сизёво
41. Поремова Людмила Кузьмовна 1938 г. р., д. Старые Кены
42. Иванов Константин Васильевич 1945 г. р., п. Сокол, ур. д. Чёрный Ключ Воткинского района
43. Квалтырева Лидия Петровна 1933 г. р., д. Рябиновка, ур. д.

Штангурт

44. Аднакулова Елизавета Дементьева 1938 г. р., д. Рябиновка, ур. д. Сизяшур Малоपुरгинского района

Малоपुरгинский район

1. Матвеева Софья Васильевна 1928 г. р., д. Баграш-Бигра
2. Антипина Мария Дмитриевна 1940 г. р., д. Баграш-Бигра, ур. д.

Собакино

3. Орлова Ольга Владимировна 1930 г. р., д. Баграш-Бигра 1930 г. р., д. Баграш-Бигра
4. Коровина Юлия Анисимовна 1913 г. р., д. Баграш-Бигра, ур. д.

Собакино

5. Титова Зинаида Яковлевна 1941 г. р., д. Баграш-Бигра, ур. д. Курегово
6. Ботникова Акулина Павловна 1931 г. р., д. Баграш-Бигра
7. Ермолаева Анастасия Ермолаевна 1941 г. р., д. Баграш-Бигра, ур. д.

д. Гожня

8. Стрелкова Евдокия Петровна 1930 г. р., д. Баграш-Бигра, ур. с. Малая Пурга

9. Михайлова Федосья Павловна 1921 г. р., д. Баграш-Бигра

10. Титова Марья Кондратьевна 1932 г. р., д. Баграш-Бигра
11. Устинова Валентина Алексеевна 1947 г. р., д. Баграш-Бигра
12. Курбатова Устинья Пислеговна 1919 г. р., д. Баграш-Бигра
13. Королёва Федосья Ивановна 1910 г. р., д. Баграш-Бигра
14. Чибышева Мария Петровна 1934 г. р., д. Баграш-Бигра
15. Корнилова Юлия Андреевна 1929 г. р., д. Баграш-Бигра
16. Никифорова Елизавета Ксенофоновна 1913 г. р., д. Баграш-

Бигра

17. Николаева Анастасия Фёдоровна 1941 г. р., д. Баграш-Бигра
18. Орлова Ирина Андреевна 1938 г. р., д. Баграш-Бигра
19. Васильева Ольга Федоровна 1933 г. р., д. Абдэс-Урдэс
20. Кузьмина Надежда Лукьяновна 1924 г. р., д. Абдэс-Урдэс, ур. д.

Итешево

21. Кузьмина Ольга Семеновна 1933 г. р., д. Абдэс-Урдэс
22. Степанова Акулина Степановна 1908 г. р., д. Абдэс-Урдэс
23. Прокопьева Федосья Егоровна 1926 г. р., д. Абдэс-Урдэс
24. Осипова Матрёна Осиповна 1913 г. р., д. Абдэс-Урдэс, ур. д.

Старая Монья

25. Николаева Анисья Николаевна 1932 г. р., д. Абдэс-Урдэс
26. Григорьева Ольга Григорьевна 1930 г. р., д. Абдэс-Урдэс
27. Анисимова Валентина Фоминична 1944 г. р., д. Абдэс-Урдэс
28. Павлова Дарья Владимировна 1904 г. р., д. Абдэс-Урдэс
29. Кузьмина Анисья Тихоновна 1932 г. р., д. Абдэс-Урдэс
30. Григорьева Зоя Васильевна 1930 г. р., д. Абдэс-Урдэс
31. Севастьянова Прасковья Никаноровна 1916 г. р., д. Абдэс-Ур-

дэс, ур. д. Итешево

32. Васильева Нина Ильинична 1940 г. р., д. Абдэс-Урдэс, ур. д.

Бобья-Уча

33. Иосифова Матрёна Иосифовна 1913 г. р., д. Абдэс-Урдэс, ур. д.

Старая Монья

34. Захарова Екатерина Петровна 1957 г. р., с. Ильинское
35. Степанова Анастасия Александровна 1925 г. р., с. Ильинское
36. Клабукова Агафья Александровна 1927 г. р., с. Ильинское, ур. д.

Старая Монья

37. Сахарова Татьяна Ивановна 1966 г. р., с.Ильинское, ур. д. Баграш-Бигра
38. Кузнецова Ольга Гавриловна 1953 г. р., с.Ильинское, ур. д. Гожня
39. Павлова Александра Павловна 1921 г. р., д. Бобья-Уча
40. Борисова Мария Александровна 1936 г. р., д. Бобья-Уча
41. Семёнова Екатерина Михайловна 1922 г. р., д. Бобья-Уча
42. Матвеева Мария Осиповна 1938 г. р., д. Бобья –Уча
43. Семенова Екатерина Анатольевна 1956 г. р., д. Бобья-Уча
44. Васильева Елизавета Григорьевна 1920 г. р., д. НоваяМонья
45. Николаева Татьяна Михайловна 1938 г. р., д. Новая Монья, ур. д. Быстрово
46. Панфилова Аксинья Панфиловна 1915 г. р., д. Новая Монья
47. Фёдорова Александра Алексеевна 1933 г. р., д. Новая Монья
48. Фёдоров Семён Никифорович 1961 г. р., д. Новая Монья
49. Васильева Дарья Михайловна 1929 г. р., д. Новая Монья
50. Кузьмина Мария Михайловна 1935 г. р., д. Старая Монья
51. Филимонова Мария Михайловна 1922 г. р., д. Старая Монья
52. Фёдоров Илья Фёдорович 1917 г. р., д. Старая Монья
53. Тарасова Елена Фёдоровна 1913 г. р., д. Старая Монья, ур. д. Чекалкино
54. Кузьмина Ирина Трофимовна 1918 г. р., д. Старая Монья
55. Колесникова Ольга Ивановна 1935 г. р., д. Старая Монья
56. Чумерева Ефимья Ивановна 1919 г. р., д. Быстрово
57. Дулесова Елена Денисовна 1911 г. р., д. Бажаново
58. Дулесова Анастасия Даниловна 1941 г. р., Бажаново, ур. д. Новая Монья
59. Косарева Александра Ивановна 1937 г. р., д. Бажаново, ур. д. Пытцам
60. Пчельникова Раиса Михайловна 1943 г. р., д. Аксакшур
61. Артёмова Лидия Григорьевна 1946 г. р., д. Аксакшур, ур. д. Нижнее Кечёво
62. Баймурзин Валерий Дмитриевич 1956 г. р., д. Аксакшур
63. Сачкова Евдокия Прокопьевна 1916 г. р., д. Аксакшур
64. Чекалёва Ульяна Романовна 1930 г. р., д. Аксакшур, ур. д. Нижние Юри

65. Арсентьева Екатерина Егоровна 1918 г. р., д. Аксакшур, ур. д. Куюк
66. Акаева Екатерина Владимировна 1916 г. р., д. Аксакшур
67. Тихонова Пелагея Максимовна 1922 г. р., д. Аксакшур
68. Волкова Екатерина Ивановна 1921 г. р., д. Байситово
69. Макаров Николай Тихонович 1921 г. р., д. Байситово, Ур. д. Кутер-Кутон
70. Любовь Степановна Титова 1926 г. р., д. Байситово, Ур. д. Пуро-Можга
71. Пикулева Александра Исаевна 1933 г. р., д. Байситово
72. Левина Елизавета Григорьевна 1929 г. р., д. Среднее Кечёво
73. Левина Анисья Харитоновна 1924 г. р., д. Среднее Кечёво
74. Черыгова Екатерина Яковлевна 1938 г. р., д. Среднее Кечёво, ур. д. Верхнее Кечёво
75. Зарбатова Елизавета Филипповна 1927 г. р., с. Бураново
76. Беляева Антонина Сергеевна 1923 г. р., с. Бураново, ур. д. Егорово
77. Пятченко (Сурунова) Валентина Семёновна 1937 г. р., с. Бураново
78. Сысоева Христинья Кузминична 1933 г. р., д. Кечур, ур. д. Баграш-Бигра
79. Михайлова Марфа Романовна 1924 г. р., д. Кечур, ур. д. Орлово
80. Бектышева Мария Никитична 1941 г. р., д. Капустино
81. Эркешева Клавдия Фёдоровна 1933 г. р., д. Капустино
82. Бектышева Василиса Петровна 1923 г. р., д. Капустино
83. Широбокова Вера Евдокимовна 1913 г. р., д. Капустино
84. Петухова Галина Петровна 1948 г. р., д. Капустино
85. Мираева Анна Филипповна 1923 г. р., д. Кулаево
86. Зайцева Светлана Сергеевна 1962 г. р., д. Кулаево
87. Пешкова Ольга Петровна 1926 г. р., д. Гожня
88. Пешкова Ольга Алексеевна 1940 г. р., д. Гожня, ур. д. Собакино
89. Храмов Никита Васильевич 1929 г. р., д. Гожня
90. Николаева Марина Павловна 1929 г. р., д. Гожня, ур. д. Кечур
91. Филиппова Анна Николаевна 1934 г. р., д. Гожня
92. Ботникова Светлана Васильевна 1957 г. р., д. Гожня

93. Мартынова Татьяна Валентиновна 1966 г. р., д. Гожня, ур. д. Сизёво

94. Алексеева Валентина Владимировна 1965 г. р., д. Средние Юри, ур. д. Баграш-Бигра

95. Алексеев Юрий Петрович 1962 г. р., д. Средние Юри

96. Михайлова Прасковья Константиновна 1926 г. р., д. Средние Юри

97. Гавриил Гавриилович Гаврилов 1916 г. р., д. Средние Юри

98. Кузьмина Людмила Кузьминична 1930 г. р., д. Средние Юри

99. Родионова Христинья Родионовна 1930 г. р., д. Средние Юри

100. Петров Илья Леонтьевич 1928 г. р., д. Средние Юри

101. Алексеева Ангелина Яковлевна 1966 г. р., д. Средние Юри

102. Спиридонов Михаил Спиридонович 1917 г. р., д. Нижние Юри

103. Александрова Евдокия Егоровна 1920 г. р., д. Нижние Юри

104. Александрова Дарья Александровна 1912 г. р., д. Нижние Юри

105. Чернышева Вера Семёновна 1946 г. р., д. Гожня, ур. д. Нижние Юри

Юри

106. Ильин Никита Ильич 1932 г. р., д. Нижние Юри

107. Ермакова Федосья Васильевна 1918 г. р., д. Нижние Юри

108. Васильева Ефросинья Васильевна 1926 г. р., д. Нижние Юри

109. Алексеева Александра Васильевна 1937 г. р., д. Алганча-Игра ур. с. Малая Пурга

110. Фадеева Дарья Павловна 1936 г. р., д. Алганча-Игра, ур. д. Баграш-Бигра

111. Баранова Мария Васильевна 1925 г. р., д. Алганча-Игра

112. Лукина Лукерья Алексеевна 1925 г. р., д. Алганча-Игра

Кизнерский район

1. Волкова Клавдия Ивановна 1921 г. р., д. Новый Мултан

2. Щербакова Елизавета Ивановна 1918 г. р., д. Новый Мултан

3. Зайцева Ирина Константиновна 1929 г. р., д. Новый Мултан

4. Пчелова Ангелина Игнатъевна 1947 г. р., с. Короленко (Старый Мултан)

5. Расчиславская Галина Николаевна 1924 г. р., с. Короленко (Старый Мултан)

6. Бобкова Нина Ильинична 1932 г. р., с. Короленко (Старый Мултан) ур. д. Асинер
7. Кузнецова Антонида Егоровна 1922 г. р., д. Асинер
8. Краснова Нина Васильевна 1940 г. р., д. Асинер
9. Краснова Прасковья Михайловна 1919 г. р., д. Асинер, ур. д. Сияр-Бодья
10. Коброва Елена Григорьевна 1930 г. р., д. Сюлонер Юмья, ур. д. Ошторма-Юмья Кукморского района республики Татарстан
11. Кузнецова Зоя Кузьмовна 1933 г. р., д. Сюлонер-Юмья
12. Ванюшева Нина Васильевна 1933 г. р., д. Нижняя Кусо-Какся, ур. д. Русская Коса
13. Дубовцева Екатерина Яковлевна 1928 г. р., д. Верхняя Кусо-Какся
14. Мурашёва Ольга Юрьевна 1948 г. р., с. Кизнер, ур. д. Верхняя Кусо-Какся
15. Чайникова Любовь Петровна 1946 г. р., д. Верхняя Кусо-Какся
16. Шобурова Людмила Ильинична 1940 г. р., д. Верхняя Кусо-Какся
17. Плотникова Раиса Павловна 1930 г. р., д. Поляково
18. Иванова Надежда Ивановна 1933 г. р., д. Поляково
19. Пентюхова Анна Никаноровна 1930 г. р., д. Поляково, ур. д. Макан-Пельга
20. Петрова Евдокия Кузьминична 1918 г. р., д. Поляково, ур. д. Макан-Пельга
21. Луппова Раиса Марковна 1924 г. р., д. Макан-Пельга
22. Капралова Анна Фёдоровна 1929 г. р., д. Макан-Пельга
23. Баранова Анна Дмитриевна 1934 г. р., д. Макан-Пельга
24. Васильева Мария Константиновна 1942 г. р., д. Макан-Пельга
25. Василиса Николаевна Александрова 1921 г. р., д. Макан-Пельга, ур. д. Старый Кармыж
26. Васильева Мария Константиновна 1942 г. р., д. Старый Кармыж
27. Николаева Василиса Александровна 1921 г. р., д. Старый Кармыж
28. Дмитриева Ольга Семёновна 1931 г. р., д. Старый Кармыж
29. Комарова Мария Ивановна 1932 г. р., д. Арвазь-Пельга

30. Комаров Александр Васильевич 1957 г. р., д. Арвазь-Пельга
31. Еликова Юлия Ивановна 1935 г. р., д. Арвазь-Пельга, ур. д. Васильево
32. Исаева Анисья Егоровна 1931 г. р., д. Арвазь-Пельга, ур. д. Макан-Пельга
33. Михайлова Анастасия Степановна 1936 г. р., д. Удмуртский Сарамак
34. Максимова Анна Фёдоровна 1931 г. р., д. Удмуртский Сарамак
35. Лактионова Матрёна Андреевна 1923 г. р., д. Удмуртский Сарамак
36. Кондратьева Анастасия Гавриловна 1918 г. р., д. Удмуртский Сарамак
37. Васильева Евдокия Лаврентьевна 1923 г. р., д. Нижняя Чабья
38. Романова Анна Васильевна 1927 г. р., д. Нижняя Чабья
39. Васильева Федора Васильевна 1933 г. р., д. Нижняя Чабья
40. Савельев Юрий Петрович 1955 г. р., д. Нижняя Чабья
41. Петрова Зоя Васильевна 1928 г. р., д. Нижняя Чабья
42. Иванова Зинаида Николаевна 1941 г. р., д. Безменшур
43. Васильева Ксения Григорьевна 1920 г. р., д. Безменшур
44. Кузнецова Анисья Дмитриевна 1924 г. р., д. Безменшур, ур. с. Кибья
45. Загумённова Антонида Егоровна 1930 г. р., д. Безменшур
46. Чернова Екатерина Тимофеевна 1916 г. р., д. Безменшур
47. Решетникова Мария Петровна 1920 г. р., д. Бертло, ур. д. Синяр-Бодья
48. Колесникова Галина Антоновна 1944 г. р., д. Старая Бодья
49. Ветрова Мария Александровна 1926 г. р., д. Старая Бодья
50. Ермолаева Анастасия Петровна 1913 г. р., д. Старая Бодья
51. Сундукова Пелагея Кондратьевна 1920 г. р., д. Старая Бодья
52. Самсонова Вера Петровна 1938 г. р., д. Старая Бодья
53. Сундукова Александра Сергеевна 1918 г. р., д. Старая Бодья
54. Орехова Елена Константиновна 1937 г. р., д. Вичурка
55. Семакова Антонина Васильевна 1935 г. р., д. Вичурка
56. Дубовцев Валентин Юрьевич 1949 г. р., с. Кизнер, ур. д. Верхняя Кусо-Какся

57. Решетникова Зинаида Федоровна 1930 г. р., с. Кизнер
 58. Ключникова Софья Изосимовна 1927 г. р., с. Кизнер
 59. Чернышова Клавдия Юдовна 1919 г. р., с. Кизнер
 60. Танасова Вера Григорьевна 1930 г. р., д. Синяр-Бодья, ур. д.
- Дым-Дым-Омга Вятско-Полянского района Кировской области
61. Кузнецова Мария Алексеевна 1944 г. р., д. Синяр-Бодья
 62. Таганова Анна Кузьмовна 1938 г. р., д. Синяр-Бодья
 63. Чернышова Мария Лаврентьевна 1931 г. р., д. Синяр-Бодья
 64. Тугашева Анна Федоровна 1932 г. р., д. Синяр-Бодья
 65. Оконникова Раиса Андреевна 1930 г. р., д. Синяр-Бодья, ур. д.
- Казань-Омга Вятско-Полянского района Кировской области
66. Печникова Зоя Петровна 1930 г. р., д. Саркуз
 67. Сушкова Полина Ивановна 1927 г. р., д. Саркуз
 68. Харитоновна Варвара Ивановна 1948 г. р., д. Саркуз, ур. д. Мамаево Граховского района
 69. Копысова Евдокия Антоновна 1920 г. р., д. Саркуз
 70. Кузнецова Елена Филипповна 1918 г. р., д. Саркуз, ур. д. Асинер
 71. Кушакова Мария Михайловна 1919 г. р., д. Муркозь-Омга, ур. д.
- Большая Шабанка Малмыжского района Кировской области
72. Чайникова Александра Леонтьевна 1930 г. р., д. Муркозь-Омга, ур. д. Старая Омга
 73. Чайникова Марфа Егоровна 1927 г. р., д. Муркозь-Омга
 74. Киршина Надежда Николаевна 1924 г. р., д. Муркозь-Омга
 75. Прозорова Зинаида Ивановна 1921 г. р., д. Муркозь-Омга
 76. Чайникова Екатерина Ивановна 1923 г. р., с. Кибья
 77. Загумённая Нина Павловна 1926 г. р., с. Кибья, ур. д. Гузношур
 78. Комарова Екатерина Павловна 1931 г. р., с. Кибья, ур. д. Гузношур
- шур
79. Пермякова Зоя Ивановна 1933 г. р., с. Кибья, ур. с. Короленко (Старый Мултан)
 80. Буранова Евгения Алексеевна 1945 г. р., с. Кибья, ур. д. Гузношур
81. Бабушкина Зоя Тихоновна 1927 г. р., с. Кибья
 82. Соколова Марфа Яковлевна 1916 г. р., с. Кибья
 83. Боброва Елена Семёновна 1929 г. р., д. Гучин-Бодья

84. Бикузина Антонида Павловна 1945 г. р., д. Гучин-Бодья, ур. д. Бертло
85. Чайникова Евдокия Васильевна 1936 г. р., д. Гучин-Бодья, ур. д. Узюк
86. Кузнецова Пелагея Павловна 1924 г. р., д. Гучин-Бодья
87. Орехова Таисия Ильинична 1930 г. р., д. Гучин-Бодья
88. Семакова Анастасия Никитична 1930 г. р., д. Гучин-Бодья, ур. д. Айдуан-Чабья
89. Шаранова Людмила Алексеевна 1947 г. р., д. Новый Трык, ур. д. Верхний Бемыж
90. Байбикова Нина Фёдоровна 1939 г. р., д. Новый Трык
91. Гуляева Мария Ивановна 1923 г. р., д. Новый Трык
92. Зайцева Анна Романовна 1919 г. р., д. Новый Трык, ур. д. Старый Трык
93. Смоленцева Юлия Демидовна 1937 г. р., д. Новый Трык, ур. д. Старый Трык

Вавожский район

1. Чайникова Нина Ивановна 1933 г. р., д. Иваново-Вознесенск
2. Кондратьева Тамара Александровна 1930 г. р., с. Тыловыл-Пельга, ур. д. Лыстем
3. Котовалова Мария Филипповна 1938 г. р., с. Тыловыл-Пельга
4. Скобелева Антонина Поликарповна 1927 г. р., с. Тыловыл-Пельга, ур. д. Старое Жуё
5. Колзина Фаина Ивановна 1938 г. р., с. Тыловыл-Пельга, ур. д. Большое Волково
6. Тимеева Агрипина Сергеевна 1923 г. р., с. Тыловыл-Пельга, ур. д. Буд-Пельга
7. Тимеева Зинаида Гавриловна 1960 г. р., с. Тыловыл-Пельга, ур. д. Ягул Кизнерского района
8. Коновалова Мария Васильевна 1941 г. р., д. Старое Жуё
9. Исаева Мария Григорьевна 1932 г. р., д. Старое Жуё, ур. д. Большое Волково
10. Коновалова Мария Ивановна 1933 г. р., д. Старое Жуё, ур. д. Пазял-Зумья Можгинского района

11. Огородникова Надежда Никифоровна 1927 г. р., д. Старое Жуё, ур. д. Уйвый-Пельга
12. Назарова Елизавета Ивановна 1935 г. р., д. Старое Жуё
13. Мурашова Нина Сергеевна 1950 г. р., д. Новотроицкий
14. Скобелев Петр Егорович 1940 г. р., д. Новотроицкий
15. Пислегина Анастасия Алексеевна 1924 г. р., д. Новая Бия
16. Лебедева Ксения Ивановна 1926 г. р., д. Старая Бия
17. Коркина Роза Васильевна 1926 г. р., д. Старая Бия
18. Сивкова Александра Петровна 1936 г. р., д. Старая Бия, ур. д. Чудзялуд
19. Дровосекова Юлия Максимовна 1937 г. р., д. Зямбайгурт
20. Черняева Анна Илларионовна 1928 г. р., д. Зямбайгурт
21. Байчурина Юлия Петровна 1933 г. р., д. Зямбайгурт, ур. с. Водзимонье
22. Елышева Нина Николаевна 1946 г. р., д. Зямбайгурт
23. Костяева Анна Александровна 1930 г. р., с. Водзимонье, ур. д. Сиктан
24. Шишкина Галина Николаевна 1946 г. р., с. Водзимонье, ур. д. Заря
25. Чашникова Клавдия Павловна 1925 г. р., с. Водзимонье, ур. д. Старая Бия
26. Чашкина Зоя Андреевна 1927 г. р., с. Водзимонье
27. Безумова Ольга Семёновна 1927 г. р., д. Монья, ур. д. Заря
28. Новосёлова Анастасия Ивановна 1926 г. р., д. Монья, ур. д. Квашур
29. Машковцев Виктор Владимирович 1959 г. р., д. Косая Можга
30. Дугаева Анна Максимовна 1933 г. р., д. Косая Можга
31. Квалова Раиса Егоровна 1934 г. р., д. Косая Можга, ур. д. Новый Квашур
32. Зайцева Мария Васильевна 1926 г. р., д. Косая Можга
33. Кадров Александр Петрович 1930 г. р., д. Косая Можга
34. Кадрова Федосья Александровна 1929 г. р., д. Косая Можга, ур. д. Нижняя Кусо-Какся
35. Прозорова Анна Евграфовна 1918 г. р., д. Новые Какси
36. Никитина Ефалия Николаевна 1946 г. р., д. Новые Какси

37. Мамаева Галина Леонидовна 1964 г. р., д. Новые Какси
38. Бушмакина Александра Петровна 1924 г. р., д. Новые Какси, ур. д. Кобла (Акмарово) Можгинского района
39. Бушмакин Леонид Павлович 1929 г. р., д. Новые Какси
40. Корепанова Елизавета Серапионовна 1943 г. р., д. Новые Какси, ур. д. Кобла (Акмарово) Можгинского района
41. Кузнецова Маргарита Степановна 1925 г. р., д. Ожги
42. Кузнецова Роза Тарасовна 1935 г. р., д. Ожги, ур. д. Большое Волково
43. Буддакова Евгения Владимировна 1930 г. р., с. Волипельга, ур. д. Ожги
44. Данилова Дарья Ивановна 1920 г. р., с. Волипельга
45. Кутявина Таисия Ивановна 1927 г. р., с. Волипельга
46. Градобоева Анна Денисовна 1920 г. р., с. Волипельга
47. Иванова Василиса Константиновна 1938 г. р., д. Большое Волково
48. Волкова Анна Константиновна 1925 г. р., д. Большое Волково
49. Корнева Антонина Ивановна 1929 г. р., д. Большое Волково, ур. д. Сулвай
50. Семакина Татьяна Степановна 1911 г. р., д. Большое Волково, ур. д. Уе-Докья
51. Логинова Лидия Ивановна 1936 г. р., д. Жуё-Можга
52. Артемьева Зоя Григорьевна 1939 г. р., д. Жуё-Можга
53. Анна Ивановна Березина 1927 г. р., д. Жуё-Можга, ур. д. Силкино
54. Шабалина Вера Петровна 1933 г. р., д. Уё-Докья
55. Петрова Хавронья Ивановна 1924 г. р., д. Малиновка, ур. д. БудУча
56. Щёткина Антонина Петровна 1939 г. р., д. Гурезь-Пудга, ур. д. Жуё-Можга
57. Зорина Светлана Афанасьевна 1939 г. р., д. Гурезь-Пудга
58. Кузьмина Ольга Исааковна 1940 г. р., д. Гурезь-Пудга, ур. д. Зягруд-Какси
59. Романова Ирина Ивановна 1938 г. р., д. Гурезь-Пулга
60. Матвеева Галина Кузьмовна 1949 г. р., д. Гурезь-Пудга

61. Шубина Евдокия Степановна 1929 г. р., д. Гурезь-Пудга
62. Макарова Лидия Константиновна 1938 г. р., д. Гурезь-Пудга, ур. д. Пужмоил
63. Несмелова Елена Михайловна 1928 г. р., д. Какмож-Итчи
64. Зорина Тамара Васильевна 1938 г. р., д. Большая Можга
65. Решетникова Галина Петровна 1933 г. р., д. Большая Можга, ур. д. Ольховка Увинского района
66. Каратаева Любовь Николаевна 1939 г. р., д. Большая Можга, ур. д. Жуё-Можга
67. Чайникова Ева Ивановна 1950 г. р., д. Яголуд, ур. д. Четкерь
68. Орешкова Прасковья Анисимовна 1925 г. р., д. Яголуд, ур. д. Уё-Докья
69. Кузнецова Елизавета Михайловна 1931 г. р., ур. д. Чемошур-Докья
70. Самарова Зоя Гавриловна 1927 г. р., д. Чемошур-Докья, ур. д. Новые Какси

Можгинский район

1. Тимофеева Зоя Николаевна 1930 г. р., д. Камышлы
2. Камашева Олимпиада Николаевна 1939 г. д. Камышлы
3. Дружнова Татьяна Капитоновна 1924 г. р., д. Сундо-Уча
4. Булдаков Ираида Никифоровна 1955 г. р., д. Сундо-Уча, ур. д. Токмок
5. Беляева Лидия Михайловна 1953 г. р., д. Пазял-Зумья, ур. д. Пазял
6. Векшина Нина Васильевна 1939 г. р., д. Пазял-Зумья, ур. д. Большая Кибья
7. Витвинова Лидия Евдокимовна 1930 г. р., с. Большая Уча
8. Чувашова Александра Николаевна 1928 г. р., д. Пазял, ур. д. Чужьем
9. Чувашова Александра Ильинична 1957 г. р., д. Пазял
10. Пудова Антонина Петровна 1925 г. р., д. Чужьем, ур. д. Четкерь Вавожского района
11. Чувашова Нина Ивановна 1927 г. р., д. Чужьем, ур. д. Крымбаево
12. Чувашова Ольга Ивановна 1964 г. р., д. Чужьем

13. Кузьмина Вера Николаевна 1926 г. р., д. Чужьем
14. Гроздова Таисия Семёновна 1928 г. р., д. Большая Пудга, ур. д. Малая Копка
15. Иванова Юлия Терентьевна 1946 г. р., д. Большая Пудга, ур. д. Покой
16. Семёнова Нина Демидовна 1912 г. р., д. Большая Пудга
17. Абрамова Елена Михайловна 1961 г. р., д. Малая Пудга
18. Игнатьева Валентина Дмитриевна 1943 г. р., д. Малая Пудга
19. Беляева Юлия Гавриловна 1946 г. р., д. Малая Пудга, Ур. д. Сям-Какси Алнашского района
20. Никитина Татьяна Егоровна 1931 г. р., д. Малая Копка
21. Егорова Ульяна Егоровна 1918 г. р., д. Малая Копка
22. Чайникова Александра Ксенофоновна 1931 г. р., д. Удмуртский Сюгаил
23. Мамаева Анна Маркеловна 1925 г. р., д. Удмуртский Сюгаил
24. Ершова Елизавета Алексеевна 1940 г. р., д. Ефремовка, ур. д. Водзя
25. Оконникова Александра Фёдоровна 1928 г. р., п. Ныша
26. Максимова Нина Васильевна 1931 г. р., п. Ныша, ур. д. Покой
27. Александрова Анна Владимировна 1926 г. р., п. Ныша, ур. д. Большие Сибьы
28. Андреева Дарья Прокопьевна 1930 г. р., д. Старый Ошмес, ур. д. Почешур
29. Королёва Раиса Егоровна 1938 г. р., д. Малая Валожикья
30. Вахрушева Глафира Ивановна 1943 г. р., д. Малая Валожикья
31. Камашева Альбина Дмитриевна 1950 г. р., д. Малая Валожикья, ур. д. Бобья-Уча Малопургинского района
32. Кузнецова Елизавета Васильевна 1922 г. р., д. Чемошур-Уча
33. Чайникова Юлия Ксенофоновна 1932 г. р., д. Чемошур-Уча.
34. Александрова Нина Григорьевна 1936 г. р., с. Поршур, ур. д. Арляново Алнашского района
35. Дмитриева Елизавета Алексеевна 1935 г. р., с. Поршур, ур. д. Покой
36. Дерюгина Зоя Александровна 1936 г. р., д. Малый Кармыж
37. Николаева Евдокия Никитична 1923 г. р., д. Малый Кармыж

38. Ионникова Акулина Михайловна 1932 г. р., д. Малый Кармыж
39. Сергеева Марина Ивановна 1930 г. р., д. Малый Кармыж
40. Плотникова Елена Григорьевна 1928 г. р., д. Малый Кармыж
41. Николаева Зоя Павловна 1931 г. р., д. Ерошкино
42. Яблонских Юлия Викторовна 1943 г. р., д. Ерошкино, ур. д. Ерошкино
43. Тарасова Александра Тарасовна 1918 г. р., д. Ерошкино, ур. д. Малый Кармыж
44. Лукина Ефросинья Ивановна 1917 г. р., д. Ерошкино, ур. с. Нынек
45. Семёнов Пётр Семёнович 1932 г. р., с. Нынек
46. Семёнова Тамара Егоровна 1928 г. р., с. Нынек
47. Морозова Антонида Николаевна 1932 г. р., д. Атабаево
48. Харитоновна Ольга Петровна 1927 г. р., д. Верхние Юри, ур. д. Старые Юбери
49. Блинецова Матрёна Петровна 1917 г. р., д. Верхние Юрии
50. Григорьева Наталья Семёновна 1927 г. р., д. Каменный Ключ, ур. д. Акашур
51. Николаева Татьяна Александровна 1929 г. р., д. Каменный Ключ, ур. д. Средние Юри Малопургинского района
52. Титова Татьяна Васильевна 1930 г. р., д. Акашур, ур. д. Карамбай
53. Титова Ольга Титовна 1920 г. р., д. Акашур
54. Бакиева Антонина Семёновна 1951 г. р., д. Акашур
55. Пчельникова Анастасия Михайловна 1935 г. р., д. Карашур, ур. д. Кузюмово Алнашского района
56. Соловьёва Анна Алексеевна 1928 г. р., д. Карашур
57. Рысьева Екатерина Степановна 1928 г. р., д. Карашур, ур. д. Оркино Алнашского района
58. Лебедева Зинаида Ермолаевна 1929 г. р., д. Карашур, ур. д. Оркино Алнашского района
59. Рысьева Васса Трофимовна 1959 г. р., д. Карашур
60. Воронцова Маргарита Александровна 1939 г. р., д. Пойкино
61. Якимова Елена Константиновна 1926 г. р., д. Пойкино
62. Константинова Елена Никитична 1942 г. р., д. Пойкино

63. Петрова Римма Васильевна 1939 г. р., д. Пойкино
64. Коновалова Екатерина Семёновна 1940 г. р., д. Туташево
65. Мальшева Раиса Васильевна 1939 г. р., д. Туташево
66. Беляева Нина Григорьевна 1948 г. р., д. Туташево
67. Уразова Вильма Григорьевна 1930 г. р., д. Туташево
68. Яковлева Марина Андреевна 1940 г. р., д. Бальзяшур, ур. д. Карашур Малоपुरгинского района
69. Мошкина Тамара Михайловна 1939 г. р., д. Бальзяшур, ур. д. Карашур Малоपुरгинского района
70. Кузьмина Анисья Кузьминична 1925 г. р., д. Бальзяшур
71. Серапионова Галина Владимировна 1957 г. р., д. Бальзяшур
72. Егорова Клавдия Ивановна 1945 г. р., д. Бальзяшур
73. Ерофеева Мария Николаевна 1940 г. р., д. Бальзяшур
74. Николаева Зоя Николаевна 1928 г. р., д. Новая Бия
75. Захарова Мария Максимовна 1932 г. р., д. Новая Бия
76. Орлова Екатерина Михайловна 1927 г. р., д. Петухово, ур. д. Новая Бия
77. Зайцева Агрофена Петровна 1930 г. р., д. Петухово
78. Фомина Мария Семёновна 1928 г. р., д. Мельниково
79. Михайлова Зинаида Емельяновна 1932 г. р., д. Мельниково
80. Михайлова Мария Михайловна 1928 г. р., д. Мельниково
81. Поярков Ким Семёнович 1929 г. р., д. Мельниково, ур. д. Акашур
82. Владимировна Галина Михайловна 1941 г. р., д. Чурашур, ур. д. Мельниково
83. Степанова Нина Захаровна 1927 г. р., д. Чурашур, ур. д. Вознесенск
84. Яковлева Зоя Андреевна 1935 г. р., д. Верхний Вишур, ур. д. Большие Сибьы
85. Маркова Мария Григорьевна 1937 г. р., д. Верхний Вишур, ур. д. Нижний Вишур
86. Валентина Ивановна Михайлова 1955 г. р., д. Кватчи, ур. д. Сырьеэ
87. Семёнова Дарья Семёновна 1928 г. р., д. Кватчи
88. Иванов Василий Иванович 1951 г. р., д. Кватчи

89. Волкова Нина Мироновна 1920 г. р., д. Кватчи, ур. д. Карашур
90. Васильева Лидия Никитична 1936 г. р., д. Водзи, ур. д. Чумойт-
ло
91. Ермолаева Александра Андреевна 1930 г. р., д. Водзи, ур. д.
Гушино
92. Прокопьева Евдокия Ивановна 1915 г. р., д. Чежебаш
93. Иванова Нина Степановна 1936 г. р., д. Чежебаш
94. Ершова Зинаида Кузьминична 1941 г. р., д. Старый Березняк
95. Чернова Таисия Фоминична 1932 г. р., д. Старый Березняк
96. Чернов Мартын Фёдорович 1932 г. р., д. Старый Березняк
97. Николаева Зинаида Михайловна 1954 г. р., д. Большие Сибы
98. Кузнецова Нина Васильевна 1928 г. р., д. Большие Сибы
99. Трофимова Ольга Васильевна 1930 г. р., д. Большие Сибы
100. Никитина Анна Семёновна 1940 г. р., д. Старые Юбери
101. Михайлова Ксения Николаевна 1927 г. р., д. Старые Юбери,
ур. д. Новые Юбери
102. Дмитриева Нина Николаевна 1930 г. р., д. Старые Юбери
103. Осипова Марфа Ефимовна 1935 г. р., д. Старые Юбери, ур. д.
Почешур
104. Максимова Юлия Григорьевна 1939 г. р., д. Замостные Какси,
ур. д. Варзибаш Алнашского района
105. Спиридонова Пелагея Сидоровна 1926 г. р., д. Замостные Как-
си
106. Семёнова Агафья Семёновна 1925 г. р., д. Замостные Какси
107. Степанова Татьяна Николаевна 1937 г. р., д. Новые Какси, ур.
д. Старые Юбери
108. Евдокимова Ираида Никифоровна 1926 г. р., д. Новые Какси
109. Мельникова Анна Фёдоровна 1926 г. р., д. Новые Какси, ур. д.
Старый Утчан Алнашского района
110. Николаева Матрёна Александровна 1929 г. р., д. Почешур, ур.
д. Заречные Какси

Алнашский район

1. Боброва Лидия Николаевна 1951 г. р., с.Алнаши, ур.д. Мукшур
2. Ёлкина Фира Николаевна 1940 г. р., д. Удмуртский Тоймобаш

3. Ермилова Мария Николаевна 1939 г. р., д. Удмуртский Тоймобаш
4. Егорова Мавра Егоровна 1928 г. р., д. Удмуртский Тоймобаш
5. Верещагина Анастасия Геннадьевна 1923 г. р., д. Удмуртский Тоймобаш, ур. д. Кадиково
6. Соловьёв Михаил Васильевич 1928 г. р., д. Удмуртский Тоймобаш
7. Самарова Екатерина Кузьминична 1932 г. р., д. Удмуртский Тоймобаш
8. Данилова Ксения Фёдоровна 1916 г. р., д. Удмуртский Тоймобаш
9. Григорьева Христинья Гавриловна 1924 г. р., д. Удмуртский Тоймобаш, ур. д. Нижний Сыръез
10. Степанова Матрёна Васильевна 1930 г. р., д. Нижний Сыръез
11. Овчинникова Христинья Гавриловна 1918 г. р., д. Нижний Сыръез
12. Смирнова Елизавета Сергеевна 1925 г. р., д. Писеево
13. Лесникова Елизавета Сергеевна 1926 г. р., д. Писеево, ур. д. Туташево Можгинского района
14. Бусыгина Александра Николаевна 1946 г. р., д. Писеево, ур. д. Удмуртский Вишур Можгинского района
15. Васильева Надежда Игнатьевна 1921 г. р., д. Мукшур
16. Губина Клавдия Константиновна 1924 г. р., д. Мукшур, ур. д. Удмуртское Кизеково
17. Чернова Ольга Александровна 1944 г. р., д. Мукшур
18. Малкова Анисья Матвеевна 1920 г. р., д. Мукшур
19. Петров Денис Моисеевич 1929 г. р., д. Мукшур
20. Николаева Анна Семёновна 1923 г. р., д. Кадиково, ур. д. Удмуртский Вишур Можгинского района
21. Сидорова Галина Максимовна 1948 г. р., д. Кадиково
22. Сидоров Афанасий Ефимович 1943 г. р., д. Кадиково
23. Орлов Григорий Иванович 1941 г. р., д. Нижнее Котнырево
24. Годунов Евсей Владимирович 1921 г. р., д. Нижнее Котнырево
25. Беляев Пётр Максимович 1920 г. р., д. Нижнее Котнырево
26. Чернова Мария Дмитриевна 1958 г. р., д. Пирогово
27. Ильин Василий Миронович 1948 г. р., д. Пирогово
28. Максимов Иван Максимович 1935 г. р., д. Пирогово

29. Конникова Татьяна Григорьевна 1934 г. р., д. Удмуртский Ятцаз
30. Пчеловодов Иван Пантелеевич 1958 г. р., д. Старая Юмья
31. Прохорова Зинаида Дмитриевна 1939 г. р., д. Старая Юмья
32. Вершинина Екатерина Ивановна 1918 г. р., д. Старая Юмья
33. Губкина Анастасия Семёновна 1926 г. р., д. Кизеково
34. Григорьев Михаил Евдокимович 1934 г. р., д. Кизеково
35. Краснова Пелагея Трофимовна 1940 г. р., д. Кизеково
36. Чернова Екатерина Николаевна 1933 г. р., д. Кизеково
37. Иванова Анна Петровна 1924 г. р., д. Кизеково
38. Адаков Владимир Кузьмич 1941 г. р., д. Кучеряново
39. Майкова Ирина Андреевна 1919 г. р., д. Кучеряново, ур. д. Енабердино Менделеевского района республики Татарстан
40. Соколова Юлия Дмитриевна 1940 г. р., д. Арляново, ур. д. Вильшудья
41. Александрова Елена Трофимовна 1935 г. р., д. Арляново
42. Монашева Клавдия Ивановна 1926 г. р., д. Арляново
43. Пурашева Федосья Ивановна 1927 г. р., д. Арляново, ур. д. Богородск
44. Пурашева Раиса Анатольевна 1939 г. р., д. Арляново, ур. д. Кучеряново
45. Замятина Антонида Павловна 1934 г. р., д. Новотроицк
46. Загибалова Александра Еремеевна 1928 г. р., д. Верхнее Асаново, ур. д. Елкибаево
47. Галкина Анна Леонидовна 1955 г. р., д. Верхнее Асаново
48. Загибалова Лидия Николаевна 1963 г. р., д. Верхнее Асаново
49. Малышева Анастасия Ивановна 1918 г. р., д. Нижнее Асаново
50. Петров Кузьма Константинович 1934 г. р., д. Нижнее Асаново
51. Красильникова Дарья Васильевна 1923 г. р., д. Елкибаево, ур. д. Нижнее Асаново
52. Трескина Александра Фёдоровна 1921 г. р., д. Елкибаево
53. Перминова Дарья Яковлевна 1927 г. р., д. Елкибаево
54. Фёдорова Лукерья Фёдоровна 1931 г. р., д. Казаково, ур. д. Абышево
55. Петрова Майя Георгиевна 1949 г. р., д. Казаково

56. Игнатъева Антонина Алексеевна 1937 г. р., Казаково, ур. д. Орехово

57. Карпова Евдокия Фёдоровна 1924 г. р., д. Кузубаево

58. Лаврентьев Вячеслав Николаевич 1955 г. р., д. Кузубаево

59. Юберёв Аркадий Егорович 1956 г. р., д. Кузубаево

60. Андреева Валентина Максимовна 1934 г. р., д. Кузубаево

61. Попова Агафья Ивановна 1930 г. р., д. Кузубаево

62. Прокопьев Илья Петрович 1947 г. р., д. Чёрный Ключ

63. Иванов Юрий Семёнович 1958 г. р., д. Чёрный Ключ

64. Прокопьева Надежда Васильевна 1947 г. р., д. Чёрный Ключ

65. Иванова Мария Фёдоровна 1928 г. р., д. Чёрный Ключ

66. Рафикова Антонида Васильевна 1923 г. р., д. Чёрный Ключ

67. Моисеева Мария Давыдовна 1936 г. р., д. Чешошур-Куюк, ур. д. Варзибаш

68. Глухова Елена Фёдоровна 1931 г. р., д. Чешошур-Куюк

69. Мясникова Евнения Васильевна 1929 г. р., д. Чешошур-Куюк

70. Салтыкова Евдокия Николаевна 1933 г. р., д. Чешошур-Куюк

71. Степанов Татьяна Кузьминична 1921 г. р., д. Чешошур-Куюк

72. Мясникова Софья Ивановна 1928 г. р., д. Чешошур-Куюк

73. Смирнова Елена Герасимовна 1956 г. р., д. Чешошур-Куюк

74. Лесникова Антонида Николаевна 1966 г. р. д. Чешошур-Куюк

75. Чумакова Анисья Андреевна 1939 г. р. д. Кузюмово

76. Митрофанова Анисья Ивановна 1934 г. р., д. Кузюмов

77. Лебедева Анастасия Ивановна 1927 г. р., д. Кузюмово

78. Татьяна Васильевна Оськина 1969 г. р., д. Кузюмово

79. Титова Татьяна Егоровна 1939 г. р., д. Кузюмово

80. Романов Алексей Николаевич 1928 г. р., с. Варзи-Ятчи

81. Кононова Елизавета Аркадьевна 1926 г. р., с. Варзи-Ятчи

82. Надежда Александровна Гаранькина 1956 г. р., с. Варзи-Ятчи

83. Бабурина Валентина Георгиевна 1937 г. р. с. Варзи-Ятчи, ур. д.

Ляли

84. Скородумова Лидия Ивановна 1950 г. р., д. Ляли, ур. д. Удмуртский Тоймобаш

85. Соловьёва Елена Ильинична 1939 г. р., д. Ляли

86. Калинина Дарья Ивановна 1932 г. р., д. Ляли

87. Дунаева Агафья Парамоновна 1926 г. р., д. Ляли
88. Агранова Ирина Ефимовна 1923 г. р., д. Ляли
89. Тарасова Наталья Валерьевна 1927 г. р., д. Ляли, ур. д. Чемошур-Куюк
90. Новгородцева Татьяна Николаевна 1932 г. р., д. Шадрасак-Кибья
91. Рябина Ольга Егоровна 1930 г. р., д. Шадрасак-Кибья
92. Огурцова Вера Матвеевна 1929 г. р., д. Шадрасак-Кибья
93. Марина Николаевна Горшенина 1940 г. р., д. Шадрасак-Кибья
94. Касьянова Елизавета Петровна 1937 г. р., д. Шадрасак-Кибья
95. Чиркова Зинаида Павловна 1940 г. р., д. Шадрасак-Кибья, ур. д. Карамас-Пельга Киясовского района
96. Пашкина Вера Алексеевна 1936 г. р., д. Юмьяшур
97. Иванова Мария Ивановна 1918 г. р., д. Юмьяшур, ур. д. Чёрный Ключ
98. Камитов Владимир Михайлович 1932 г. р., д. Юмьяшур
99. Васильева Дарья Илларионовна 1926 г. р., д. Шайтаново, ур. д. Удмуртский Вишур Можгинского района
100. Уразова Римма Илларионовна 1935 г. р., д. Шайтаново, ур. д. Удмуртский Вишур
101. Ушаков Иван Афанасьевич 1923 г. р., д. Шайтаново, ур. д. Абышево
102. Филиппова Домна Васильевна 1921 г. р., д. Абышево
103. Леверова Раиса Алексеевна 1934 г. р., Абышево
104. Шихарева Елена Петровна 1929 г. р., д. Старая Шудья, ур. д. Удмуртский Тоймобаш
105. Охотникова Матрёна Александровна 1925 г. р., д. Удмуртское Гондырево
106. Охотникова Ефросинья Алексеевна 1929 г. р., д. Удмуртское Гондырево
107. Шалашов Степан Михайлович 1929 г. р., д. Удмуртское Гондырево
108. Шалашова Ольга Яковлевна 1928 г. р., д. Удмуртское Гондырево
109. Мартынова Капитолина Ивановна 1932 г. р., д. Старый Утчан

110. Королёв Василий Николаевич 1946 г. р., д. Старый Утчан
111. Щербакова Анна Игнатъевна 1916 г. р., д. Старый Утчан
112. Мурин Алексей Семёнович 1928 г. р., д. Верхний Утчан
113. Мурина Римма Михайловна 1937 г. р., д. Верхний Утчан

Граховский район

1. Чернова Ксения Герасимовна 1939 г. р., д. Лолошур-Возжи, ур. д. Нижние Юраши
2. Сковородникова Евдокия Антоновна 1944 г. р., д. Лолшур-Возжи, ур. д. Нижние Юраши
3. Сковородников Леонид Борисович 1942 г. р., д. Лолошур-Возжи, ур. д. Старые Ятчи
4. Ремнякова Ефросинья Иосифовна 1924 г. р., д. Лолошур-Возжи
5. Кривошеин Леонтий Николаевич 1936 г. р., д. Лолошур-Возжи
6. Кривошеина Мария Васильевна 1940 г. р., д. Лолошур-Возжи, ур. д. Верхняя Игра
7. Семёнов Михаил Семёнович 1930 г. р., д. Лолошур-Возжи
8. Тимашев Виктор Михайлович 1945 г. р., д. Лолошур-Возжи
9. Любовь Леонидовна Долгова 1954 г. р., д. Верхняя Игра
10. Барабанова Нина Васильевна 1932 г. р., д. Мишкино
11. Крестьянинов Антон Григорьевич 1928 г. р., д. Старая Ига
12. Крестьянинова Нина Терентьевна 1931 г. р., д. Старая Игра
13. Воронцова Лидия Фёдоровна 1930 г. р., д. Старая Игра
14. Балобанов Андрей Лаврентьевич 1934 г. р., д. Старая Игра
15. Коновалова Анна Максимовна 1918 г. р., д. Старая Игра
16. Долгова Анна Кузьминична 1926 г. р., д. Старая Игра
17. Белова Светлана Петровна 1960 г. р., д. Старая Игра
18. Бахматова Любовь Михайловна 1939 г. р., д. Старая Игра
19. Воронцова Васса Николаевна 1923 г. р., д. Старая Игра
20. Стрижова Марина Николаевна 1916 г. р., д. Старая Игра
21. Бородова Евдокия Христофоровна 1928 г. р., д. Нижние Юраши
22. Никитина Анастасия Лукинична 1933 г. р., д. Старые Ятчи
23. Маханов Александр Иванович 1925 г. р., д. Старые Ятчи
24. Бусыгина Александра Александровна 1925 г. р., д. Поршур
25. Юдин Георгий Кузьмич 1928 г. р., д. Поршур

26. Селевёрстова Анна Осиповна 1922 г. р., д. Поршур
27. Тихонова Валентина Максимовна 1936 г. р., д. Яги-Какси
28. Белых Анна Васильевна 1930 г. р., д. Яги-Какси, ур. д. Арвазь-Пельга Кизнерского района
29. Рябков Валентин Гаврилович 1934 г. р., д. Яги-Какси
30. Рябкова Анна Андреевна 1929 г. р., д. Яги-Какси
31. Медведева Прасковья Дмитриевна 1918 г. р., д. Яги-Какси
32. Лебедева Анна Семёновна 1929 г. р., д. Нижние Адам-Учи, ур. д. Лолошур-Возжи
33. Лебедева Анна Михайловна 1930 г. р., д. Нижние Адам-Учи, ур. д. Удмуртский Возжай
34. Лебедева Ольга Герасимовна 1931 г. р., д. Нижние Адам-Учи, ур. д. Мишкино
35. Новосёлов Дмитрий Николаевич 1928 г. р., д. Нижние Адам-Учи
36. Рожина Таисия Николаевна 1933 г. р., д. Нижние Адам-Учи
37. Никитин Степан Кузьмич 1927 г. р., д. Нижние Адам-Учи, ур. д. Енабердино Менделеевского района республики Татарстан
38. Емельян Елизарович Лебедев 1930 г. р., д. Нижние Адам-Учи
39. Степанова Вера Кузьминична 1931 г. р., д. Байтуганово
40. Романова Вера Егоровна 1939 г. р., д. Байтуганово
41. Фёдорова Ульяна Кирилловна 1917 г. р., д. Байтуганово, ур. д. Старая Игра
42. Петров Петр Васильевич 1926 г. р., д. Байтуганово
43. Гусева Дарья Павловна 1929 г. р., д. Байтуганово
44. Кузнецова Анна Михайловна 1927 г. р., д. Байтуганово

Киясовский район

1. Кукаева Анна Бектимировна 1907 г. р., д. Карамас-Пельга
2. Макарова Дарья Ильинична 1924 г. р., д. Карамас-Пельга
3. Макарова Мария Ильинична 1922 г. р., д. Карамас-Пельга
4. Смирнова Екатерина Романовна 1930 г. р., д. Карамас-Пельга
5. Соловьёва Ольга Николаевна 1932 г. р., д. Карамас-Пельга
6. Мазитова Зинаида Мартимьяновна 1925 г. р., д. Карамас-Пельга
7. Мазитова Ольга Ильинична 1954 г. р., д. Карамас-Пельга

8. Андреенова Ульяна Матвеевна 1926 г. р., д. Карамас-Пельга
9. Самсонова Александра Кузьмовна 1916 г. р., д. Карамас-Пельга
10. Фадеева Зоя Ивановна 1924 г. р., д. Старая Салья, ур. д. Калашур
11. Федотова Александра Васильевна 1926 г. р., д. Старая Салья
12. Батрова Мария Семёновна 1940 г. р., д. Старая Салья, ур. д. Карамас-Пельга
13. Беляева Мария Петровна 1931 г. р., д. Старая Салья
14. Охотников Иван Романович 1934 г. р., д. Старая Салья
15. Ермакова Антонина Фёдоровна 1935 г. р., д. Старая Салья
16. Куликова Зинаида Францовна 1954 г. р., д. Старая Салья, ур. д. Нижняя Малая Салья
17. Семёнова Марфа Яковлевна 1916 г. р., д. Старая Салья
18. Бубякина Агрофена Николаевна 1946 г. р., д. Старая Салья
19. Михайлина Мария Ивановна 1930 г. р., д. Верхняя Малая Салья
20. Михайлин Василий Григорьевич 1930 г. р., д. Верхняя Малая Салья
21. Раева Евдокия Романовна 1908 г. р., д. Верхняя Малая Салья
22. Фомина Александра Дмитриевна 1909 г. р., д. Верхняя Малая Салья
23. Маслакова Мария Романовна 1911 г. р., д. Верхняя Малая Салья
24. Атеева Александра Алексеевна 1930 г. р., д. Верхняя Малая Салья
25. Беляева Елена Ивановна 1917 г. р., д. Верхняя Малая Салья
26. Тимофеева Акулина Гавриловна 1915 г. р., д. Нижняя Малая Салья, ур. д. Верхняя Малая Салья
27. Ефимова Апполинария Ефимовна 1915 г. р., д. Нижняя Малая Салья
28. Мартынов Василий Георгиевич 1922 г. р., д. Нижняя Малая Салья, ур. д. Дубровский
29. Тихонова Евдокия Алексеевна 1934 г. р., д. Кады-Салья
30. Куликова Зинаида Алексеевна 1924 г. р., д. Кады-Салья
31. Сыропятова Евгения Филипповна 1911 г. р., д. Кады-Салья
32. Сыропятова Вера Васильевна 1939 г. р., д. Кады-Салья, ур. д. Верхняя Малая Салья

33. Ешкеева Анастасия Тихоновна 1925 г. р., д. Калашур, ур. д. Верхняя Малая Салья

34. Тарасова Ефросинья Ивановна 1920 г. р., д. Калашур

Юкаменский район

1. Невоструева Ксения Алексеевна 1924 г. р., бесермянка, д. Жувам

2. Невоструева Тамара Федотовна 1934 г. р., удмуртка, с. Пышкет

3. Зямбахтина Прасковья Гурьяновна 1921 г. р., бесермянка, д. Турчино

4. Зямбаева Надежда Ивановна 1932 г. р., бесермянка, д. Каменное.

5. Зентерекова Елизавета Федотовна 1916 г. р., д. Каменное, ур. д. Верхняя Пажма

Агрызский район Республики Татарстан

1. Иванов Николай Кузьмич 1931 г. р., д. Варклед-Бодья

2. Матвеева Антонина Матвеевна 1940 г. р., д. Варклед-Бодья

3. Любимова Евгения Алексеевна 1939 г. р., д. Варзи-Пельга

4. Михеева Александра Ермолаевна 1930 г. р., д. Варзи-Пельга

5. Дресвянникова Федосья Андреевна 1927 г. р., д. Варзи-Пельга, ур. д. Старая Пельга

6. Копылова Евгения Гавриловна 1927 г. р., д. Варзи-Пельга, ур. д. Старая Пельга

7. Байкова Нина Егоровна 1939 г. р., д. Сарсак-Омга

8. Маркитоновна Лидия Васильевна 1931 г. р., д. Сарсак-Омга

9. Давыдова Зинаида Герасимовна 1911 г. р., д. Сарсак-Омга, ур. д.

Итешево Малопургинского района УР

10. Васильева Валентина Ивановна 1939 г. р., д. Сарсак-Омга

11. Васильева Прасковья Ильинична 1908 г. р., д. Сарсак-Омга

12. Байкузина Галина Павловна 1947 г. р., д. Сарсак-Омга

13. Маркитоновна Светлана Борисовна 1967 г. р., д. Сарсак-Омга

14. Чернова Валентина Фроловна 1935 г. р., д. Сарсак-Омга

15. Байкова Елена Михайловна 1939 г. р., д. Сарсак-Омга, ур. д.

Старая Монья Малопургинского района УР

16. Чернова Нина Павловна 1951 г. р., д. Сарсак-Омга

17. Зубкова Антонина Павловна 1940 г. р., д. Сарсак-Омга, ур. д.

Итешево Малопургинского района УР

18. Богданова Екатерина Николаевна 1928 г. р., д. Сарсак-Омга

19. Богданова Елена Аркадьевна 1968 г. р., д. Сарсак-Омга, ур. д. Итешево

20. Никифорова Лидия Никитична 1939 г. р., д. Сарсак-Омга

21. Васильева Зоя Алексеевна 1929 г. р., д. Сарсак-Омга

22. Борисова Домна Ильинична 1924 г. р., д. Сарсак-Омга

23. Константинова Иван Ефимович 1929 г. р., д. Сарсак-Омга

Менделеевский район Республики Татарстан

1. Кузьмина Фёкла Петровна 1931 г. р., д. Енабердино

2. Никитина Ольга Тимофеевна 1931 г. р., д. Енабердино

3. Антонов Яков Михайлович 1931 г. р., д. Енабердино

Малмыжский район Кировской области (на левом берегу р. Вятки)

1. Васильева Ольга Александровна 1914 г. р., д. Большая Шабанка

2. Кузнецова Татьяна Николаевна 1963 г. р., д. Большая Шабанка

3. Королёва Клавдия Михайловна 1920 г. р., д. Каксинвай, ур. д. Дым-Дым-Омга Вятско-Полянского района Кировской области

Кильмезский район Кировской области

1. Шпанова Клавдия Степановна 1931 г. р., д. Большой Газек

2. Шпанова Зоя Степановна 1922 г. р., д. Большой Газек

3. Булатова Людмила Валерьевна 1967 г. р., д. Большой Газек

4. Бронникова Дарья Алексеевна 1917 г. р., д. Паска

5. Лялина Александра Тихоновна 1931 г. р., д. Паска

6. Соколова Ефросинья Сергеевна 1930 г. р., д. Паска

Унинский район Кировской области

1. Питиримова Римма Николаевна 1942 г. р., д. Удмуртский Сурвай

2. Алыпова Нина Ивановна 1925 г. р., д. Удмуртский Сурвай

3. Аникина Серафима Николаевна 1936 г. р., д. Удмуртский Сурвай

4. Алыпова Лидия Ивановна 1928 г. р., д. Удмуртский Сурвай

5. Иванова Антонина Степановна 1947 г. р., д. Ключи ур. д. Пазял

6. Иванова Валентина Яковлевна 1934 г. р., д. Ключи ур. д. Пазял
7. Никулина Валентина Перфильевна 1940 г. р., д. Ключи, ур. д. Удмуртские Тимши
8. Хохрякова Татьяна Васильевна 1966 г. р., д. Ключи, ур. д. Пазял
9. Хохрякова Елена Павловна 1931 г. р., д. Ключи

Вятско-Полянский район Кировской области

1. Александрова Тамара Алексеевна 1941 г. р., д. Дым-Дым-Омга, ур. д. Старая Бодья Кизнерского района Удмуртии
2. Такеева Ольга Дементьевна 1930 г. р., д. Дым-Дым-Омга
3. Решетникова Татьяна Андреевна 1956 г. р., д. Дым-Дым-Омга
4. Волкова Ольга Елисеевна 1928 г. р., д. Дым-Дым-Омга
5. Волкова Анастасия Алексеевна 1923 г. р., д. Дым-Дым-Омга
6. Волков Иван Елисеевич 1930 г. р., д. Дым-Дым-Омга
7. Буракова Валентина Николаевна 1955 г. р., д. Дым-Дым-Омга, ур. д. Казань-Омга Вятско-Полянского района Кировской области
8. Такеев Павел Демидович 1928 г. р., д. Дым-Дым-Омга

Бавлинский район Республики Татарстан

1. Жирнов Емельян Арсентьевич 1912 г. р., д. Покровский Урустамак
2. Бибарисова Екатерина Михайловна 1914 г. р., д. Покровский Урустамак
3. Сидорова Мария Михайловна 1914 г. р., д. Покровский Урустамак
4. Пронина Агафья Микеевна 1928 г. р., д. Покровский Урустамак

Об авторе этой книги

Ирина Алексеевна Косарева – этнограф, искусствовед, кандидат исторических наук – родилась в Ижевске (18.09.1960). Окончила исторический факультет Ленинградского государственного университета, где специализировалась на кафедре истории искусства (1977-1982).

Дипломную работу, посвящённую народному искусству удмуртов,

выполнила на самостоятельно собранном полевом материале под руководством Ирины Яковлевны Богуславской, доктора искусствоведения, заведующей отделом народного искусства Русского Музея. Работала собирателем и хранителем коллекций народного искусства в Удмуртском республиканском музее изобразительных искусств (1982-1988). Окончила заочную аспирантуру (1988-1992) под руководством известного отечественного этнографа, специалиста по этнографии народов Урало-Поволжского региона профессора Клавдии Ивановны Козловой и защитила кандидатскую диссертацию (1997) на кафедре этнологии Московского государственного университета им. Ломоносова. С 1988 года преподаёт в Удмуртском государственном университете, доцент кафедры истории искусств Института искусств и дизайна. Полевыми исследованиями традиционной культуры и народного искусства удмуртов занимается с 1981 года. Круг научных интересов – этнография, традиционная культура и народное искусство удмуртов. Автор ряда статей и монографии «Традиционная женская одежда периферийных групп удмуртов» (Ижевск: УИИЯЛ УРО РАН, 2000).

И. А. Косарева в Пироговском святилище Булды. 8 июля 2006 г.

Irina A. Kosareva

Ethnographic groups of the Udmurts (an attempt of definition).

I. A. Kosareva's book is devoted to the problem of definition of the ethnographical groups of the Udmurts. Up to now in the ethnographical literature the division of the Udmurt people was based mainly on general historico-geographical considerations (there were divided the Northern, the Southern, the Central Udmurts, the peripheral trans-Kama and trans-Vyatka groups etc.) or well-known facts of self-identification of some groups (the Bessermians, the Votka Udmurts) were taken into account. The borders between these divisions remained fuzzy (except of those of the Bessermians, who kept their steady identity and corresponding name) and the criteria of their definition were as a rule vague. In the works of V. N. Belitzer, S. N. Vinogradov and – especially – S. Kh. Lebedeva the approach was formed, according to which the main criterion of this definition should be the traditional women costume that was preserved even in the second half of the 20th c., supplemented by the data of ornamental patterns, traditional weaving, adornments, some forms of traditional handcrafts. This happened to be successful and resulted finally in I. A. Kosareva's work. Her presented book is an outcome of a long-term field and analytical investigations, where for the first time the main ethnographical divisions of the Udmurt people are defined. This is made on the base of a huge material collected mainly by the author herself in course of expeditions to almost all the Udmurt local groups. The borders of the divisions are traced exactly up to the separate villages and according to definite and substantiated criteria. These borders coincide in general with those of the Udmurt dialects, which became clear during last decades thank first to the works of R. Sh. Nasibullin. This is an additional proof of the historical background of the ethnographical division provided in this book and for its validity for further investigations in the history of the Udmurts and of the Kama-Vyatka region as a whole. Since the illustrative material is very extensive, significant for understanding the author's argumentation and conclusions and has its own scientific value, we publish I. A. Kosareva's monograph in two issues: the second issue of the 37th volume of the Proceedings contains the text and the third issue – the album of maps and illustrations.

Keywords: Udmurts, ethnography, ethnic groups, traditional weaving, traditional costume, embroidery, handcraft.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Отредакции.....	4
Предисловие.....	6
Введение.....	8
Часть 1. Срединные удмурты.....	19
Глава 1.1. Этнографическая группа <i>калмез</i>	20
Глава 1.2. Верхнеижско-шарканские удмурты.....	38
Часть 2. Собственно-южные удмурты.....	53
Глава 2.1. Среднеижская левобережная подгруппа.....	55
Глава 2.2. Алнашско-киясовская подгруппа.....	63
Глава 2.3. Граховско-южнокизнерская подгруппа.....	83
Глава 2.4. Севернокизнерская подгруппа.....	91
Глава 2.5. Водзимоньинская подгруппа.....	98
Глава 2.6. Можгинско-малопургинская подгруппа.....	106
Глава 2.7. Этнографическая группа бавлинских удмуртов.....	106
Часть 3. Наборы украшений этнографических подразделений удмуртов. Сравнительный анализ.....	119
Заключение.....	124
Список сокращений.....	131
Источники.....	132
Список использованной литературы.....	133
Список информаторов.....	151
Об авторе.....	193

Научное издание

**ИЗВЕСТИЯ
ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ
ПРИ КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

Том 37, № 2

Оригинал-макет и компьютерная вёрстка Солдаткин А. А.

Подписано в печать 29. 12. 2017 г. Формат 60x84^{1/16}. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,25. Уч.-изд. л. 10,3. Тираж 500 экз.
Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии Издательства
Казанского университета: 420008, г. Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37.
Тел.: (843) 233-73-59, 233-73-28.

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения
редакции. Редакция не несёт ответственности за содержание публикаций.